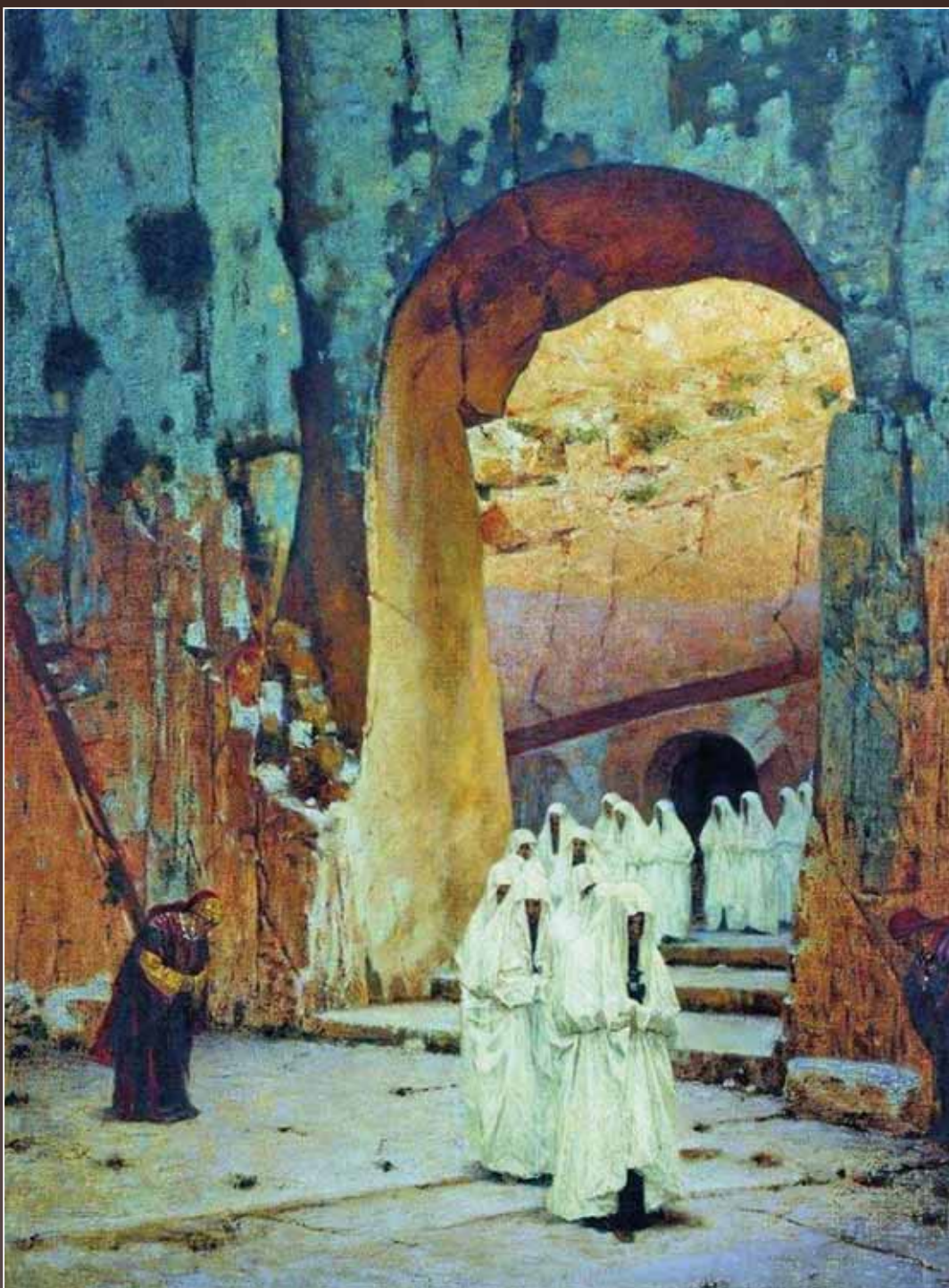

***Победивший санкции.
А семена разнесет ветер!***

О жизни и творчестве художника Василия Верещагина
читайте на странице 66.

Это интересно

<i>Илья Рюмин</i>	Советский Иван Сусанин 4
<i>Владимир Братченко</i>	Великий инженер 86

Неизвестное об известном

<i>Юрий Осипов</i>	«Алмаз» Грибоедова 14
--------------------	------------------------------------

Житейские истории

<i>Семен Биговский</i>	Хроникер 31
------------------------	--------------------------

Замечательные современники

<i>Денис Логинов</i>	Доктор — существо человекозависимое 36
<i>Елена Воробьева</i>	Артем Гришаев: «Я сознательно полюбил музыку в 16 лет» 78
<i>Евгения Черкашина</i>	Мои 99 весен... 118

Из российской истории

<i>Светлана Бестужева-Лада</i>	Между двух эпох 48
--------------------------------	---------------------------------

Шедевры

<i>Ирина Опимах</i>	Василий Верещагин. Палестинская серия 66
---------------------	---

Поэзия

<i>Иван Гришанов</i>	У смерти выигравший спор. Стихи 101
----------------------	--

Рассказ

<i>Фекла Петрова</i>	Младшенький 108
----------------------	------------------------------

Детектив

<i>Леонид Млечин</i>	Пока я не скажу: «Прощай!» 134
----------------------	---

Кроссворд. Эрудит

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Яркина Мария Александровна,
sales@smena-online.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

Корректор

Чекова Валентина Михайловна

Обложка

Фотоэтиюд Ульяны Кизиловой

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции
и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д.14
тел. (495) 612-15-07,
e-mail: sales@smena-online.ru
www.smena-online.ru

© ООО «Журнал «Смена»

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Отпечатано:

**ОАО «Можайский
полиграфический комбинат».**

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
Тел. 8-495-745-84-28, 8-49638-20-685

Тираж — 7800

Зак. № 8377

Цена свободная

Номер подписан в печать: 18.04.2018

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

« Он был поэтом, который не только писал о народе и его страданиях, но и одним из первых заговорил в поэзии народным языком, оставив после себя новую поэтическую «школу». Беспрецедентная издательская деятельность Некрасова на посту редактора-учредителя «Современника» открыла целую плеяду больших литературных талантов. Сам же он признавался: «Во мне всегда было два человека — один официальный, вечно бьющийся с жизнью и с темными силами, а другой такой, каким меня создала природа... Я не слишком нравлюсь самому себе». Таким его сформировала жизнь — «помещиком и плебеем в одном лице». Барин и разночинец боролись в душе этой столь даровитейшей личности. Вот в чем разгадка двойственности натуры Некрасова, «двуликого, но не двуличного».

Юрий **Осипов** «Двуликий, но не двуличный»

« После революции 1917 года многие российские аристократы, оказавшиеся в эмиграции, брались за любую работу и нередко достигали заметных успехов, хотя начинали новую жизнь, как говорится, с чистого листа. Да, многим русским мужчинам-аристократам приходилось становиться шоферами такси, чтобы как-то выжить. Но самые умные (и красивые) женщины высокого происхождения нашли собственный путь к успеху и богатству, принесший им всемирную славу в мире высокой моды благодаря их врожденному чувству стиля, идеальной осанке и безупречным манерам.

Светлана **Бестужева-Лада** «Русские аристократы в Париже»

« Практически каждый мальчишка (да и многие девчонки, кстати, тоже) заворожено смотрят на катящийся по игрушечным рельсам паровозик с вагончиками. Но вся эта игровая железнодорожная реальность рассчитана преимущественно на детсадовский возраст. Россия, однако, может гордиться тем, что является родиной до сих пор не имеющей аналогов в мире детской железной дорогой, где все по-настоящему, правда, все работы по ее обслуживанию выполняют... сами дети. Стать пассажиром такой дороги — это яркий праздник не только для детей, но и для их родителей, стремящихся хоть ненадолго окунуться в подзабытый волшебный мир детства. А для юных железнодорожников — это мечта, ставшая реальностью, увлекательное обучение в процессе необыкновенной игры в железную дорогу. Отрадно, что мир детских железных дорог в России продолжает жить и развиваться.

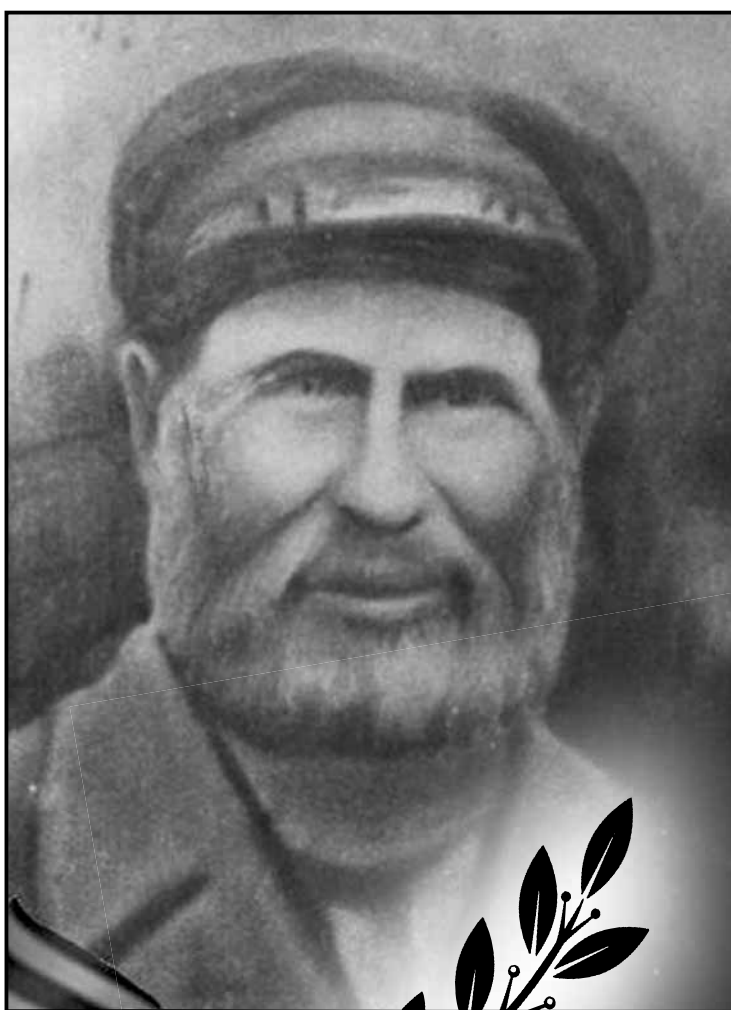
Дмитрий **Зелов** «Феномен Страны Советов — детские железные дороги»

« Детектив Андрея **Быстрова** «Зеркальная угроза»

Илья Рюмин

СОВЕТСКИЙ

Иван Сусанин

В Москве, в зале станции метро «Партизанская» (бывшая «Измайловский парк»), стоит памятник — пожилой бородатый мужчина в шубе и валенках вглядывается куда-то вдаль. Мало кто останавливается прочесть надпись на постаменте, да и вообще москвичи в метро давно уже не разглядывают интерьеры — некогда.

А между тем, это памятник человеку, имя которого во время Отечественной войны знала вся страна. О нем писали книги, очерки, стихи, слагали стихи и песни — о «Советском Иване Сусанине», ставшем Героем Советского Союза в 84 года.

21 июля 1858 года в селе Куракино Псковской губернии в семье крепостного крестьянина родился маль-

чик, которого назвали Матвеем. Правда, крепостным он пробыл менее трех лет. Но отмена крепостно-

го права в феврале 1861 года в жизни крестьян Псковской губернии мало что изменила — личная свобода не избавила от необходимости тяжелого труда без выходных и с редкими праздниками.

Когда пришла пора, выросший Матвей женился, обзавелся детьми. Первая жена Наталья умерла в молодости, оставив сиротами двух детей. Вдовец привел в дом новую жену — Ефросинью, подарившую мужу еще шестерых. Был он крепок и здоров — младшая дочь Лидия родилась в 1918 году, когда отцу стукнуло 60 лет.

Матвей пережил трех царей, войну и революцию, ничего не меняя в раз и навсегда установленном порядке жизни. Ему было 74 года, когда власти выправили ему первые в жизни официальные документы, в которых значилось «Матвей Кузьмич Кузьмин». До той поры все звали его просто Кузьмичом, а когда возраст перевалил за седьмой десяток — дедом Кузьмичом.

Коллективизация тоже не коснулась Матвея Кузьмича. Даже когда в колхоз вступили все, кто жил рядом, Матвей меняться не захотел, оставшись последним единоличником во всем районе. За такое упрямство вполне мог серьезно пострадать, тем паче, что односельчане деда недолюбливали, звали за глаза «бирюком» и «контриком». Общительным его действительно назвать было трудно, а характер у него сизмальства был жесткий.

Однако беда прошла стороной. Видимо, суровые товарищи из НКВД решили, что делать «врагом народа» 80-летнего крестьянина — это уже ни к чему. К тому же в кулаки его записать тоже было невозможно: ни земельных угодий, ни сколь-нибудь значительного количества домашней скотины дед Кузьмич не имел: обработке земли предпочитал рыбную ловлю и охоту, в которой был большой мастер. Дети, конечно, стали колхозниками, а старик сразу после смерти жены перебрался в небольшую избушку на отшибе деревни.

Когда началась Великая Отечественная война, Матвею Кузьмину было почти 83 года. Уже в августе 1941 года деревня, где жил дед Кузьмич, была оккупирована гитлеровцами. Многие соседи спешно эвакуировались, но Кузьмич с семьей предпочел остаться. Немцев он не то чтобы не боялся — просто не замечал: одной властью больше, одной меньше...

Впрочем, семейство значительно уменьшилось — две дочери вышли замуж и переехали к мужьям, один из сыновей работал на вагоноремонтном заводе в Великих Луках, второй — на мельничном комбинате, младшая дочь — на мясокомбинате. Но все-таки Кузьминых в деревне оставалось еще несколько семей.

Немцы пришли в деревню Куракино 26 августа 1941 года. В школе, где учились и Матвеевы дети-внуки, заработала местная комендатура,

а сам комендант выбрал себе избу Кузьмина, выселив несговорчивого старика с семейством в сарай.

Немецкие власти, узнав о чуде сохранившемся крестьянине-единоличнике, который, к тому же, чужается общения с односельчанами, вызвали его и предложили стать деревенским старостой. Лучшей кандидатуры, по их мнению, было просто не найти.

Матвей Кузьмин поблагодарил немцев за доверие, но от должности отказался — дело-то серьезное, а он и глуховат стал, и подслеповат, да и не любят его в деревне, никакого уважения оказывать не будут. Доводы старика гитлеровцы посчитали вполне убедительными и в знак особого доверия оставили ему его главный рабочий инструмент — охотничье ружье.

В начале 1942 года, после окончания Торопецко-Холмской операции, неподалеку от родной деревни Кузьмина заняли оборонительные позиции части советской 3-й ударной армии. В феврале в деревню Куракино прибыл батальон немецкой 1-й горнострелковой дивизии. Горных егерей из Баварии перебросили в этот район для участия в планируемом контрударе, целью которого было прорваться в тыл Красной армии, и этим облегчить контрнаступление в районе Малкинских высот.

Перед отрядом, базировавшимся в Куракино, была поставлена задача: скрытно пробраться в тыл к со-

ветским войскам, находящимся в деревне Першино, и внезапным ударом нанести им поражение. Для осуществления этой операции нужен был проводник из местных, и немцы вновь вспомнили о Матвее Кузьмине.

Командир потребовал от Кузьмина провести его батальон к деревне Першино. Требование было подкреплено предложением нескольких тысяч рублей, а также муки, керосина и превосходного охотничьего ружья «Sauer». Устоять, по мнению немцев, было невозможно, и полученное после некоторой торговли согласие Матвея показалось им вполне разумным поступком умудренного жизнью человека.

Старый охотник осмотрел ружье, по достоинству оценив «гонорар», и ответил, что согласен стать проводником. Он попросил показать на карте место, куда точно нужно вывести немцев, после чего заметил, что никаких сложностей не будет, поскольку он в этих местах много раз охотился.

Слух о том, что Матвей Кузьмин поведет гитлеровцев в советский тыл, мигом облетел деревню. Пока он шел домой, односельчане с ненавистью смотрели ему в спину. Кто-то даже рискнул что-то крикнуть ему вслед, но стоило деду обернуться, как смельчак ретировался — связываться с Кузьмичом и раньше было накладно, а теперь, когда он в фаворе у фашистов, и подавно.

В ночь на 14 февраля немецкий отряд, который вел Матвей Кузьмин, вышел из деревни Куракино. По прямой до Першино было каких-то 6 километров пересеченной местности, но батальон с полной выкладкой топал местными лесными тропами уже несколько часов. Командир батальона, пытавшийся контролировать маршрут, плюнул на карту и компас — ему не оставалось ничего другого, как довериться проводнику.

Они шли всю ночь тропами, известными только старому охотнику. Наконец на рассвете Кузьмич вывел немцев к деревне. Правда, не к Першино, а к деревне Малкино. Но, прежде чем немцы успели перевести дух и развернуться в боевые порядки, по ним вдруг со всех сторон был открыт шквальный огонь бойцами 2-го батальона 31-й отдельной курсантской стрелковой бригады под ко-

мандованием полковника С.П. Горбунова, в боевое охранение которой несколько часов назад вышел внук Матвея ...

Ни немцы, ни жители Куракино не заметили, что сразу после разговора деда Кузьмича с немецким командиром из деревни в сторону леса выскользнул один из его внуков, четырнадцатилетний Василий...

Юноша, знавший местность не хуже деда, вышел в расположение 31-й отдельной курсантской стрелковой бригады и сообщил, что у него есть срочная и важная информация для командира. Его отвели к командовавшему бригадой полковнику Горбунову, которому он и рассказал то, что велел передать дед, — немцы хотят зайти в тыл к нашим войскам у деревни Першино, но он выведет отряд к деревне Малкино, где их и должна ждать засада. Чтобы вы-

играть время для ее подготовки, Матвей Кузьмин всю ночь водил немцев окольными дорогами, на рассвете выведя их прямо под огонь советских бойцов.

Командир горных егерей понял, что старик его перехитрил, и в ярости выпустил в деда несколько пуль. Старый охотник опустился на снег, окрасившийся его кровью...

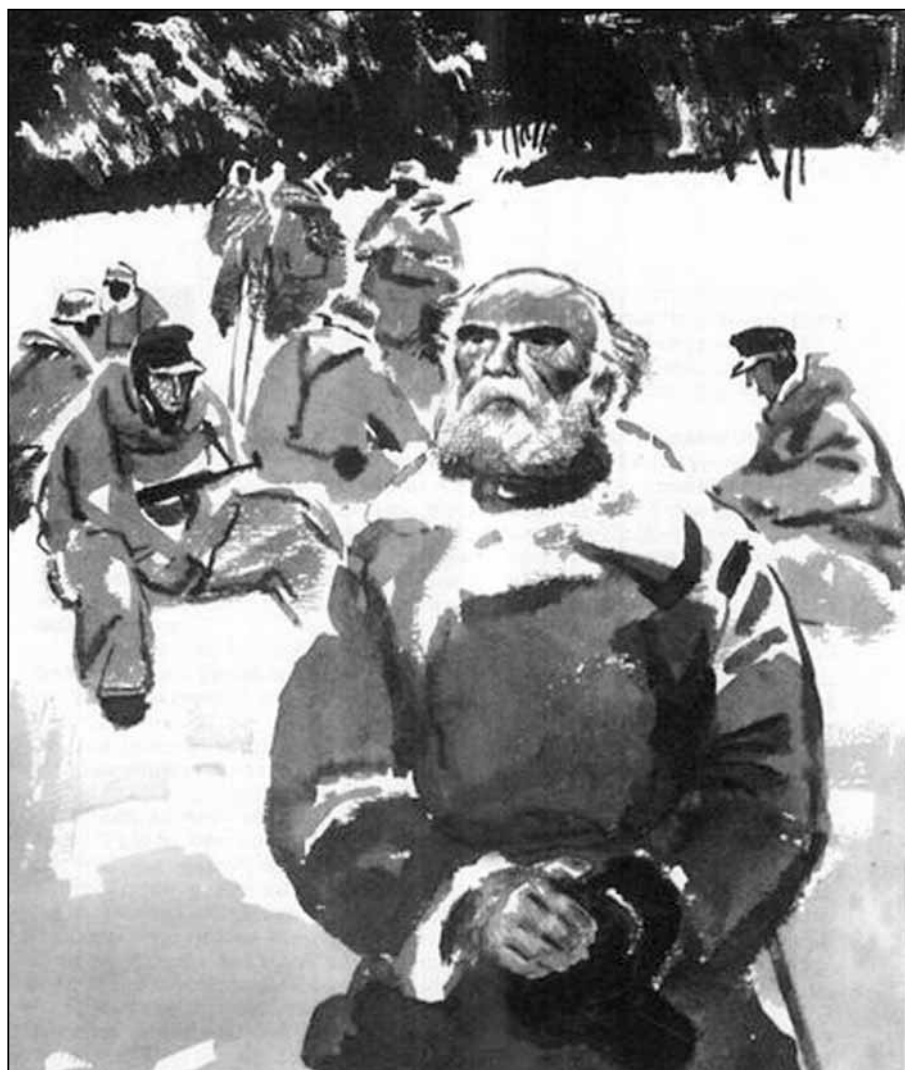
Немецкий отряд был разбит наголову, операция гитлеровцев была сорвана, несколько десятков егерей были уничтожены, часть попала в плен. Среди убитых оказался и

сам командир отряда, который застрелил проводника, повторившего подвиг Ивана Сусанина.

О подвиге 83-летнего крестьянина страна узнала почти сразу.

24 февраля 1942 г. — от Советского информбюро:

«Гитлеровский офицер вызвал жителя деревни К. 80-летнего Кузьмина Матвея Кузьмича и приказал ему скрытными путями провести многочисленную группу немцев в расположение боевого охранения части. Собираясь в дорогу, Кузьмин незаметно для немцев поручил своему 14-лет-

нему внуку Васе пробраться к советским войскам и предупредить их о нависшей опасности.

Долго водил тов. Кузьмин залятых врагов по оврагам, кружил по кустарникам и перелескам. Вконец усталые, продрогшие, немцы неожиданно для себя очутились под пулеметным огнем. Советские пулеметчики, заранее предупрежденные Васей, в упор расстреливали гитлеровцев. Поле покрылось трупами. Более 250 немецких солдат нашли здесь себе смерть. Когда немецкий офицер увидел, что его отряд по-

пался в ловушку, он застрелил старика. Героический подвиг славного советского патриота Матвея Кузьмича Кузьмина никогда не забудут трудящиеся нашей великой родины».

Но первым о нем рассказал военный корреспондент и писатель Борис Полевой в статье, напечатанной в газете «Правда». (Полевой оказался в этом районе и присутствовал на похоронах Кузьмина).

Для фронта были выпущены листовки, в газетах и журналах о Кузьмине печатались очерки, рассказы, стихи. Ему посвящали свои произ-

ведения писатели, поэты, скульпторы. Именем Героя Советского Союза Матвея Кузьмина были названы улицы во многих городах СССР (в частности, в городе Великие Луки его именем названа школа и улица). В его честь также назван советский (а теперь российский) траулер.

Первоначально героя похоронили в родном селе Куракино, но в 1954 году было принято решение перезахоронить останки на братском кладбище города Великие Луки.

Удивителен другой факт: подвиг Матвея Кузьмина был официально признан фактически сразу, о нем писались очерки, рассказы и стихи, однако в течение более чем двадцати лет этот подвиг не был отмечен государственными наградами. Возможно, сыграло роль то, что дед Кузьмич

фактически был никем — не солдат, не партизан, а просто нелюдимый старик-охотник, проявивший великую силу духа и ясность ума.

Но справедливость восторжествовала. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1965 года за мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, Кузьмину Матвею Кузьмичу посмертно присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина.

К тому времени у него было 36 внуков и правнуков. Сейчас их, наверняка, во много раз больше — около ста человек, разбросанных жизнью по всей России. В родном селе остались немногие.

В Великих Луках на могиле героя был установлен памятник, а на ме-

сте подвига, на Малкинской высоте, — обелиск. Под скульптурным изображением Кузьмина на станции метро «Партизанская» (работа М. Г. Манизера) указано, что он повторил подвиг Ивана Сусанина.

83-летний Матвей Кузьмин стал самым пожилым обладателем звания Героя Советского Союза за все время его существования. Но он был не самым старшим участником Великой Отечественной войны. На 4 года старше него был известный ученый, почетный академик АН СССР, директор ленинградского Естественно-научного института им. П.Ф. Лесгафта Н.А. Морозов, в качестве снайпера лично уничтоживший нескольких нацистов на Волховском фронте.

До семидесятых годов о «Советском Сусанине» много писали и вспоминали при каждой памятной дате. Но потом стали вспоминать все реже и реже, а о родственниках героя позабыли совсем.

Несколько лет назад сотрудники газеты «Родина» решили пройти тропю Матвея Кузьмина. В Великолукском краеведческом музее к идее отнеслись довольно скептически.

— Хотите написать о подвиге Матвея Кузьмина? Копать под старика будете?

— Вы о чем?!

— Да тут уже и про Александра Матросова, он тоже на нашей земле погиб, чего только не сочиняют...

Идею «Родины» — пройти тропой Матвея Кузьмина — поддержали

его немолодые внуки Валентина Ивановна Пугачева и Любовь Ивановна Изотова, правнук Сергей Кузьмин и его семилетний сын Матвейка, праправнук героя...

— На этом месте стоял наш дом, но он сгорел во время войны, — идя по улице и опираясь на палочку, говорила внучка Валентина Ивановна. — Борис Полевой написал, что дед был охотником, но это не так. Он из семьи плотника, его отец надорвался и умер, когда Матвейке было семь лет. И отцовский напарник взял его в ученики. Это мне мать рассказывала.

По этой улице в феврале 1942 года куракинцы спешно уходили в соседнюю деревню Першино — немцы были уже близко, поступил приказ эвакуироваться. Матвей Кузьмин со своей немаленькой семьей — шесть сыновей и две дочери — не успел вывезти все пожитки и вечером с сыном вернулся домой.

— Вот на этой дороге немецкий отряд их и застучал, — вступает в разговор другая внучка, Любовь Ивановна. — Пришлось остаться в деревне, но не в своей избе, там немцы расположились. А мы, как могли, в сарае устроились.

На Малкинской высотке неутомимая Валентина Ивановна, проваливаясь по щиколотку в снег, подошла к краю оврага:

— Даже сейчас здесь можно остатки окопов разглядеть. В них наши и ждали немцев. Мой папа, мне рассказывал, что сначала немцы

взяли его, хотели, чтобы он их в тыл к нашим провел. Отцу было в ту пору 33 года, он уже четверых детей имел, и от армии у него была бронь, поскольку его оставили ремонтно-вагонный завод эвакуировать. Но дед схитрил, покрутил пальцем у виска, мол, сын-то у меня дурачок, потому и не в армии, и вызвался сам гитлеровцев проводить. Только успел шепнуть внуку Васе, чтобы наших предупредил. Дед специально их долго по лесу водил, боялся, что Вася может не успеть... Когда семье сказали, что деда убили, Вася с братом вечером того же дня поехали с саночками за телом. Оказалось, что кто-то уже снял с Матвея валенки. Полевой написал, что он участвовал в торжественных похоронах с оружиевыми залпа-

ми. Но не было этого. Дед до весны пролежал в большом деревянном ящике, присыпанный снегом, во дворе у себя в Куракино. Мама мне рассказывала, что я все время норовила заглянуть туда, а она меня страшила, что дед может к себе затянуть. Здесь же, во дворе, и похоронили его весной. И только в 53-м году прах перенесли на братское кладбище в Великих Луках...

ВМЕСТО ПОСТСКРИПТУМА

Более ста советских людей повторили подвиг костромского крестьянина Ивана Сусанина, который в XVII веке завел в непроходимые леса польско-литовский отряд.

В феврале 1942 года колхозник Иван Иванов из Серебряно-Прудского района Подмосковья направил гитлеровцев в глухой лес, откуда они не сумели выбраться. Посмертно награжден орденом Отечественной войны II степени.

Лесник Савелий Угольников зимой 1941–42 годов в Бельских лесах вывел немцев на минное поле. Такой же подвиг совершил в декабре 1941 года житель деревни Мухарево Псковской области Михаил Семенов.

Крестьянин Яков Доровских из села Вязноватовка Воронежской области в феврале 1943 года направил отступавший немецкий полк с тяжелыми орудиями по непроезжей дороге, где тот попал под налет нашей авиации. Во время наступившей паники Якову удалось скрыться.

Подвиг Кузьмина получил такую небывалую известность лишь потому, что почти сразу после его гибели в Великих Луках оказался фронтовой корреспондент и писатель Борис Полевой. Но рассказанная им история гораздо красивее и увлекательнее действительности — «подавать

материал» Полевой умел виртуозно.

Если будете в Москве на станции метро «Партизанская», остановитесь у памятника с надписью «Герой Советского Союза Матвей Кузьмич Кузьмин», поклонитесь ему. Ведь без таких людей, как он, не было бы сегодня и нашей Родины. □

Юрий Осипов

«АЛМАЗ»

ГРИБОЕДОВА

Приятель, собрат по «музе, по судьбам» и полный тезка Пушкина, Александр Сергеевич Грибоедов прожил очень недолгую, но удивительную жизнь с беспримерным героико-трагическим финалом.

Одаренный от природы более чем щедро, этот насмешливый, язвительный великосветский щеголь, в сущности, не переставал искать себя до самой смерти. Талантливый поэт, пианист и композитор (грибоедовский вальс не забыт и в наши дни), выдающийся драматург, способный администратор, крупный дипломат, бывалый офицер, Грибоедов, казалось, ни в чем не мог найти полного удовлетворения. Мало кому из близких людей удавалось заглянуть в тайники его души.

Он видел и прекрасно осознавал уродства крепостнической России, с невиданной до него откровенностью бичевал светское общество в «Горе от ума», сочувствовал и разделял многие убеждения декабристов, как мог, старался облегчить после восстания их участь, одно время сам находясь под следствием за связь с ними. И в то же время делал сверхуспешную служебную карьеру. «Служить бы рад, прислуживаться тошно», — говорит в пьесе Чацкий, в котором мы узнаем черты автора. Недаром Пушкин тонко заметил по поводу его великой комедии: *«Чацкий совсем не умен (имеется в виду, что он резонирует перед фамусовским окружением — прим. авт.). Зато Грибоедов очень умен».*

Он был противоречивой личностью. Честолюбивой и идеалистичной. *«Мог обманываться, но обманывать — никогда».* Мог ратовать за сохранение национальной одежды и поддерживать европейские нововведения. Мог испытывать возвышенные чувства и стать, по мнению некоторых исследователей, непосредственным зачинщиком кровавой «четверной» дуэли из-за балерины Истоминой.

Грибоедов прожил на три года меньше Пушкина. Уезжая российским посланником в Персию, Александр Сергеевич, как и его гениальный тезка, а вслед за ними Лермонтов, которому был отпущен еще более короткий срок жизни, предчувствовал скорую гибель, но успел, задержавшись в Тифлисе, романтично жениться по вспыхнувшей обоюдной любви на совсем еще юной княжне Нине Чавчавадзе, которую знал в детстве. Она провожала его в Тегеран и, вскоре овдовев, сделала надпись на надгробном памятнике в гроте при церкви Святого Давида на горе Мтацминда: *«Ум и дела твои бессмертны в памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя!»*

Александр Сергеевич Грибоедов родился в Москве 4 (15) января 1795 года в родовитой и состоятельной дворянской семье. Его предок Ян Грибовский переселился в начале XVII века из Польши в Россию и стал именоваться Грибоедовым. А разрядный дьяк Федор Грибоедов во времена царствования Алексея Михайловича был одним из пяти составителей Соборного уложения, свода российских законов.

Мать будущего писателя, Анастасия Федоровна, происходила из смоленской, куда более богатой ветви этого рода и в девичестве тоже носила фамилию Грибоедова. Властная, порывистая, отличавшаяся резкостью тона, она славилась в Москве и далеко за ее пределами как замечательная пианистка (к тому

же хорошо играла на арфе). Сына и младшую дочь Машу обожала и окружила нежной заботой, дав им прекрасное домашнее воспитание. Отец, Сергей Иванович, был непримечательным отставным секунд-майором.

В детстве Саша удивлял родных своей сосредоточенностью и необыкновенно ранним развитием. В шестилетнем возрасте свободно владел тремя иностранными языками, в юности — уже шестью, включая немецкий, английский, французский и итальянский, которые знал в совершенстве. При этом хорошо понимал древнегреческий и латынь. В 1803 году родители отдали его в достославный Московский университетский Благородный пансион. А через три года он легко поступил

Слева:

*Отец —
Сергей
Иванович,
мать —
Анастасия
Федоровна
Грибоедовы*

*Александр
Грибоедов
в детстве*

на словесное отделение Московского университета, которое с кандидатской степенью окончил в 13 лет, перейдя затем на юридическое отделение философского факультета. В 1810 году этот вундеркинд получил степень кандидата права и... остался в университете для изучения математики и естественных наук.

Война 1812 года прервала его учебу. Летом юноша поступил корнетом в Московский (добровольческий) гусарский полк графа П. Салтыкова, где попал в компанию таких же юных корнетов из лучших дворянских фамилий — князя Голицына, графа Ефимовского, графа Толстого, Алябьева, Шереметева, Ланского, братьев Шатиловых. С некоторыми из них Грибоедов состоял в родстве. Служили все они исправ-

но, мечтали «о подвигах, о славе». Однако не успели закончить формирование, как неприятель вступил в Москву, и полк получил повеление следовать в Казань. Когда же Наполеон был изгнан из России, полк отправили в Брест-Литовск на соединение с разбитым Иркутским драгунским полком.

Грибоедов остался в армии и до 1815 года служил корнетом под командованием генерала от кавалерии А. Кологривова. Тогда начались его первые литературные опыты. К ним относятся военно-историческая публицистика и перевод французской комедии «Молодые супруги». Не побывав ни в одном сражении и наскучив службой в провинции, он подал прошение об отставке для «определения к статским делам». В марте

Справа:
*Дом,
в котором
родился
Александр
Грибоедов*

1816 года прошение было удовлетворено, а в июне следующего года вчерашний офицер и начинающий литератор был принят на службу в Коллегию иностранных дел, где числились Пушкин и Кюхельбекер. С обоими Грибоедов свел близкое знакомство.

В северную столицу он прибыл еще в 1815 году и быстро вошел в общественные, литературные и театральные круги. Там его приняли

как своего. Мало того, Александр Сергеевич подружился со многими членами нарождавшихся тайных обществ, участвовал в деятельности двух влиятельных масонских лож. В Петербурге молодой, подающий большие надежды дипломат и сочинитель вел достаточно рассеянный образ жизни: приятельствовал с актерами и актрисами, не избегал шумных застолий с литераторами и журналистами, отличался

в рискованных проделках бесшабашных друзей-аристократов.

Одной из таких проделок, которая привела к трагической дуэли, стала в 1817 году нашумевшая история с известной балериной Авдотьей Истоминой. Грибоедов был ее приятелем и как-то после представления привез Истому в дом В. Завадовского, у которого тогда квартировал и который имел на эту даму определенные виды. В доме у него Истомина провела двое суток.

Официальный любовник балерины В. Шереметев находился с нею в ссоре и был в отъезде, но выследил маршрут кареты Грибоедова и, подстрекаемый корнетом А. Якубовичем, большим любителем интриг, послал Завадовскому вызов на дуэль. Такой же вызов получил и се-

кундант Завадовского, Грибоедов. Так возникла, пока еще условная, коллизия «четверной» дуэли.

Первая пара дуэлянтов стрелялась на смертельном расстоянии в 12 шагов. Превосходный стрелок Завадовский хранил, подходя к барьеру, полное хладнокровие. Взбешенный, очевидно, таким невозмутимым поведением противника, Шереметев выстрелил, не доходя до барьера. Пуля пролетела у самой шеи графа, порвав воротник сюртука. Завадовский, в свою очередь, рассвирепел и подозвал Шереметева к барьеру. Со стороны секундантов раздались громкие просьбы помиловать взбалмошного кавалергарда, ведь при столь близком расстоянии и дуэльном мастерстве Завадовского кровавая развязка была неминуема.

Тот обещал только прострелить противнику ногу, чтобы проучить его. Но Шереметев в ответ пригрозил Завадовскому новым поединком. И тогда Завадовский прицельно выстрелил Шереметеву в живот. В те времена это означало верную смерть. Кавалергард упал и стал кататься от боли по снегу. А его же секунданта и приятеля Якубович подошел к нему, наклонился и издева-

тельно спросил: «Что, Вася, репка?» (В смысле — дело «труба»?) Через пару дней Шереметев умер, предварительно помирившись с Грибоедовым.

Таким образом, никакого разумного предложения для второй дуэли, по сути, не было. Тем более, Якубович, придумавший позднее версию об отмщении погибшего друга, не имел к ситуации с Истоминой никакого

отношения, а Грибоедов никогда не задевал его чести. И все же матерый бретер Якубович не унимался, одной жертвы ему показалось мало, и он настаивал на продолжении дуэли.

За участие в ней Якубович был выслан на Кавказ, а Грибоедов отделался выговором и смог дать удовлетворение своему противнику лишь год спустя в Тифлисе, будучи там проездом в Персию с дипмиссией. Поединок вновь сошел ему с рук, а Якубовича удалили из города.

Смерть Шереметева потрясла Александра Сергеевича, писавшего Бегичеву, что «на него нашла ужасная тоска», что он «видит беспрестан-

новало стремительный карьерный взлет Грибоедова и, возможно, послужило толчком к расцвету его литературного творчества. Российским поверенным в Тегеране был назначен С. Мазарович. Секретарем при нем — Грибоедов. Со свойственной ему энергией он после недолгих колебаний взялся за изучение персидского и арабского языков, засел за литературу о Востоке. В конце августа покинул Петербург, заехал по дороге в Москву, чтобы проститься с матерью и сестрой, и в октябре прибыл в Тифлис.

Там он безотлагательно сошелся у барьера с ожидавшимися его Якубовичем. Стрелялись на рассвете за

В

детстве Саша удивлял родных своей сосредоточенностью и необыкновенно ранним развитием. Уже в шестилетнем возрасте он свободно владел тремя иностранными языками, в юности — уже шестью: немецкий, французский, английский и итальянский он знал в совершенстве, а еще хорошо понимал древнегреческий и латынь

но перед глазами Шереметева» и что «пребывание в Петербурге сделалось ему невыносимо». А тут еще финансовые дела матери писателя пошатнулись, и следовало всерьез подумать о продолжении службы вне столицы.

Включение в состав русского представительства при шахском дворе в начале 1818 года ознаме-

городом. Первым выстрелом Грибоедов промахнулся, пуля прошла рядом с головой Якубовича, а тот ранил его в ладонь и раздробил мизинец — тоже в результате промаха, поскольку целился противнику в живот. Обменявшись выстрелами, они примирились. «Пусть теперь стреляет в других, моя прошла очередь», — написал Александр Сергеевич после дуэли, сильно сожалея,

что не сумел оборвать череду интриг и бретерских выходов этого опасного человека.

В Тифлисе секретарь дипмиссии в сопровождении канцеляриста оставался до конца января следующего года и за это время душевно сошелся с проконсулом Кавказа, героем Отечественной войны генералом А. Ермоловым. Их долгие откровенные беседы произвели на Александра Сергеевича большое впечатление. Ермолов тоже привязался к молодому дипломату.

К Мазаровичу и его свите он присоединился в феврале уже в Тебризе, где помещалась резиденция наледника престола Аббаса-Мирзы. Грибоедов умел располагать к себе самых разных людей — качество для дипломата необходимое. В Тебризе ему удалось подружиться даже с извечными соперниками россиян на Кавказе, англичанами, состоявшими при британской миссии. Весьма благосклонно отнесся к секретарю нашего представительства и сам Фатх Али-шах, торжественно принявший русскую миссию в Тегеране. В иранской столице она оставалась с марта по август, возвратившись затем в свою постоянную резиденцию в Тебризе.

Там, наряду с посольской перепиской, языковыми и историческими «штудиями», Александр Сергеевич приступил к написанию комедии «Горе от ума», но текущие важные дела постоянно отвлекли его от работы над пьесой. По Гюлистанскому трактату 1813 года русская миссия

вправе была требовать от персидского правительства возвращения в Россию наших пленных солдат, принужденных служить в шахской армии. Грибоедов активно занялся их розысками, нашел 70 человек и задумал вывести их пешим порядком на родину. Иранские чиновники отнеслись к этой затее с озлоблением, чинили всяческие препятствия, однако секретарь дипмиссии настоял на своем и осенью 1819 года самолично привел маленький отряд в Тифлис. Ермолов встретил его ласково и представил к награде.

Едва отдохнув от трудного и опасного предприятия, Грибоедов в январе 20-го пустился в обратный путь. По дороге сделал остановку в знаменитом на весь мир хранилище древних армянских рукописей Эчмиадзине и завел там полезные связи с армянским духовенством. В Тебриз он возвратился в начале февраля и сразу же окунулся в неотложные дела, быстро став совершенно незаменимым. Поэтому, когда на исходе 21-го года между Персией и Турцией завязалась война, именно его послал Мазарович к Ермолову с секретным докладом о ходе событий.

В дороге Александр Сергеевич умудрился сломать себе руку, что не помешало ему, однако, часто разъезжать с Ермоловым по Кавказу, выхлопотав себе разрешение оставаться на время лечения в Тифлисе секретарем наместника. Там тогда же находился Кюхельбекер, и Грибоедов, сцена за сценой, читал ему пока еще создававшуюся комедию. При-

чем восторг Кюхли сильно помогал автору в работе.

После отъезда «бесценного» пушкинского друга в центральную Россию Грибоедов затосковал по родине и исходатайствовал себе через Ермолова отпуск в Москву и Петербург. В конце марта 1823 года он уже был в Первопрестольной, в кругу семьи. Встречался со старыми и новыми приятелями, ездил по балам и светским раутам, наведывался в Аглицкий клуб, завсегдатаев которого во главе с Фамусовым вывел в комедии.

Первые два акта своей гениальной комедии, написанные на Кавказе, Александр Сергеевич читал дома С. Бегичеву, а два вторых писал в его тульском имении летом 1823-го. Там же кропотливо правил уже окончательный текст пьесы, которую теперь читал в разных литературных салонах, и которая в списках расходилась по всей России.

Из Москвы писатель в июне 24-го направился в Петербург с целью добиться цензурного разрешения печатать и ставить свою комедию, но разрешения так и не получил (в печать цензура пропустила только отрывки первого акта и третий акт с большими сокращениями). Тем не менее, появившись в болгаринском альманахе «Русская Талия» за 1825 год, они вызвали поток восторженных статей в петербургских и московских журналах.

В северной столице Грибоедова ждал блестящий прием. Он встречался с министрами, членами Госу-

дарственного Совета, генерал-губернатором графом Милорадовичем. Генерал Паскевич, сменивший Ермолова на Кавказе, представил его великому князю и будущему императору Николаю Павловичу. В литературных кругах Грибоедов читал на вечерах «Горе от ума», и комедия производила ошеломляющее впечатление новизной и легкостью стиха, остротой социальной критики, смысловой отточенностью реплик. Недаром добрая треть их сразу же «ушла в народ» и была разобрана на поговорки: «...с корабля на бал», «Где ж лучше? Где нас нет», «Служить бы рад, прислуживаться тошно», «...шумите, да и только» и многие другие.

Громкому успеху, тешившему авторское тщеславие, сопутствовало и явное расположение светских дам, коим Грибоедов всегда дорожил. Однако он предпочел в тот период завязать ни к чему не обязывавший любовный роман с популярной танцовщицей Телешовой, не излечивший его, впрочем, от частых приступов тоски, во время которых будущность представлялась ему в довольно-таки мрачном свете. Чтобы разогнать тоскливые мысли и настроения, Грибоедов решил отправиться в путешествие, служившее для него, как и для Пушкина, лучшим лекарством от хандры. Ехать за границу из-за просроченного уже служебного отпуска было нельзя, и Александр Сергеевич предпочел отправиться в Киев, Крым, а оттуда напрямик вернуться на Кавказ.

Александр Якубович

Пушкину принадлежит выражение: «*Бывают странные сближения*». Они во многом относятся к двум этим гениям отечественной литературы. Полным тезкам, знакомым с отрочества при небольшой разнице в возрасте, приятельствовавшим в зрелые годы, испытавшим превратности судьбы, рано познавшим подлинную славу, оказавшим влияние на творчество друг друга и убитым во цвете лет — сперва Грибоедов, следом Пушкин.

Оба они почти одновременно поступили в Коллегию иностранных дел и одно время по службе редко, но встречались. Грибоедов и его друзья относились к Пушкину, как старшие к младшему. Он уважал их мнение, дорожил их приятельством и, «никого не щадивший ради красного словца», никогда не позволял се-

бе затрагивать в эпиграммах Грибоедова, встречаясь с которым в обществе, разменивался веселыми шутками и остротами. Однако коротко они так и не сошлись, как, по всей очевидности, должны были бы сойтись два столь умных и талантливых человека.

Сойтись накоротке им помешала скитальческая судьба обоих. Грибоедов отправился в Персию, Пушкина сослали на юг. И оба провели в странствиях полжизни. С 1818 по 1828 год они не встречались, но внимательно следили за творчеством друг друга. В Михайловском Пушкин читал Пущину список «Горя от ума» и вел в «Евгении Онегине» поэтическую переключку с грибоедовской комедией. В рукописях Пушкина осталось шесть исполненных его летящим пером грибоедовских портретов в фас и профиль.

Оба они очень любили путешествия и получали в них мощный творческий импульс. Их манили одни и те же маршруты: Украина, Кавказ, Крым. Обоих объединяла тяга к Востоку, которая выразилась у Пушкина в «восточных мотивах» его поэзии и прозы. Причем классическую персидскую поэзию он знал прекрасно, цитировал в своих произведениях, а его знаменитый «Памятник» навеян строками Саади. И, наконец, оба дружили с декабристами и даже готовы были в определенный период примкнуть к тайным обществам.

К концу января 1826 года (через месяц после восстания на Сенат-

ской площади) в чеченскую крепость Грозную (ныне — Грозный) с разных сторон съехались Ермолов, Вельяминов, Грибоедов, Мазарович. Здесь Александр Сергеевич был арестован и подвергнут следствию по делу декабристов. Некоторые из них показали на допросах его причастность к тайному обществу. Сам Грибоедов это решительно отрицал. Показания Рылеева, Пестеля, А.Бестужева и других заговорщиков были в пользу Грибоедова, и Следственная комиссия постановила освободить его с «очистительным аттестатом». Он получил прогонные деньги для возвращения в Грузию и был произведен в надворные советники.

Конечно, подобно Пушкину, Грибоедов сочувствовал декабристам, и многие его убеждения совпадали с декабристскими. Да и Чацкий выступает типичным представителем тогдашней передовой молодежи — не случайно декабристы тоже активно распространяли списки «Горя от ума». Пушкин же, принятый по возвращении из михайловской ссылки Николаем спустя несколько дней после восстания декабристов, на во-

прос нового императора, где он находился бы 14 декабря, твердо ответил: «Со своими друзьями на Сенатской площади». И, подобно Грибоедову, он был прощен, даже получил придворный чин и разрешение работать в государственных архивах для сбора материалов по истории пугачевского бунта...

Грибоедов, между тем, выхлопотал себе еще пару месяцев в Петербурге. Стояло жаркое лето, и Александра Сергеевича терзали мысли о казненных и сосланных друзьях, знакомых. Вдохновение покинуло его, и поэтическое дарование напрасно требовало новых высоких свершений. Будущность представлялась туманной и безотрадной.

К концу июля поэт прибыл в Москву, куда на торжественную коро-

*Нина
Грибоедова
(Чавчавадзе)*

нацию Николая I собрался уже весь двор, высшее чиновничество и генералитет. Здесь же присутствовал родственник Грибоедовых Паскевич, которому с началом русско-персидской военной кампании 1826-1828 годов предстояло принять на Кавказе вместо впавшего в немилость Ермолова бразды правления. Мать упрашивала Александра Сергеевича перейти к нему на службу, и тот, скрепя сердце, согласился.

Приняв управление Кавказом, Паскевич поручил Грибоедову все

дипломатические сношения с Турцией и Персией. Причем он не только вел огромную переписку главнокомандующего российскими войсками, но и участвовал в выработке планов боевых действий, терпел тяготы и лишения походной жизни, а — главное — вел сложнейшие дипломатические переговоры с воевавшей против России Персией.

Когда в результате побед Паскевича была освобождена столица Армении и оккупирован Тебриз, при

непосредственном участии Грибоедова в феврале 1828 года удалось заключить крайне выгодный России Туркманчайский мирный договор. Паскевич командировал Грибоедова в Петербург для представления трактата императору. Посланец был принят Николаем 14 марта, на следующий день после приезда, и в награду удостоен чина статского советника, ордена и четырех тысяч червонцев. (Сам Паскевич получил ти-

дах у П. Свинына и М. Вильегорского в салоне графа И. Лавалья, гулял с ним по набережной Невы. А на одной из традиционных литературных «суббот» у В. Жуковского, где Грибоедов читал отрывок из своей новой трагедии «Грузинская ночь», они обсуждали план совместного «набега» в Париж и Лондон, куда им обоим не суждено было попасть.

Однажды они вместе поехали в театр. Появление в ложе двух Алек-

В

Тифлисе произошло важное и радостное событие: Грибоедов женился на юной княжне Нине Чавчавадзе, которой в детстве давал уроки музыки и следил за ее образованием. Родные невесты охотно согласились на этот брак. Вскоре после венчания Александр Сергеевич с русской миссией отправился обратно в Персию, а молодая жена сопровождала его часть пути. Он писал о ней с дороги друзьям восторженные письма

тул графа Эриванского и миллион рублей.)

В ореоле литературной славы и дипломатического триумфа Александр Сергеевич вновь прожил в северной столице целых три месяца. Вращался в правительственных, общественных и писательских кругах, посещал светские рауты и балы, а душой отдыхал, встречаясь со старыми приятелями и закадычными друзьями.

Несколько раз свиделся с Пушкиным в гостинице Демута, на обе-

сандров Сергеевичей публика встретила аплодисментами. В них видели гордость и надежду российской словесности. Грибоедов раскланивался и улыбался. На людях он казался оживлен, но друзьям жаловался на сильное утомление, мечтал об отдыхе и кабинетных занятиях, собирался выйти в отставку.

Судьба распорядилась иначе. С отбытием Грибоедова в Персии не осталось русского дипломатического представителя. Между тем у России разгорелась война с Турцией,

и на Востоке возникла острая необходимость в энергичном и опытном посланнике. Выбор пал на Грибоедова. Он пробовал отказываться, это не подействовало. 25 апреля 1828 года высочайшим указом Александр Сергеевич Грибоедов был назначен министром-резидентом в Персию.

С момента назначения он стал одержим мыслями о смерти и постоянно твердил друзьям: *«Там моя могила. Чувствую, что не увижу более России»*. 6 июня Грибоедов навсегда покинул Петербург и через месяц прибыл в Тифлис. Начинаясь последняя, героическая глава его жизни.

онском соборе при стечении большого количества народа. 9 сентября русская миссия тронулась в Персию. Молодая жена сопровождала Грибоедова часть пути, и он писал о ней с дороги друзьям восторженные письма.

В Тебризе, куда прибыла миссия, на русского посланника сразу же навалились тяжкие заботы. Главными из них были две: во-первых, предстояло категорически настаивать на уплате изворотливым и коварным шахским правительством контрибуции за прошедшую военную кампанию, а во-вторых, разыскивать и отправлять на Родину измученных российс-

В

о время возвращения в северную столицу Грибоедова ждал блестящий прием. В литературных кругах он читал на вечерах «Горе от ума», и комедия производила ошеломляющее впечатление легкостью стиха, остротой социальной критики, смысловой отточенностью реплик. Недаром добрая треть их сразу же «ушла в народ» и была разобрана на поговорки

В Тифлисе произошло важное и радостное событие в жизни поэта: он женился на юной княжне Нине Александровне Чавчавадзе, которой в детстве давал уроки музыки и следил за ее образованием. Родные невесты охотно согласились на этот брак. Сам Александр Сергеевич был влюблен и счастлив. Венчание прошло 22 августа в величественном Си-

ких подданных, попавших в руки персиян.

И первое, и второе было чрезвычайно трудным делом и вызывало дикое озлобление как в правительственных кругах, так и в народе. Чтобы уладить эти проблемы, Грибоедов в канун Нового года выехал к шаху в Тегеран и был хорошо принят им. Так что поначалу все шло благо-

получно. В письме к министру иностранных дел графу К. Нессельроде Грибоедов сообщал, что для выплаты контрибуции *«Аббас-Мирза велел расплавить в слитки великолепные золотые канделябры и разные вещи из гарема, одна работа которых стоит столько же, сколько сам металл».*

Вскоре, однако, опять начались конфликты из-за пленных. К тому же

с января 1829 года в русском посольстве в Тегеране находили приют беглые армянские пленные, просившие вернуть их на родину, которая вошла в состав Российской империи. С той же целью к покровительству русского посланника прибегли две армянки из гарема шахского зятя Аллаяр-хана. Все это послужило причиной дикой ярости исламских

фанатиков, подстрекавших народ в мечетях и на базарах громить российскую миссию.

30 января (11 февраля) озверевшая сотысячная толпа под предводительством людей Аллаяр-хана и моджахеда Месиха напала на здание посольства. Его охранял конвой из 35 казаков, которые под командованием Грибоедова до последнего отстреливались из окон и с балконов, убив 17 нападавших.

Александр Сергеевич с двумя пистолетами в руках спустился к входной двери, не выдержавшей вскоре напора толпы, и хладнокровно стрелял почти в упор, пока не был растерзан вместе с казаками. Во время этой страшной резни спасся лишь один двуличный секретарь посольства И. Мальцев, которого, якобы, слуга стоймя завернул в ковер и прислонил к стене среди других стоявших там ковров. (Существует иная, более правдоподобная версия, согласно которой Мальцев воспользовался предложением раположенного к нему хана, перелез через крышу посольства и укрылся у того в доме.)

Изуродованное до неузнаваемости тело российского посланника несколько дней таскали по улицам, и оно было опознано лишь по обрывкам мундира и искалеченному на дуэли с Якубовичем мизинцу правой руки.

Резня в тегеранском посольстве вызвала огромный дипломатический скандал, грозивший Персии новой войной. Улаживать отношения с Россией Аббас-Мирза послал в Санкт-Петербург своего внука Хосров-ми-

рзу, в чью задачу входило не только извинение за убийство посла, но и смягчение бремени контрибуций. В числе богатых даров, поднесенных императору, был легендарный алмаз «Шах». Миссия Хосрова-мирзы увенчалась успехом. Выплату куруров (контрибуций) Николай I разрешил отложить на пять лет. А принимая алмаз, милостиво сказал склонившему голову посланцу: *«Я предаю вечному забвению злополучное тегеранское происшествие»*. И — все. Никто из зачинщиков резни не понес наказания. Кровь Грибоедова так и осталась неотомщенной.

...В «Путешествии в Арзрум во время похода 1829 года» Пушкин пишет: *«...два вола, впряженные в арбу, поднимались по крутой дороге. Несколько грузин сопровождали арбу. "Откуда вы?" — спросил я их. "Из Тегерана". — "Что вы везете?" — "Грибоеда". Это было тело убитого Грибоедова, которое сопровождали в Тифлис»*. Такой оказалась последняя встреча двух наших вечных спутников, двух пересекавшихся по жизни и влиявших друг на друга великих поэтов. Двух людей будущего. Двух заложников судьбы.

Восемь лет спустя Александр Тургенев повезет без остановок из Москвы на ямщицких дрогах в Святогорский монастырь тело убитого друга и, когда гроб опустят в промерзлую псковскую землю, велит написать на простом могильном кресте только одно слово: «Пушкин». Действительно, «бывают странные сближения». □

Деревенская улица была заполнена гамом и криками, солнечные лучи прореживали пыльные клумбы, играя светом. День клонился к закату. Посередине улицы стоял какой-то дед, вокруг которого прыгали мальчишки и, строя гримасы, кричали:

— Вова-хроник, Вова-хроник, Вова-хроник!

Дети смеялись, а старик плакал и одновременно смеялся вместе с ними.

— Живые! Ребятки, живые! — неслышно себе под нос лепетал он. — Живые, ребятки... Толик, Сеня, Митя, Ванечка, Коленька, живые!..

Дети кружились вокруг деревенского дурачка, а он, подняв правую руку, крутил ею над своей головой и продолжал повторять:

— Живые... Живые! Ребятки, живые!

Один из мальчишек вдруг остановился перед стариком и тихо спросил:

— Вова-хроник, а почему ты про нас ТАК говоришь?

Дед притронулся к его щеке, словно проверяя, настоящий ли он, и прошептал:

— Вы все умрете, Митенька, все умрете...

— Я не Митя, я — Сережа! — выкрикнул мальчишка и снова запрыгал вокруг старика.

В выходные вечера молодежь в деревне обычно развлекалась танцами, старики — разговорами, а дети — просмотром кино. Ленты были одни и те же, да и сам местный клуб был стар — деревянный пол, складные фанерные стулья. Фильмы, которые крутил молодой кинемеханик Вася, знали уже наизусть и порой выкрикивали фразы раньше, чем их озвучивали актеры. У Васи была кличка «Биата», потому что во время прохождения Олимпиады молодежи и студентов он умудрился сделать 3 ошибки в одном слове, написав на афише: «Олембиата-80». Вася недавно вернулся из армии и очень хотел уехать в город, но пока жил в родной деревне: надо было помогать своим старикам.

Вместе с ним в каморке механика обретался и деда Вова. Когда-то он сам крутил кино, но теперь был уже слишком стар для этого, лишь иногда помогал Васе, но чаще всего был просто где-то рядом.

Вася вышел из клуба и закурил: к вечернему показу он уже подготовился, оставалось дожидаться вечера и начала сеанса. Он был парнем рослым, где-то под два метра, рыжие вихры взвивались чубом над выпуклым и высоким лбом, веснушки — на пол-лица, огромный нос картошкой. Его слегка пижонистый характер выдавали цветастая рубашка и белые кроссовки, покрашенные краской в тон ей.

Вася с наслаждением затянулся, и вдруг его внимание привлекли уличные крики: толпа мальчишек издевалась над дедом Вовой. Он нахмурился и повернул голову в сторону клуба. На жердях ограды сидели трое парней из местной шпаны.

— Слышь, Корявый! Иди сюда, — подозвал он одного из парней, и тот быстро подбежал к нему. — Это что такое? — махнул рукой Вася на толпу детей, дразнивших деда Вову.

— Ну, так это... они ж городские, приезжие, — пробормотал Корявый.

— А ты чо, объяснить им не мог? — Вася в упор посмотрел на паренька.

Колька уставился на него пустыми голубыми глазами, нижняя губа отвисла, рот приоткрылся, но губы вдруг сжались, и лицо стало злым и каким-то озабоченным.

— Щас я им навалюю, — процедил он и многозначительно посмотрел на своих дружков, которые тут же спрыгнули с ограды, а один даже схватил палку.

— Не надо, — остановил Корявого Вася. Скажи им лучше, пусть в клуб приходят, сегодня новое кино поставлю, интересное, они такого никогда не видели.

Корявый побежал к мальчишкам, окликнул парочку ребят и стал о чем-то сбивчиво говорить. Вася обернулся, улыбнулся городским пацанам и подмигнул им, те в ответ тоже заулыбались и побежали дальше по своим делам. А он подошел к деду Воле, который уже немного успокоился, взял его за руку, и они медленно направились к дому старика.

Пройдя через сени в комнату, Вася усадил деда на диван, сам прошел за печку к сундуку, открыл его и достал темно-коричневый парадный пиджак. Затем подошел к столику, на котором стояла небольшая шкатулка, вынул из нее орден, блеснувший красным знаменем под проникшим в комнату косым солнечным лучом, и вслух прочитал надпись на награде: «Пролетарии всех стран, объединяйтесь!»

Молодой механик бережно снял со старика старую одежду, аккуратно причесал его. Дед тем временем не отводил глаз от большой синей рамки на бревенчатой стене, из которой на него смотрели около десятка черно-белых фотографий: жена, сыновья, брат, сестры, сослуживцы и однополчане. Он сидел смиренно, весь погрузившийся в себя. Монотонно тикали часы, нарушая ставшую какой-то загадочной тишину...

В тот вечер клуб был переполнен людьми, пришли и мальчишки — и местные, деревенские, и городские. Вася был на удивление нарядно одет, но еще удивительнее выглядел дед Вава: серая кепка, коричневый парадный пиджак, а на груди — единственный орден с развевающимся красным знаменем. Механик принес мягкий стул и посадил его отдельно от всех, в проходе возле первых рядов. Последними подтянулись Колька Корявый и его дружки. Вася жестом показал им, чтобы они выключили свет. Мальчишки сразу возмущенно загалдели, но он громко свистнул, и все затихли, а Колек не преминул раздать им в темноте пару затрецин.

И тут луч кинопроектора разрезал плавающую в воздухе пыль, тишину разорвал сухой треск аппарата, и зазвучал глубокий низкий мужской голос:

«Внимание! Говорит Москва! Передаем важное правительственное сообщение! Граждане и гражданки Советского Союза! Сегодня в четыре часа утра без всякого объявления войны германские вооруженные силы атаковали границы Советского Союза! Началась Великая Отечественная война советских народов против немецко-фашистских захватчиков! Наше дело правое! Враг будет разбит! Победа будет за нами!»

Зазвучала песня, которую мальчишки слышали уже много раз:

*«Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
с проклятою ордой!»*

Все замерли, и в тишине зала вдруг отчетливо стал слышен голос старика:

— Пусть ярость благоро-о-одная... — Дед сбивался, не успевал за ритмом.

Колек Корявый, став очень серьезным, подпевал шепотом и изредка оглядывался на деда. Он знал, что деда Вова — ветеран и служил в войну кинохроникером. Там его ранило, поэтому левая рука не слушалась и почти иссохла, а правой он часто крутил у головы, изображая движение ручки камеры. Зачем он это делал — никто не знал, из семьи у него никого не осталось, только двоюродные племянники, да и те приезжали очень редко.

Кадры официальной кинохроники закончились, и Вася, повозившись некоторое время, вставил другую пленку.

— А вот фильм, который снимал наш деда Вова, когда был хроникером на войне, — сказал он притихшим зрителям.

Замелькали черно-белые кадры. На них молодые ребята в военной форме толкались, шутили, улыбались, каждый старался выйти вперед, а оператор обходил их то с одной, то с другой стороны.

— Живые, ребятки, живые, — лепетал про себя старик, но в тишине клубного зала его слышали все.

Мальчишки замерли и, не отрываясь, смотрели на экран.

— Живые, ребятки! Толик, Сеня, Митя, Ванечка, Коленька — живые, ребятки...

Камера перешла в чьи-то другие руки, и на экране появился молодой бравый парень, улыбаясь, он отдавал честь. Лицо и глаза его светились. Приглядевшись, в нем легко можно было узнать деда Вову.

— Ура-а-а! — неожиданно выкрикнул старик

Внезапно на экране мелькнула тень, взлетели комья земли, камера упала, и перед ней пробежало множество ног, а на заднем плане лежал бравый парень-оператор.

— Ура-а-а! За родину! Вперед, ребятки! — снова надрывно закричал старик.

Еще один взрыв, снова по экрану побежали тени, и снова камера упала на землю, и несколько мгновений все рассматривали клочок земли под треск киноаппарата. Потом — последний черный кадр, и экран побелел.

В зале стояла напряженная тишина, белый луч проектора кружил пылинки в воздухе. Все дружно повернулись к деду Вова. Старик плакал и утирал слезы здоровой рукой. Вася подбежал к нему и стал успокаивать, уже жалея о своей затее. А из губ старика слетали бессвязные слова:

— Ребятки... Ура-а! Пустите. С ними. Пустите! Должен!

Вася сгреб деда в охапку и потащил его в кабинку механика.

Мальчишки сидели притихшие, кое-кто из городских покраснел, но в темноте этого не было видно. А Колек Корявый гордился дедом Вовой и жалел его: когда-то в их районе он был известным человеком, о нем даже в местных газетах писали. Теперь же сильно постарел, остался без жены и слегка тронулся умом. Деревенские, как могли, берегли его, а вот приезжие городские не знали его истории...

Деревенская улица была заполнена гамом и криками, солнечные лучи прореживали пыльные клумбы, играя светом и тенью. День еще не торопился к закату.

Толпа мальчишек играла в войнушку, а следом за ними бежал старик, крутя правой рукой невидимую ручку камеры и воображая себя оператором.

Дети смеялись, и он тоже смеялся вместе с ними и одновременно плакал.

— Живые? Живые! Ребятки, живые, — неслышно лепетал себе под нос деда Вова-хроник. — Толик, Сеня, Митя, Ванечка, Коленька, живые. Ребятки!

Ему казалось, что, пока он крутит ручку камеры, — они будут живы. Ведь когда он снимал своих ребят на настоящей войне, им всегда везло. Всегда, но не в тот раз... Он не смог. Его ранило, и он не пошел с ними в атаку. В тот раз погибли все...

Не уберег. Не помог.

Но ведь и сейчас он рядом с ребятами, он снимает их, и они живы. Он сбережет их. Живыми.

Вот так уже много лет жизнь пробегала перед глазами деда Вовы кадрами черно-белой кинохроники... □

Так уж случилось, что в эпоху перемен в России реорганизацией медицины занимались... просто менеджеры, без профессионального образования. И всем хорошо известно, что наворотили... Нынче опомнились, и на смену просто менеджерам пришли профессионалы, которые с большим трудом собирают, восстанавливают, строят новое. За годы перемен более всего досталось тем, кто оказался между «молотом и наковальней» — главным врачам больниц и поликлиник. С одной стороны, к ним валили и валят толпами пациенты, которых нужно лечить и спасать, с другой — нужно было сохранить коллективы коллег-профессионалов, платить им зарплату, при огромной нехватке средств.

Как нынче живет им, главным врачам, которые, несмотря на все, что обрушилось на отечественную медицину в последние 20 лет, делают самое главное — успешно помогают больным людям?

*Марьяна
Анатольевна
Лысенко*

ДОКТОР

**существо
человеко-
зависимое**

Предлагаем вашему вниманию беседу нашего корреспондента Дениса Логинова с главным врачом одной из лучших и крупнейших больниц Москвы, больницы №52, доктором медицинских наук Марьяной Анатольевной Лысенко.

Девочка Марьяна родилась в Москве. Росла под присмотром бабушек и родителей потом ходила в школу, рано научилась читать и очень много читала и с детства мечтала стать врачом. Родители — интеллигентные люди, обремененные высшим техническим образованием, предложили — сначала попробуй, испытай себя. Сможешь ли?

— Марьяна Анатольевна, можно привести много примеров, когда девочки, с детских лет мечтавшие стать врачами, делали уколы своим куклам, лечили собачек, кошечек, а некоторые даже домашних перепелок. И они действительно становились врачами. Но вы — единственная, кто помимо лечения кукол и учебы в школе мыли полы в отделении гнойной хирургии Института скорой помощи имени Н.В. Склифосовского, а уже через несколько месяцев вам доверили делать уколы.

Если же к этому добавить, что после окончания школы вы, не добрав баллы на вступительных экзаменах, еще год проработа-

ли санитаркой, то есть только со второй попытки стали студенткой, то невольно напрашиваются вопросы: откуда это у вас, что вами двигало?

— Действительно, в отделении гнойной хирургии я мыла полы три года, до тех пор, пока все сотрудники этого отделения, во главе с великим хирургом Николаем Николаевичем Каншиным, не перебрались в Зеленоград, где им выделили, можно сказать, клинику. А я, провалившись на вступительных экзаменах в мединституте, еще год продолжала мыть полы, но уже в 13-й городской больнице, в отделении реанимации и интенсивной терапии. И именно тогда утвердилась в том, что однозначно хочу быть реаниматологом.

Когда я после второй попытки поступила в институт, первые два года учиться было очень сложно, учитывая такой длительный «половой бэкграунд». Это был, можно сказать, настоящий надрыв. Уже потом все как-то устроилось, стало больше клинических дисциплин, а на младших курсах были в основном теоретические, поэтому студентам, которые поступили сразу после школы,

*Марьяне
четыре
года*

было намного проще. Хотя я и ходила к репетиторам, но все же потеряла настроенность на учебу, ведь взрослая, трудовая жизнь намного отличается от школьной.

Я очень хотела стать врачом, и то, что родители посоветовали сначала испытать себя и помогли устроиться на работу в Склиф, санитаркой, считаю абсолютно оправданным решением. И я об этом все время говорю детям, которые учатся у нас в Курчатовской школе в медицинских классах. Очень важно правильно приходить в профессию, с самого начала четко понимать, что же это такое, потому что разочарования во взрослом возрасте переносятся намного тяжелее, чем в детстве. В детстве, например, мытье полов не воспринималось мной как тяжелый физиче-

ский труд, а сейчас я столько километров полов не смогла бы вымыть, потому что силы уже далеко не те. А тогда я воспринимала это как большое доверие ко мне. В четырнадцать лет работать в Склифе, да еще мне разрешили уколы делать, это же уму непостижимо! Я чувствовала себя большим начальником — а как же, раздаю еду, мою полы, от меня кое-что зависит.

В этом отделении был замечательный персонал, и мама оказалась абсолютно права, отправив меня к ним. Попади я в другой коллектив, в котором была бы не нужна и неинтересна, может быть, ничего и не получилось бы. А там были такие ребята, которые буквально заразили меня профессией. Они сумели объяснить и показать, ради

чего вообще все это. Н.Н. Каншин, талантливейший человек, все время что-то придумывал, изобретал, искал, «собирал» гнойную хирургию со всего Союза, самые тяжелые случаи осложнений — и анаэробных, и аэробных. И вот весь этот «ужас» лежал в нашем гнойном отделении, а он и его сотрудники делали все возможное для спасения людей...

После окончания института у меня был год интернатуры и еще два года ординатуры по анестезиологии реанимации на базе Факультетской хирургии №1 Московской медицинской академии им. И.М. Сеченова, потом я перешла в Эндокринологический научный центр, которым руководит знаменитый академик Иван Иванович Дедов, и там, в отделении реанимации, проработала много лет — сначала реаниматологом, потом заведовала отделением. Иван Иванович требовал, чтобы его сотрудники, кем бы ни работали, как бы ни были заняты, обязательно участвовали в научном процессе. Меня увлекла очень интересная тема — ФЕОХРОМОЦИТОМА. Это опухоль надпочечников, которая вырабатывает большое количество катехоламинов — стрессорных гормонов. Болезнь очень трудная, с множеством всяких сложностей, проблем. Но мы очень серьезно этим занимались, и патент защитили, и выбрали схему подготовки пациентов, чего раньше не было. Получилось, можно сказать, ноу-хау, это

действительно настоящий научный практический труд для лечения тяжелой категории больных, я даже обе свои диссертации написала на эту тему — кандидатскую защитила в 2003-м году, а докторскую пять лет назад. Честно скажу, наверное, я не пошла бы защищать докторскую, если б Иван Иванович просто не взял меня за уши и не заставил завершить работу, за что я ему очень благодарна.

Анестезиология и реаниматология — профессии особенные и уникальные. Анестезиологи — это передняя линия обороны или наступления в борьбе с болезнью, выражаясь военным языком. Они первые встречают и готовят пациента к операции, а реаниматологи потом выхаживают.

— А вы ведь долгие годы совмещали эти обязанности — быть с пациентом до операции и после...

— Да, действительно, с больным надо сначала побеседовать, мы вообще первые, кто отвечает за весь этот процесс. У хирургов своя задача, а нам нужно защитить пациента от всей агрессии, которая может быть в отношении его. Но мне больше нравится, конечно, реаниматология, я всю свою жизнь отработала в едином отделении, которое занималось и обезболиванием, и реанимационной помощью. В условиях крупнейших больниц профессия разделилась на две самостоятельные,

но она в какой-то степени «выгорает» или в одну сторону, или в другую. Люди же, которые в свое время прошли через такое объединенное становление, действительно настоящие профессионалы.

— Марьяна Анатольевна, поэты и философы уже много веков спорят — кто из них разговаривает с Богом. Но когда они попадают на операционный стол или просто в реанимацию, то и те, и другие понимают, что ближе всего к Богу — Доктор.

А что чувствует врач, зная, что именно благодаря ему удалось спасти человеку жизнь или хотя бы просто избавить его от многолетних страданий и боли? Я знаю, что многие люди за вас молятся, считая своим спасителем.

— Конечно же, когда удастся в прямом смысле слова спасти человеку жизнь, очень приятно, что потом благодарные пациенты долгие годы пишут мне письма. Я не могу называть их фамилии, но у меня есть замечательная Валечка, с которой мы уже десятилетия переписываемся и которая в какой-то степени именно благодаря мне жива. К счастью, таких больных значительно больше, чем тех, кто все-таки ушел. Но лучше об этом поменьше думать, потому что в нашей профессии — это палка о двух концах. Хочешь — не хочешь, но даже молодым врачам, нет-нет, да и при-

ходит осознание, что в данном конкретном случае, когда борешься за жизнь человека, ты для него находишься где-то рядом с Богом. И власть над жизнью, и возможность общаться со смертью, с какими-то высшими силами — очень сложное испытание. С одной стороны, когда ты понимаешь, что победил ситуацию, пусть и маленькую, пусть сиюминутную, — это сродни сильному драйву, ощущение совершенно непередаваемое! А с другой стороны, это чревато и тем, что может извратить душу человека. Наверное, подобное бывает и в других профессиях, но у нас особенно, потому что нельзя забывать о своем долге, о том, что тебе доверена человеческая жизнь.

Наша профессия — многокомпонентная, в ней много чего намешано — и науки, и творчества, и ремесла, в хорошем смысле слова. Тех, кто живет в этом, кто помогает людям и спасает их, можно считать «Богом поцелованными», и, несмотря на то, что триста шестьдесят пять дней в году пашут, бесконечно думают, трудятся и учатся, они чувствуют себя при этом по-настоящему счастливыми.

— А как вы стали главным врачом больницы?

— Случайно.

— Но ведь говорят, что случайностей в истории не бывает...

— Бывает. Ну, скажем, это случайная закономерность, которая

1988 год. Студенты 1-го ММИ им. Сеченова И.М.

произошла и со мной. Случилось так, что однажды моему папе стало плохо, и его на «скорой» увезли в больницу. Я почти не отходила от него, а когда увидела, что не все делается, как надо, то сильно «эмоционировала» по поводу его лечения, после чего на мое вызывающее поведение пожаловались руководителю Горздрава. Он внимательно разобрался в ситуации, видимо, запомнил и через какое-то время... предложил стать главным врачом больницы. Быть может, предложи он мне эту работу в другое время, я бы отказалась. Ведь я уже много лет занималась любимым делом, многое знала и умела, но все же было ощущение, что мне чего-то не хватает. И я как-то быстро решила,

что да, наверное, это будет интересно. К тому же у меня была полная иллюзия, что я справлюсь. Я ведь давно работаю в практической медицине, и врач неплохой, знаю, как и что должно быть. Кстати, этим, собственно говоря, и не нравятся главные врачи своим коллегам, с которыми они работают, мол, сидит там, ничего не делает и не знает, как оно внутри-то. А мне казалось, что я-то знаю, как внутри.

— Очень смелый шаг — быть главным врачом в сложнейший период. Ведь в эпоху реорганизаций особенно трудно работать главным врачам клиник, поликлиник, больниц, госпиталей. Потому что у вас, с одной сторо-

ны, — больной, а с другой — доктора, медсестры, нянечки, огромное хозяйство. А еще надо уметь удержать талантливых, привлечь новых, лечить людей и самому развиваться. От этого не то что голова кругом пойдет, а...

— Конечно, в чем-то вы правы, но, знаете, возглавив больницу, я вдруг поняла, что все это — мое. Мое дело — и больница, и коллеги, и вообще все, что здесь происходит. Правда, мы, к сожалению, постоянно находимся во временах каких-то перемен. Как в институте нас накрыло переменами, так мы все в них и пребываем. Даже поступали в один вуз, а оканчивали другой. Поступали в Первый московский медицинский институт, а окончили Московскую медицинскую академию. Конечно, все меняется, и государство наше поменялось, мы попали в процесс реформирования всего и вся. Это, конечно, ужасно тяжело, но, с другой стороны, мне кажется, нет ничего такого, за исключением только несчастий (я их даже не рассматриваю), чем бы можно было сбить нас с толку. У нас уже сложившийся коллектив, очень молодые и абсолютно надежные ребята, которые многое знают и умеют. Я в них верю, и очень надеюсь, что и им рядом со мной работается неплохо, я стараюсь создать своим сотрудникам и коллегам максимально комфортные условия — что то удастся, что то нет. В медицине главный вопрос —

работать достойной командой, и у нас она, на мой взгляд, сложилась. Я думаю, что это у меня изначально такое восприятие жизни. Моя мама говорит: «Ты — человекозависимое существо». Да, я так и пришла в профессию, как «чело­векозависимое» существо. Для меня очень важно, кто со мной рядом, что за люди. И, наверное, еще раз повторю, если бы мне не повезло с коллективами, через которые я прошла, не факт, что смогла бы состояться в профессии.

Мне бы хотелось назвать имена очень и очень многих моих коллег, с которыми я сегодня тружусь, которыми очень горжусь, но не могу этого сделать, потому что даже для половины имен просто не хватит места в журнале. Поэтому скажу только одно — я счастлива, что иду по жизни с ними.

— В этой связи я в своем вопросе тоже постараюсь обойтись без имен.

При чтении книги отзывов в одном из ваших отделений, из бесед с больными, врачами, медсестрами сложилось впечатление, что это не просто коллектив, а настоящий оркестр, который исполняет классику без единой фальшивой ноты. Деловые, сосредоточенные молодые врачи, прекрасно владеющие современной аппаратурой и инструментами, быстрые, все умеющие медсестры и санитарки, анестезиолог — умеющий шуткой, дру-

жеской улыбкой, прикосновением поднять настроение перед операцией, четко сделать свое дело и первым же появиться в палате после операции, спросить, уточнить, посоветовать.

А заведующий отделением — это особый случай. В полном и лучшем смысле — олицетворение непререкаемого авторитета среди коллег и очень мягкого заботливого отношения к пациенту.

То есть настолько все отлажено, что невольно напрашивается сравнение с конвейером. Но когда видишь лица врачей, сестер, санитарок, то понимаешь, что это никакой не конвейер. Это просто высокий профессионализм с очень человеческим лицом.

— Ну, во-первых, мы действительно пропускаем огромное количество людей через себя. Но как только это станет конвейером, тогда остается просто застрелиться! Действительно, важно правильно все организовывать, иначе ничего не успеешь. Работы очень много, ее надо четко структурировать и хорошо в ней разбираться. Но ребята у нас очень достойные, несмотря на объем работ, успевают при этом заниматься и творчеством, и наукой, причем весьма успешно. Это дорогого стоит. Они не приходят на работу, чтобы просто сделать свое дело, отрубив положенное время, а трудятся и днем, и ночью, и в выходные, и в праздники. А я, в свою очередь, в этом смысле абсолютно всех «балую» — разре-

шаю им все, лишь бы это было направлено на благо, и, по возможности, максимально этому содействую.

— Ваша больница — одна из лучших в Москве, казалось бы, все «устаканилось», все нормально, но вам все нейдет — прирастаете родильным домом, филиалами. Это ваша инициатива, либо это какая-то политика городских властей?

— С роддомом мы, несмотря на то, что они были «за забором», сотрудничали всегда, с главным врачом роддома предлагали объединение еще много лет назад, но нас тогда не поддержали, и мы смогли объединиться уже в рамках реорганизационных городских программ немногим более пары лет назад. Это абсолютно правильный шаг, потому что роддом не может быть сам по себе, он должен быть в составе многопрофильного стационара. К сожалению, ситуация такова, что абсолютно здоровых женщин, которые становятся мамами, все меньше и меньше, и есть масса проблем, с этим связанных, которые родильный дом не может решить самостоятельно. У нас есть прекрасные клинические профессионалы — гематологи, нефрологи и так далее, и мы помимо обычных рожениц принимаем всех, у кого есть такие проблемы, никогда никому не отказываем ни при каких обстоятельствах, даже если, к сожалению, видим, что уже нельзя помочь. За два года коллек-

М.А. Лысенко и мэр Москвы С.С. Собянин в больнице

тивы больницы и роддома приработались друг к другу, успешно трудятся вместе, и вроде все довольны результатами.

— Вы ведь сейчас на самоocupаемости. Что заработали, тем и живете. Помогают ли вам городские власти? Какие у вас с ними отношения?

— Хорошие, нормальные отношения, такие, какие должны быть между профессионалами, делающими одно дело. Но не могу удержаться, чтобы не сказать о нашем мэре Сергее Семеновиче Собянине. Для меня он показательный пример того, насколько глубоко руководитель города владеет положением дел в медицине, насколько этим озабочен, ориентирован не только в главных вопросах, но

и в мелочах. Все знают, что у него хорошая память, что он блестящий аналитик. Но Сергей Семенович — все-таки не медик, а на встречах с нами и во время приездов в медицинские учреждения он всегда, что называется, не только в «теме», но и в терминологии, разговаривает с нами на равных и задает абсолютно профессиональные вопросы. То есть, это не VIP-приезд, «посмотрите направо, посмотрите налево», а серьезный нормальный организационный разговор. Три раза он был в нашей больнице, надеюсь, приедет еще не раз. И меня, конечно, поражает, что человек с такой занятостью, с такой зоной внимания, под которую попадает вообще все в городе, настолько углубленно занимается медициной и следит за тем, чтобы мы, по возмож-

ности, чувствовали себя комфортно в финансовом плане. Сейчас, собственно говоря, все в наших руках, мы работаем, что называется, «в один канал» — сколько ты заработаешь (по системе обязательного медицинского страхования), столько и поешь, поэтому ... живем, как живем. А все, что касается приобретения оборудования, строительства, то помощь оказывается серьезная.

— Что бы вы как главный врач хотели еще сделать, о чем мечтаете? Какой видите больницу, скажем, лет через десять?

— Конечно же, я мечтаю о новом корпусе и очень надеюсь, смогу добиться реализации своей мечты. При этом я, конечно, прекрасно понимаю, что есть и много других проблем. Но новый корпус нужен, потому что сегодня мы технологически не влезаем в старые корпуса. Появилось очень много новейшего сложного оборудования, которым мы прирастаем и внедряем у себя, но некоторые из них уже не вписываются в старую архитектуру, которая была хороша пятьдесят лет назад, а для новейших технологических процессов нам нужен новый современный корпус. Правда, старые корпуса при этом можно еще долго использовать, сделав их более комфортными и для больных, и для персонала.

— Нынче одни много говорят о платной медицине, дескать, альтернативы нет, но есть и другая

точка зрения — перейти за западную модель. Это когда пациент сначала платит, а потом государство или страховые фонды компенсируют эти расходы. А что вы думаете по этому вопросу?

— То, что у нас сейчас есть и работает, я имею в виду страховую бесплатную для пациента медицину, это нормально и правильно для нашей страны. Но есть одно «но». К сожалению, у нас люди, так скажем, не вполне понимают, что ответственность за их здоровье несут, в первую очередь, они сами, а не «чужие дяди». Да, медики обязаны и должны заниматься лечением, но если человек сознательно делает все для того, чтобы максимально быстро покинуть этот мир или максимально тяжело в нем прожить, он добьется-таки своего, невзирая на все усилия медиков. Поэтому, видимо, исходя из человеческой психологии, в других странах и существует система «предоплаты» с последующей компенсацией — если ты заплатил, то и строже относишься к выполнению рекомендаций врачей.

Может быть, и у нас какой-то «рубль», в прямом смысле этого слова, мог бы несколько дисциплинировать пациентов в выполнении предписаний врачей ... Я ни в коем случае не говорю, что у нас должна быть поголовно платная медицина, но даже очень маленькие деньги, с точки зрения мотивации, смогут приблизить этих людей хоть к какому-то ответственному порядку. Потому что

на сегодняшний момент я, например, четко вижу, что требования к медицине возрастают, а требования к себе — нет. Мы много говорим о здоровом образе жизни. Молодежь начинает это понимать, правда, они еще зачастую далеки от этих проблем, но потихонечку тоже втягиваются в эти отношения. А вот поколение постарше — с ним много вопросов на тему ответственности за свое здоровье.

Про возрастных людей я не говорю, они живут, как живут, и мы должны все для них делать, потому что они находятся в таком возрасте, когда уже нет смысла менять свою жизнь.

— К вам приходят молодые специалисты после окончания институтов. Существует ли разница между теми, кто заканчивал ординатуру двадцать лет назад, и сегодняшними врачами?

— Колоссальная! Сейчас многое делается для того, чтобы вернуть то образование, которое на каком-то этапе утратилось в силу процессов, происходивших в стране. И это правильно, потому что нас в свое время очень хорошо учили. А сегодняшних студентов я могу, выражаясь иносказательно, назвать «страдальцами», потому что они получили не очень серьезную базу и вынуждены добирать ее на месте. Мы же имели крепкое базовое образование, мы понимали, как нужно работать с

больными, но в период безденежья и попытки перекопировать западные системы так заигрались, что ничего своего не сделали, а у нас ментальность такова, что это все не живет, потому что нынешние выпускники с большими пробелами...

В 90-е годы старое поколение преподавателей из вузов ушло, а на замену никто не пришел, и плоды этого провала мы получаем еще и сегодня. Ведь что такое раньше была кафедра в мединституте? Это, прежде всего, школа, это люди — законодатели в своей отрасли, специалисты высочайшего уровня, кровно связанные с больницами...

Сейчас, конечно, все немножко встрепенулись и «побежали обратно». Надо срочно все привести в порядок, все восстанавливать. Внедряемая нынче система — медицинские классы в школах, серьезное переосмысление учебных процессов и появление совершенно других преподавателей-профессионалов на кафедрах — позволит наладить учебный процесс и обеспечит нашу отрасль новыми талантливыми специалистами.

— Марьяна Анатольевна, кажется, я смогу ответить на свой же первый вопрос. Вы стали прекрасным доктором еще и для того, чтобы ваш отец, легендарный Анатолий Лысенко, на вопросы друзей о самочувствии после выписки из больницы несколько лет назад смог сказать:

«Марьяна вытащила меня с того света».

...И создать в России новый телеканал — Общественное телевидение России. Телеканал с самым человеческим лицом, который работает ради того, чтобы

телезрители с каждым днем становились умнее и грамотнее.

Марьяна Анатольевна чуть задумалась, потом улыбнулась и ответила: «Это просто случайная закономерность или закономерная случайность!» □

Светлана
Бестужева-Лада

МЕЖДУ ДВУХ ЭПОХ

Блистательный век правления «дщери Петровой» Елизаветы неуклонно приближался к своему концу. Унаследовавшая от отца богатырское здоровье, она могла бы прожить до глубокой старости. Но унаследованная от него же страсть к развлечениям, неумеренном пьянстве и обжорстве, а также полное пренебрежение советами врачей привели к тому, что к пятидесяти годам императрица окончательно занемогла и практически не покидала своих комнат.

5 декабря Елизавета Петровна ощутила сильнейшее головокружение и тошноту. Эти ощущения уже не отпускали ее,

а лишь усиливались, несмотря на все старания врачей. 23 декабря, почувствовав близость конца, она исповедалась, причастилась и соборовалась. Над ней прочитали отходную молитву и 25 декабря 1761 г., в день Рождества, Елизавета Петровна умерла.

Умерла, прекрасно понимая, что оставляет государство на человека, абсолютно не подходящего на роль российского императора. Своего племянника, сына покойной сестры Анны Петровны, Петра Федоровича — по отцу герцога Голштинского.

Как только Елизавета Петровна скончалась, из ее спальни в приемную, где собрались высшие чины империи, вышел старший сенатор — князь и фельдмаршал Никита Юрьевич Трубецкой — и объявил, что ныне «государствует его величество император Петр III».

«Императрица умерла, да здравствует император!»

Новый император, не проявив даже для приличия каких-либо признаков скорби, чуть ли не бегом отправился в свои апартаменты — праздновать вожделенное восхождение на престол. У тела усопшей осталась теперь уже новая императрица Екатерина Алексеевна, которой Петр III поручил озаботиться предстоящими похоронами.

Вечером Петр III, уже провозглашенный императором, устроил радостное пиршество, во время которого приглашенные на него не скрывали

вали ликования. И, прежде всего, сам Петр Федорович.

Его супруга, облачившись в глубокий траур, бдела у тела усопшей тетушки-свекрови, читая молитвы и кладя земные поклоны, чем частично смягчила шок придворных (а особенно — духовенства) от поведения своего супруга.

Пока она занималась организацией похорон и отстаиванием заупокойных служб, Петр, ни разу более не зашедший в покои усопшей тетушки, занимался другими, гораздо более интересными делами: выставил последнего фаворита Елизаветы И.И. Шувалова из его покоев и разместился там сам, а своей официальной любовнице, Елизавете Воронцовой, приказал отвести покои рядом.

Екатерине отвели комнаты в дальнем крыле дворца, что ее, впрочем, ничуть не огорчило: она была

Императрица Елизавета Петровна

на сносях, что удачно скрывали широчайшие траурные одеяния. И часто показываться супругу ей вовсе не хотелось: к ожидаемому ребенку он не имел ни малейшего отношения.

Все дни до погребения Елизаветы Петровны он ездил из дома в дом, празднуя Святки и принимая поздравления с восшествием на престол, что не только изумляло, но и возмущало жителей Петербурга. Траура при дворе не объявляли, что тоже шокировало обывателей. Волей-неволей, все больше людей обращало внимание на скорбящую — искренне! — императрицу и

задумывалось над тем, какое будущее их ожидает.

Уже в самые первые дни царствования Петра III Екатерина сумела тонко и умно проявить способности и качества души и характера, привлекая к ней сердца и умы лучших сановников и военных, ясно увидевших огромную разницу между новым императором и новой императрицей.

Те же самые мысли и чувства вызывала она и у многочисленных дворцовых служителей, духовенства, солдат, сержантов и офицеров гвардии, наблюдавших за всем происходящим во дворце. Число сторонников нового императора очень медленно начало сокращаться еще до того, как тело Елизаветы Петровны торжественно погребли в Петропавловском соборе. А через три недели после этого новый император обнародовал самый значительный законодательный акт своего царствования — манифест «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству».

Отныне дворяне могли служить и в России, и в союзных ей европейских государствах, могли переходить из статской службы на военную, или вообще не служить, а жить в своих поместьях. Встречаясь друг с другом даже на улице, они обнимались и плакали от радости. Кончилось постылое время принудительного служения государству! Свобода!

Популярность Петра III выросла невероятно. Почувствовав себя на гребне волны, ощущая поддержку

первого сословия государства, император сделал следующий шаг, куда более серьезный и где-то даже отважный. Шаг, на который он едва ли бы решился до опубликования манифеста «О вольности дворянства».

Через три дня, 21 февраля, был опубликован еще один исключительно важный манифест — «Об уничтожении Тайной розыскной канцелярии». В нем народу объясняли, что Петр I, «монарх великодушный и человеколюбивый, учредил Тайную канцелярию из-за тогдашних времен, обстоятельств и неисправленных еще в народе нравов. А поскольку на протяжении полувека она всегда оставалась в своей силе, то злым, подлым и бездельным людям подавался способ или ложными затеями протягивать вдаль заслуженные ими казни или наказания, или же зlostнейшими клеветами обносить своих начальников или неприятелей».

Извечный кошмар россиян «Слово и дело» был уничтожен. Но полагать, что со времен Петра Великого нравы в народе исправились, что прекратились кражи, казнокрадство, взяточничество и прочие любимые народом развлечения, было, по меньшей мере, наивно. Единственным положительным моментом в этом манифесте было то, что отменялись пытки самих доносчиков, но...

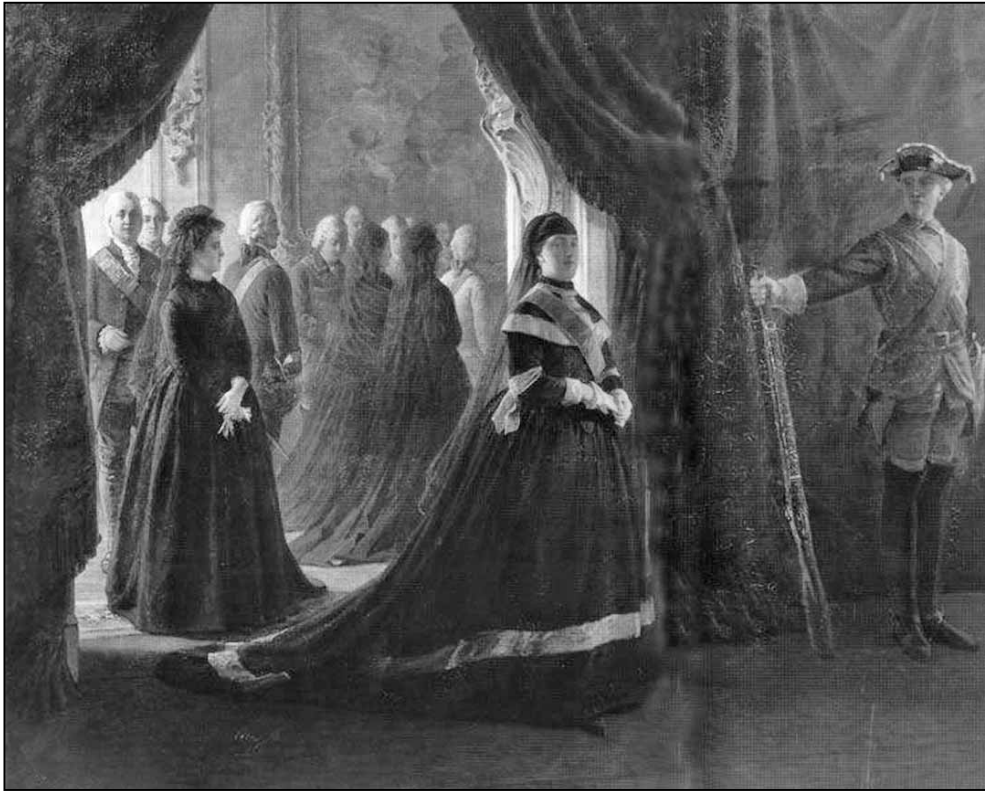
Но если страх перед пытками еще как-то сдерживал доносчиков, то теперь, не заморочиваясь явлением к местному начальству, начали слать анонимные жалобы прямо в столицу. Пусть там разбираются.

Екатерина и Петр III

После этого манифеста на улицах уже не обнимались и от счастья не плакали, ибо смысл его был маловразумителен не только для простого обывателя, но и для представителей привилегированных сословий. Пытки прекратились, но писание доносов по-прежнему осталось любимым эпистолярным жанром граждан.

Но Петр Федорович сам испортил первоначально благоприятное отношение к себе. Он посягнул на самое святое для каждого россиянина: на веру. Появилось несколько законодательных актов, посвященных делам церкви, которые сильно урезали права монастырей и белого

*Екатерина
на похоронах
императрицы
Елизаветы
Петровны*

духовенства, превращая их из полновластных собственников земли и крестьян в нахлебников государства, зависимых от его произвола. Популярности императора среди духовенства эти указы, естественно, не прибавили, скорее, наоборот.

Хуже того, Петр Федорович, подчиняясь непонятному капризу, неожиданно для всех повелел обрить попам бороды и остричь волосы, а также вынести из храмов все иконы, кроме образов Христа и Богоматери. Возможно, это диктовалось стремлением приблизить православие к более привычному для него лютеранству, но в России такого прогрессивного и стремительного общения к европейским духовным ценностям не оценили и не поняли.

Да и само поведение императора начало раздражать обывателей, еще

недавно восхищавшихся новым правителем. В один из больших церковных праздников, когда Екатерина вдохновенно и благоговейно молилась, Петр III расхаживал по храму, громко разговаривая, будто он был один в своих собственных покоях. Когда же все опустились на колени, он вдруг захохотал и выбежал из церкви, как оглашенный. Тут-то и ползло зловещее слово — «антихрист». Все это, разумеется, сделало русское духовенство злейшим врагом Петра III.

Да и аристократы-придворные, еще недавно до небес превозносившие «царя-освободителя», стали осторожно поглядывать в сторону императрицы. Наследнику Павлу шесть лет, почему бы не объявить императором его, а Екатерину — регентшей до совершен-

нолетия. По крайней мере, она не станет из страны делать филиал Пруссии, чем активно занимался император.

Генерал-адъютант императора Андрей Васильевич Гудович предупредил Петра Федоровича о пагубности такой политики и о гото-

Уже в самые первые дни царствования Петра III Екатерина сумела тонко и умно проявить способности и качества души и характера, привлекая к ней сердца лучших сановников и военных, ясно увидевших огромную разницу между новым императором и новой императрицей. Число сторонников Петра начало медленно сокращаться еще до того, как тело Елизаветы было предано земле

Петр III продолжал вести политику в угоду Фридриху II. 24 апреля 1762 года был подписан «Трактат о вечном между обоими государствами мире». По этому трактату Россия обязалась никогда не воевать с Пруссией, кроме того, в течение двух месяцев вернуть Фридриху II все захваченные у него земли, города, места и крепости.

Русская армия пришла в неописуемый гнев. Только что вся Пруссия лежала у ног России, русские солдаты фактически заняли Берлин, а теперь — отдать все назад, да еще помогать недавнему супостату в его разборках с другими государствами?! Да еще все мало-мальски видные командные должности заняли обожаемые Петром голштинцы, а два его родных дяди были произведены сразу в фельдмаршалы!

вщемся дворцовом перевороте в пользу Екатерины, но император не придал этому абсолютно никакого значения — просто отмахнулся от Гудовича, предлагавшего незамедлительно принять срочные меры для предотвращения заговора.

Положение в армии, между тем, становилось все напряженнее. Когда-то возведшие Елизавету Петровну на престол гвардейцы были названы «лейб-кампанцами», щедро награждены ею и стали представлять особо привилегированную роту, в которой все офицеры получили звания генералов, а рядовые — офицеров.

Петр Федорович, став императором, издал рескрипт «О распределении корпуса лейб-кампании по другим местам» и предписал почти всем «лейб-кампанцам» либо уйти

Елизавета Воронцова

в отставку, либо служить в отдаленных гарнизонах, либо перевестись в статскую службу. Из 412 человек 330 отправлялись в отставку, 36 — в статскую службу, остальные, как правило, с понижением в чине, становились армейскими офицерами. И только 8 офицеров оставались в гвардии. В результате этих «преобразований» императора лейб-компания — элитная часть русских войск — просто перестала существовать. Ее место в придворной и военной иерархии заняли верные Петру III голштинцы. Однако авторитета они не имели, при дворе авторитетом по-прежнему пользовались офицеры лейб-гвардии, распустить которую Петр III не решился.

Роспуск лейб-компании гвардейцы восприняли, как сигнал опасности. Многие из них считали, что ско-

Екатерина Дашкова (Воронцова)

ро наступит черед и лейб-гвардии, поскольку во дворец пришли и прочно там обосновались офицеры-голландцы — незаменимые сотрапезники и собутыльники Петра III. Они были внедрены во все гвардейские полки и стали там преподавателями фрунта и экзерциций. Учили русских генералов и даже фельдмаршалов «тянуть носок» и «держаться ножку» — занятие, безусловно, наиважнейшее для повышения боеспособности армии. А поскольку «преподаватели» к тому же совершенно не владели русским языком, то муштрование ими русских солдат и офицеров приводило последних в тихое (пока!) бешенство.

Император как будто сознательно приводил армию в состояние крайнего раздражения. Гвардию переодели в мундиры прусского об-

разца и много часов в день гоняли по плацу на вахт-парадах и смотрах. Гвардейцы были унижены и озлоблены. Особенно бурное негодование овладело ими, когда был заключен мир с Пруссией, в войне — победоносной! — с которой было пролито немало русской крови. Назревал нешуточный заговор, более других оказался готовым выступить на стороне Екатерины третий лейб-гвардейский полк — Измайловский, — где служили пять офицеров-заговорщиков.

Вслед за подписанием договора о мире с Пруссией Россия стала верной ее союзницей, полностью переменив внешнеполитическую ориентацию. Во-первых, Петр III отдал приказ корпусу З.Г. Чернышева, который совсем недавно брал Берлин, идти в Австрию и встать там под начало прусского главного командования для совместной борьбы с австрийцами — вчерашними союзниками русских. Для Чернышева это было сродни прилюдной пощечине.

Во-вторых, словно этого было мало, император объявил войну Дании в защиту интересов своей родной Гольштинии. Вторая война была еще более нелепой, чем первая, ибо речь шла о «борьбе за кусок болота», — так, во всяком случае, по российским масштабам, воспринимался спор по поводу крохотного клочка приграничной территории с Шлезвигом.

Мир с Пруссией, война с Австрией и Данией, твердое намерение Петра III отправить в Данию гвардейские полки возмутили гвардейцев,

Григорий Орлов

большинство двора и сделали вопрос о свержении уже ненавистного всем императора практической задачей. Верными ему оставались считанные единицы, не считая, конечно, голштинцев. Но практически все считали страшной ошибкой отправлять чуть ли не все русское войско сражаться за интересы других стран без какой-либо выгоды для России.

Петр перешел черту, отделявшую почитание «царя-батюшки» от «голландского выродка», навязанного армии и аристократии. Переворот был неизбежен, и это понимали все, кроме... разумеется, самого императора.

Главным действующим лицом готовившегося заговора стала Екатерина. Во-первых, не было других претендентов — пока! — а, во-вторых, она одна была полностью в

курсе всего происходящего в армии и аристократии. В армии — через своего любовника Григория Орлова и его братьев, которые пользовались у военных немалым авторитетом. Среди аристократии — через графиню Дашкову, обладавшую бешеной энергией и просто патологической любовью ко всякого рода интригам.

Штаб-квартирой заговорщиков стал дом, где квартировал Григорий Орлов. К нему часто наведывались

ными субсидиями, которые Алексей и Федор давали гвардейцам от имени Екатерины. О происхождении этих денег братья ничего не знали, Екатерина же получила их через своего агента Одара от купца англичанина Фельтена. Предоставленный ей английским парламентом кредит составлял 100 000 рублей.

Что ж, Елизавета взошла на престол с помощью французских эюк, Екатерина собиралась стать правительницей России с помощью ан-

Император как будто сознательно приводил армию в состояние крайнего раздражения. Гвардию переодели в мундиры прусского образца и много часов гоняли по плацу на вахт-парадах и смотрах. Гвардейцы были унижены и оскорблены. Особенно бурное негодование вызвало заключение мира с Пруссией в войне, на которой было пролито немало русской крови. Назревал нешуточный заговор

братья Алексей и Федор, служившие в Преображенском и Семеновском полках. Каждый из них исподволь вел пропаганду в среде солдат и офицеров своего полка в пользу Екатерины, распространял слухи, в свете которых она выглядела благодетельницей России, средоточием разума, доброты и правды, а ее муж — слабоумным монстром, врагом дворянства и ненавистником гвардии.

Рассказы эти подкреплялись небольшими безвозвратными денеж-

глийских фунтов. Ничего нового, только спонсор поменялся.

Кроме братьев Орловых, как уже говорилось, активнейшими заговорщиками была княгиня Екатерина Романовна Дашкова, по иронии судьбы — родная сестра фаворитки императора Елизаветы Романовны Воронцовой. Шестнадцать лет Дашкова по страстной любви вышла замуж за штабс-капитана Преображенского полка, князя Михаила Ивановича Дашкова, дальнего родственника

*Екатерина
и Петр III*

Петра Первого и любимца всей петербургской аристократии.

Летом 1760 года Дашкова сблизилась с Екатериной Алексеевной, чего давно и упорно добивалась. Ночью, в канун смерти Елизаветы Петровны, Дашкова тайно проникла во дворец и сказала Екатерине, что она будет верна ей до конца, разделит с ней любые тяготы и пойдет ради нее на любые жертвы. Екатерина приняла предложенную ей дружбу, но вела себя с княгиней предельно

осторожно, опасаясь ее непредсказуемости.

Орловы и Дашкова втянули в заговор еще нескольких гвардейских офицеров: капитанов-преображенцев П.В. Пассека, М.Е. Баскакова, С.А. Бредихина, Е.А. Черткова, поручика князя Ф.С. Барятинского, конногвардейца секунд-ротмистра Ф.А. Хитрово, братьев-измайловцев — премьер-майора Н.И. Рославлева и капитана А.И. Рославлева и других. В заговор был вовлечен

*Гвардейские
полки
присягают
Екатерине*

и командир Измайловского полка К.Г. Разумовский.

Сама Дашкова открылась графу Н.И. Панину и его племяннику князю генералу Н.В. Репнину. К заговору примкнул возвратившийся в Петербург с театра военных действий генерал князь Михаил Никитич Волконский. Многие заговорщики были связаны друг с другом родством и свойством, особенно Дашковы и Воронцовы. Кроме военных в заговор вовлекли директора Академии наук Григория Николаевича Теплова, авторитетного иерарха церкви — архиепископа Новгородского и Великолуцкого Димитрия (Сеченова).

Впрочем, в поддержке церкви можно было не сомневаться: император в кратчайшие сроки сумел вызвать к себе лютую ненависть всех священников, монахов и высшего духовенства.

Но заговорщики чуть было не провалили все дело. 27 июня 1762 года в Преображенском полку один из солдат, случайно узнавший о готовящемся заговоре, рассказал об этом своему капитану — П.И. Измайлову, думая, что тот на стороне заговорщиков, как и большинство офицеров. Измайлов же оказался редким исключением — он был одним из немногих слепо преданных императору и моментально доложил о том, что узнал.

Первым из заговорщиков был арестован капитан Пассек. Об аресте тотчас же сообщил Дашковой Григорий Орлов. В это время Екатерина Алексеевна находилась в Петергофе, и Дашкова опасалась, что если Пассек на допросе расскажет об участии императрицы в заговоре, то ее тут же арестуют. Предупреждая такой оборот событий, Дашко-

ва послала жене камердинера Шкурина записку, чтобы та отправила в Петергоф карету и сообщила своему мужу, сопровождавшему императрицу, что эту карету надлежит держать наготове, не выпрягая лошадей, чтобы государыня в случае опасности могла немедленно воспользоваться ею.

«За несколько часов до переворота, — писала потом Е.Р. Дашкова, — никто из нас не знал, когда и чем кончатся наши планы; в этот день был разрублен гордиев узел, завязанный невежеством, несогласием мнений насчет самых элементарных условий готовящегося великого события, и невидимая рука providения привела в исполнение нестройный план, составленный людьми, неподходящими друг к другу, недостойными друг друга, не понимающими друг друга, и связанными только одной мечтой, служившей отголоском желания всего общества».

Одним словом, никто ничего толком не знал, никаких конкретных планов ни у кого не было, руководили сразу все и одновременно — никто. Общим было только желание убрать императора Петра III. Любым способом. А там видно будет.

Типичное русское «авось», которое чаще всего сбывается. Обреченный на провал заговор удалось повернуть быстро и удивительно малой кровью.

В ночь на 27 июня Алексей Орлов, брат любовника императрицы, примчался в Петергоф. Он знал, что Екатерина не живет во дворце, что-

бышний раз не встречаться с Петром III, бывавшем там наездами. Императрица поселилась в отдаленном от дворца павильоне на берегу канала, впадающего в Финский залив. Под окном ее спальни стояла большая лодка, на которой она могла в крайнем случае уйти в Кронштадт или спрятаться на берегу, если будут перекрыты дороги.

То есть твердой уверенности в успехе задуманного не было и быть не могло.

Орлов вывел Екатерину из опочивальни через окно (во избежание лишних свидетелей) и посадил в присланную карету. Карета, запряженная восьмериком, понеслась в Петербург. Въехав в расположение Измайловского полка, экипаж Екатерины остановился. Ей навстречу выскочили солдаты и офицеры. Вскоре где-то нашли священника весьма преклонных лет, который и принял от измайловцев присягу на верность Екатерине, заметив, что жить устал и смерти ждет, как избавления.

Екатерина — великолепная, кстати, актриса — беспомощно протягивала руки к измайловцам и с дрожью в голосе говорила, что император приказал убить ее и сына, и что убийцы уже гонятся за ней по пятам. Угроза жизни наследника была гениальной находкой Екатерины, причем чистой импровизацией. Несколько часов ранее о наследнике никто и не вспоминал.

Вслед за измайловцами Екатерине присягнули семеновцы и преображенцы. В Преображенском полку

Справа:
*Екатерина
молодая*

*Екатерина II
с балкона
Зимнего дворца
приветствует
гвардию и народ*

под арестом находился Пассек. Когда пришли его освобождать, он подумал, что это хитрая инсценировка, на самом деле его выпускают только для того, чтобы проследить, к кому он пойдет, а затем выявить других связанных с ним участников заговора, и отказался выходить с гауптвахты. Там и просидел фактически все время переворота как такового.

Последними принесли присягу артиллеристы. К девяти часам утра Екатерина, окруженная десятитысячной толпой солдат и офицеров, подъехала к Казанскому собору, куда Н.И. Панин привез, наконец, и цесаревича Павла.

У собора собрались ремесленники, мещане, купцы, чиновники, духовенство. Это стихийно возникшее собрание чем-то напоминало вече и представлялось общенародным форумом, единогласно приветствовавшим Екатерину. На глазах у всех архиепископ Новгородский и Великолуцкий Димитрий провозгласил Ека-

терину самодержавной императрицей, а Павла — наследником престола. О регентстве в пылу восторга все как-то позабыли, а Екатерина если и помнила, то благоразумно помалкивала.

Она возвратилась в Зимний дворец и начала диктовать манифесты. В первом из них говорилось, что Петр III поставил под угрозу существование государства и православной церкви, унижил славу России, «возведенную на высокую ступень своим победоносным оружием».

Позднее в своих записках Екатерина более доходчиво объяснила, чем ей так досаждал супруг, что пришлось лишиться его трона (а потом и жизни):

«Никогда умы не были менее схожи, чем наши, не было ничего общего между нашими вкусами, и наш образ мыслей, и наши взгляды на вещи были до того различны, что мы никогда ни в чем не были бы согласны,

если бы я часто не прибегала к уступкам, чтоб его не задевать прямо; он был труслив сердцем и слаб головою, вместе с тем он обладал проницательностью, но вовсе не рассудительностью; он был очень скрытен, когда, по его мнению, это было нужно, и, вместе с тем, чрезвычайно болтлив».

Известный русский военный и мемуарист Андрей Тимофеевич Болотов (1738–1833), некоторое время проведенный при дворе Петра III, писал о нем так:

«Все́м известно, что был сей государь хотя и внук Петра Великого, но не природный россиянин, а рожденный от дочери его Анны Петровны, бывшей в замужестве за голштинским герцогом Карлом Фридрихом, в Голштинии, и воспитывался в лютеранском законе, следовательно, был природою немец и назывался сперва Карлом Петром Ульрихом... С самого малолетства заразился уже он многими дурными свойствами и привычками и возрос с нарочито уже испорченным нравом. Между сими дурными его свойствами было, по несчастью его, наиглавнейшим то, что как-то не любил россиян и приехал уже к ним со врожденною ненавистью и презрением... К вящему несчастью, не имел он с малолетства никакой почти склонности к наукам и не любил заниматься ничем полезным, а что и того было хуже, не имел и к супруге своей такой любви, какая бы быть долженствовала, но жил с нею не весьма согласно».

Понятно, что эти двое на одном троне поместиться просто никак не могли. Один был лишним, а от лишних обычно избавляются. Первый манифест Екатерины, написанный чуть ли не на коленке, выдавал ее стремление как можно быстрее взять в свои руки всю полноту власти. Потому она и обвинила Петра в том, что он представлял прямую угрозу для самого существования государства. Это должно было подействовать — и подействовало.

Однако императрице пришлось прервать законотворчество, поскольку Петр III оставался в Ораниенбауме в окружении верных ему голштинцев, а рядом с ним находился верный и храбрый фельдмаршал Миних. Нужно было, прежде всего, ликвидировать это опасное гнездо, а затем уже заниматься государственными делами. Иначе «авось» могло сработать в обратном направлении, а Миних не зря был известен в армии под прозвищем «живодер».

Да и отец императорской фаворитки был не просто графом, а канцлером, поэтому вполне мог использовать какие-то свои ходы и связи, чтобы повернуть ситуацию вспять и посадить на трон рядом с императором родную дочь.

О том, что происходит в столице и вообще в армии, голштинская команда понятия не имела. Курьеров то ли перехватывали по дороге, то ли вообще не посылали.

Екатерина в военном мундире полковника Преображенского объехала выстроившиеся на площади полки и приказала пройти мимо фасада дворца церемониальным маршем. Проходящие мимо полки ревели «ура!» и, весело разворачиваясь и перестраиваясь в походные колонны, направлялись к Петергофу, а новоиспеченная императрица с наследником на руках приветствовала их с балкона.

Площадь еще не опустела, когда Екатерина уже вновь была на коне и, обогнав двенадцатитысячную колонну, повела ее вперед. В нескольких верстах за городом к колонне примкнул трехтысячный казачий полк, а потом присоединялись все новые роты, эскадроны и батальоны.

На ночь войска разбили бивак, а Екатерина и Дашкова переночевали в пригородном трактире, заснув на единственной имевшейся там кровати. Утром следующего дня двадцатитысячная армия Екатерины вошла в Петергоф. Город был пуст, так как голштинцы загодя отошли к Ораниенбауму. Миних все-таки по-

пытался организовать военное сопротивление, но его усилия пропали даром. Время было безвозвратно упущено

28 июня Петр III, почти больной от страха и не способный оказать сопротивление, отрекся от престола и был арестован. Примечательно, что отречение он написал карандашом на случайном листке бумаги. Его и немногих ближайших сторонников перевезли на следующий день в Ропшу, на просторную, комфортабельную мызу, подаренную ему когда-то Елизаветой Петровной.

В Ропше в первую ночь Петр все время плакал, а утром написал Екатерине, почтительно и униженно прося прислать ему любимую скрипку, любимого арапа, любимую собаку, любимого доктора и любимого камердинера.

Охранять пленного бывшего императора было поручено братьям Орловым и князю Федору Барятинскому, которым Екатерина полностью доверяла.

Сначала все было нормально: «тюремщики» даже играли в карты с Петром, причем Алексей Орлов одолжил бывшему императору несколько червонцев, заверив, что распорядится дать ему любую сумму. Игра сопровождалась неумеренными возлияниями. К вечеру Петр почувствовал недомогание, а ночью не на шутку заболел.

О тех днях повествуют три записки, отправленные Петром Екатерине. Письменных ответов на них нет, по-видимому, Екатерина довольст-

вовалась устными, через Алексея Орлова. А вот записки Петра Федоровича сохранились. «Сударыня, я прошу Ваше Величество быть уверенной во мне и не отказать снять караулы от второй комнаты, так как комната, в которой я нахожусь, так мала, что я едва могу в ней двигаться. И так как Вам известно, что я всегда хожу по комнате, то от этого у меня распухнут ноги. Еще я Вас прошу не приказывать, чтобы офицеры находились в той же комнате

маю ничего, не сделаю ничего, что могло бы быть против ее особы или ее правления».

«Ваше Величество, если Вы совершенно не желаете смерти человеку, который уже достаточно несчастен, имейте ко мне жалость, и оставьте мне мое единственное утешение — Елизавету Романовну. Вы сделаете этим большое милосердие Вашего царствования; если же Ваше Величество пожелало бы меня видеть, то я был бы совер-

В своих записках княгиня Дашкова вспоминала: «Своим поведением он (Петр III) сам как бы облегчал нашу задачу — свергнуть его с престола. Пример Петра III должен послужить уроком великим мира сего, показав, что не только тирания является причиной ниспровержения властелина, но этому может способствовать и презрение к суверену, что неизбежно вызывает всеобщее желание перемен»

со мной, когда я имею естественные надобности — это для меня невозможно; в остальном я прошу Ваше Величество поступать со мной, по меньшей мере, как с большим злодеем, не думая никогда его этим оскорбить. Отдаваясь Вашему великодушию, я прошу отпустить меня в скором времени с известными лицами в Германию. Бог Вам заплатит непременно. Ваш нижайший слуга Петр.

P.S. Ваше Величество может быть уверена во мне, что я не поду-

шенно счастлив. Ваш нижайший слуга Петр».

И, наконец, третья, написанная по-русски, в отличие от предыдущих, написанных на французском языке.

«Ваше Величество, я еще прошу меня, который в Вашей воле и сполна во всем, отпустить меня в чужие края с теми, о которых я, Ваше Величество, прежде просил. И надеюсь на Ваше великодушие, что Вы меня не оставите без пропитания. Преданный вам холоп Петр».

Вот уже и холоп...

Болезнь, меж тем, продолжала развиваться, и к больному 3 июля приехал врач Лидерс, а на следующий день еще один врач — штаб-лекарь Паульсен. Какой диагноз они поставили — неизвестно, но сохранились записки командира отряда и начальника ропшинской охраны Алексея Орлова.

В одной из них он писал:

«Матушка, милостивая государыня, здравствовать Вам мы все желаем несчетные годы. Мы теперь по отпуске сего письма и со всею командою благополучны, только урод наш очень занемог, и схватила его нечаянная колика, и я опасен, чтобы он сегодняшнюю ночь не умер, а больше опасаясь, чтоб не ожил. Первая опасность — для того, что он все вздор говорит, и нам это несколько весело, а другая опасность, что он действительно для нас всех опасен, для того, что он иногда так отзывается, хотя в прежнем состоянии быть...»

Так что пока что пациент был скорее жив, чем мертв. Но ничего вразумительного из письма Орлова извлечь нельзя: писать он умел гораздо хуже, чем пить и воевать.

Далее Алексей Орлов сообщал, что он солдатам и офицерам из команды, охраняющим Петра III, выдал жалованье за полгода, «кроме одного Потемкина, вахмистра, для того, чтоб служил без жалованья». (Это был тот самый Григорий Александрович Потемкин, который через двенадцать лет станет могуще-

ственным из фаворитов Екатерины II, светлейшим князем и фельдмаршалом.) Почему Орлов обошел его жалованием — непонятно. Может быть, предчувствовал что-то?

Вечером того же дня, 6 июля, из Ропши в Петербург примчался нарочный и передал в собственные руки Екатерине еще одну записку от Алексея Орлова.

«Матушка, милостивая государыня! — писал Орлов. — Как мне изъяснить, описать, что случилось: не поверишь верному своему рабу, но как перед Богом скажу истину. Матушка! Готов идти на смерть, но сам не знаю, как это случилось. Погибли мы, когда ты не помилуешь. Матушка, его нет на свете. Но никто сего не думал, и как нам задумать поднять руки на государя! Но, государыня, свершилась беда. Он заспорил за столом с князем Федором (Барятинским). Не успели мы разнять, а его уж и не стало. Сами не помним, что делали, но все до единого виноваты, достойны казни. Помилуй меня хоть для брата. Повинную тебе принес, и разыскивать нечего. Прости или прикажи скорее окончить. Свет не мил. Прогневали тебя и погубили души навек».

Откуда взялась пресловутая вилка, которой якобы закололи Петра, — непонятно. Одного удара кулаком Орлова было бы достаточно, чтобы пришибить противника насмерть. И еще, как мог накануне лежавший при смерти Петр «заспорить за столом»? Опять пили? Или предыдущие «отчеты» о состоянии здоро-

вья низложенного императора были лишь не очень ловкой попыткой обеспечить себе алиби на будущее убийство?

Получив известие о смерти Петра Федоровича, Екатерина приказала привезти его тело в Петербург и учинить вскрытие. Оно показало, что отравления не было. Убедившись в этом и слегка успокоившись, Екатерина выдвинула официальную версию, изложив ее в манифесте от 7 июля 1762 года. В нем сообщалось, что «бывший император Петр III обыкновенным, прежде часто случавшимся ему припадком геморроидическим, впал в преже-стоющую колику... Больному было отправлено все необходимое для лечения и выздоровления, но, к крайнему нашему прискорбию и смущению сердца, вчерашнего вечера по-

лучили мы другое, что он волею Всевышнего Бога скончался».

Таким образом, даже формально не было проведено расследование, не опрошены многочисленные свидетели происшедшего: то ли естественной смерти, то ли убийства. В любом случае, последний прямой потомок Петра Великого закончил свои дни совершенно бесславно. Началась новая эпоха — екатерининская.

В.О. Ключевский, подводя итоги царствования Петра III, заключал:

«Он боялся всего в России, называл ее проклятой страной и сам выражал убеждение, что в ней ему непременно придется погибнуть, но нисколько не старался освоиться и сблизиться с ней, ничего не узнал в ней и всего чуждался...»

Лучше, пожалуй, и не скажешь. □

Василий ВЕРЕЩАГИН

Эти картины знаменитого художника в России так никто и не увидел — они были запрещены. После громких выставок, прошедших в крупнейших городах Европы и сопровождавшихся шумными скандалами, они были распроданы на аукционе, состоявшемся в Нью-Йорке в 1991 году, и с тех пор хранятся в неизвестных частных коллекциях. Остается только надеяться, что когда-нибудь они все-таки появятся на выставках или на аукционах, и мы их увидим...

Творчество Верещагина почти всегда сопровождали скандалы — уж слишком яркие и выразительны были полотна художника, уж слишком

громко звучали его антимилитаристские призывы. Туркестанская серия, балканская... На них была обнаженная правда войны, героизм, но и

Палестинская серия

смерть, неизбежная, неотвратимая. Война, в которой жизнь простого солдата ничего не стоила... Публика прекрасно прочитывала все смыслы, которые закладывал в свои картины художник. И не только публика — власти тоже все хорошо понимали. Его называли антипатриотом, нигилистом, обвиняли в том, что он представляет точку зрения врагов Российской империи. Наследник престола, будущий император Александр III, не стеснясь в выражениях, говорил: «Либо Верещагин скотина, либо совершенно помешанный человек». 5 апреля 1880 года художник писал своему французскому знакомому Кларети: «Двор особенно недоволен моими картинами. Прусский генерал фон Вердер, друг императора, посоветовал ему скупить все мои картины и немедленно сжечь. Наследник и несколько других высочеств взбеше-

ны. Отсутствие патриотизма, почти предательство — вот в чем меня обвиняют. Но большинство публики не разделяют этого мнения».

Российским военным властям не нравились не только картины, но и книги, и статьи Верещагина — цензура вычеркивала из текстов целые страницы. Ощущали мощный пацифистский пафос верещагинских полотен и за рубежом. В 1882 году работы художника смогли увидеть ценители живописи в Берлине. Верещагин писал Стасову: «Солдатам и школам запрещено ходить гуртом на мою выставку, вот-то дураки и идиоты». А в одном из интервью он рассказывал: «Мольтке очень любил их (картины) и был всегда первым на моих выставках, но он издал приказ, по которому ни один солдат не смел смотреть их. Офицерам было дозволено, а солдатам — нет. А когда картины привезли в США, было

решено, что картины мои способны отвратить молодежь от войны, а это нежелательно».

Все это привело художника к глубокому творческому кризису. Ему уже больше не хотелось писать батальные сцены — слишком много боли, переживаний он вкладывал в них. «Я слишком близко принимаю к сердцу то, что пишу; выплакиваю — буквально, горе каждого раненого и убитого. ...Я найду себе другие сюжеты». И вот в поиске таких иных сюжетов он отправился в очередное путешествие — а их было в его жизни множество — на Ближний Восток, в Палестину и Сирию.

В те времена эти страны принадлежали Османской империи. Народ тут жил самый разный — турки, арабы, евреи, армяне, греки. И ходили они в свои церкви, поэтому синагоги соседствовали с мечетями, а рядом стояли христианские храмы, причем разных конфессий. Понятное дело, конфликты — этнические, религиозные — тут были не редкость. Но, несмотря на весьма беспокойную обстановку, эти земли привлекали множество туристов и паломников со всех концов мира. Одни искали истину, другие — веру, третьи хотели прикоснуться к религиозным святыням, а четвертые — просто увидеть прекрасные пейзажи Восточного Средиземноморья. Местные священнослужители всех видов всячески пытались заработать на паломниках и туристах. А те, как правило, прибывали на родину Хри-

ста на кораблях, высаживались в Яффе, а потом отправлялись кто в Иерусалим, кто — в Вифлеем, кто — на Мертвое море. Конечно же, основная масса устремлялась в Иерусалим, древнюю столицу трех религий. Там было русское консульство, которое помогало русским, попавшим в трудные ситуации. Вот и Верещагин вместе с женой Елизаветой Кондратьевной прибыли на Святую землю морским путем и сошли с корабля в Яффе, откуда и началось их путешествие по местам, описанным в Библии и Евангелиях. Впечатления свои Верещагин описал в «Палестинских очерках», опубликованных во втором номере за 1891 год столичного журнала «Художник»

Супруги Верещагины побывали в Хевроне, где похоронены древние иудейские первосвященники, на берегах Мертвого моря, где когда-то находились легендарные города Содом и Гоморра, сожженные Богом за страшные прегрешения и пороки, видели и Моавитские горы, и Иерехонскую долину, и реку Иордан, ну и, конечно, побывали в Иерусалиме. Узкие, извилистые улочки, в которых так легко заблудиться, Стена плача, по преданиям — остатки стены, окружавшей храм царя Соломона, и главная святыня христианства — храм Гроба Господня. Христианские святыни явно не впечатлили художника, гораздо больше его интересовали люди, жившие на этой древней зем-

«Святое семейство»

ле, например, монах Вассиан, русский из Каменец-Подольска, мечтавший построить мельницу для своей обители, или старый раввин, преданный своей вере и своей пастве. Оба они согласились — после долгих уговоров — позировать художнику. Раввин только поставил условие, что его портрет никогда не будет показан ни в одной христианской церкви.

Вообще, во время этого путешествия Верещагин сделал множе-

ство рисунков и эскизов. Он нашел новые сюжеты и, вернувшись в Европу, приступил к работе над своей Палестинской серией.

Ее ядром стали шесть полотен: «Святое семейство», «Иисус с Иоанном Крестителем на Иордане», «Иисус в пустыне», «Христос на Тиверидском озере», «Пророчество», «Воскресение Христа».

Отношение Верещагина к религии, к вере, к Священным книгам было не таким, как у многих его совре-

менников. Он был атеистом, не верил ни в какие мистические чудеса, однако полагал, что в Библии и Евангелиях отражены определенные эпизоды, сюжеты, имевшие отношение к действительности, к реальным историческим событиям. И в Иисусе Христе он видел человека, действительно существовавшего в начале нашей эры, попытавшегося защитить свой народ от римских завоевателей. И потому в его сюжетах нет ничего сверхъестественного, зато много деталей, отражающих исторические реалии жизни народов Восточного Средиземноморья в ту далекую эпоху. Вот почему, когда Верещагин пишет «Святое семейство», он показывает скромное жилище небогатого ремесленника, плотника по имени Иосиф. Тесный двор, куры, клюющие зерно, выстиранное белье, развешанное на веревке. Глава семейства работает вместе со своим старшим сыном, Мария кормит грудью свое младшее дитя, в центре двора играют два мальчика, а Иисус, еще совсем юный, с увлечением читает какую-то книгу. На картине — простые люди, в них нет ничего особенного, ничто не отличает их от их соседей. На картине «Воскресение Христа» тоже нет ничего мистического: Верещагин по-своему трактует этот сюжет: измученный жестокими и долгими пытками, Иисус впал в долгое забытие, вроде летаргического сна, а, очнувшись, стал выбираться из гробницы. Уви-

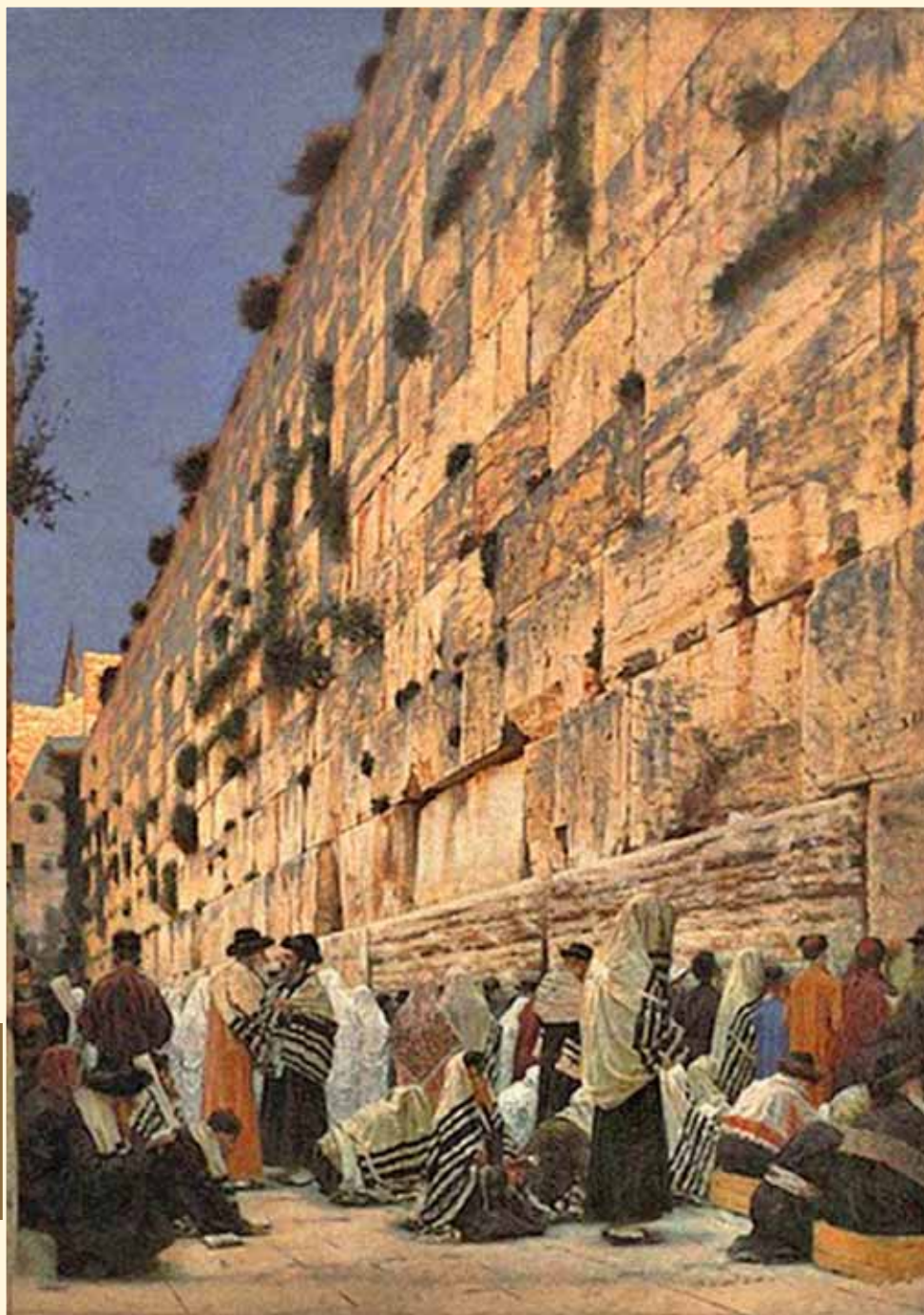
дев это, суеверные римские стражи в ужасе разбежались, разнося повсюду весть о чудесном спасении Христа.

К Палестинской серии примыкает и полотно «Распятие на кресте у римлян» — одна из трех картин Верещагина, посвященных казням. (В «Трилогию казней» еще входили «Подавление индийского восстания англичанами», «Казни заговорщиков в России»). Здесь на первом плане не распятый Христос, а толпа, состоящая из ремесленников, купцов и крестьян. А на заднем плане — кресты, на которых распяты три преступника. Кто из них Христос? Художник не дает на сей счет никаких указаний. Перед нами — типичный эпизод из истории римской империи. И тут нет ничего святого, сакрального.

Православная церковь сразу же запретила показывать эти полотна в России, поэтому Верещагин, по наивности решив, что в Европе нравы более либеральные, организовал выставки в ряде европейских городов.

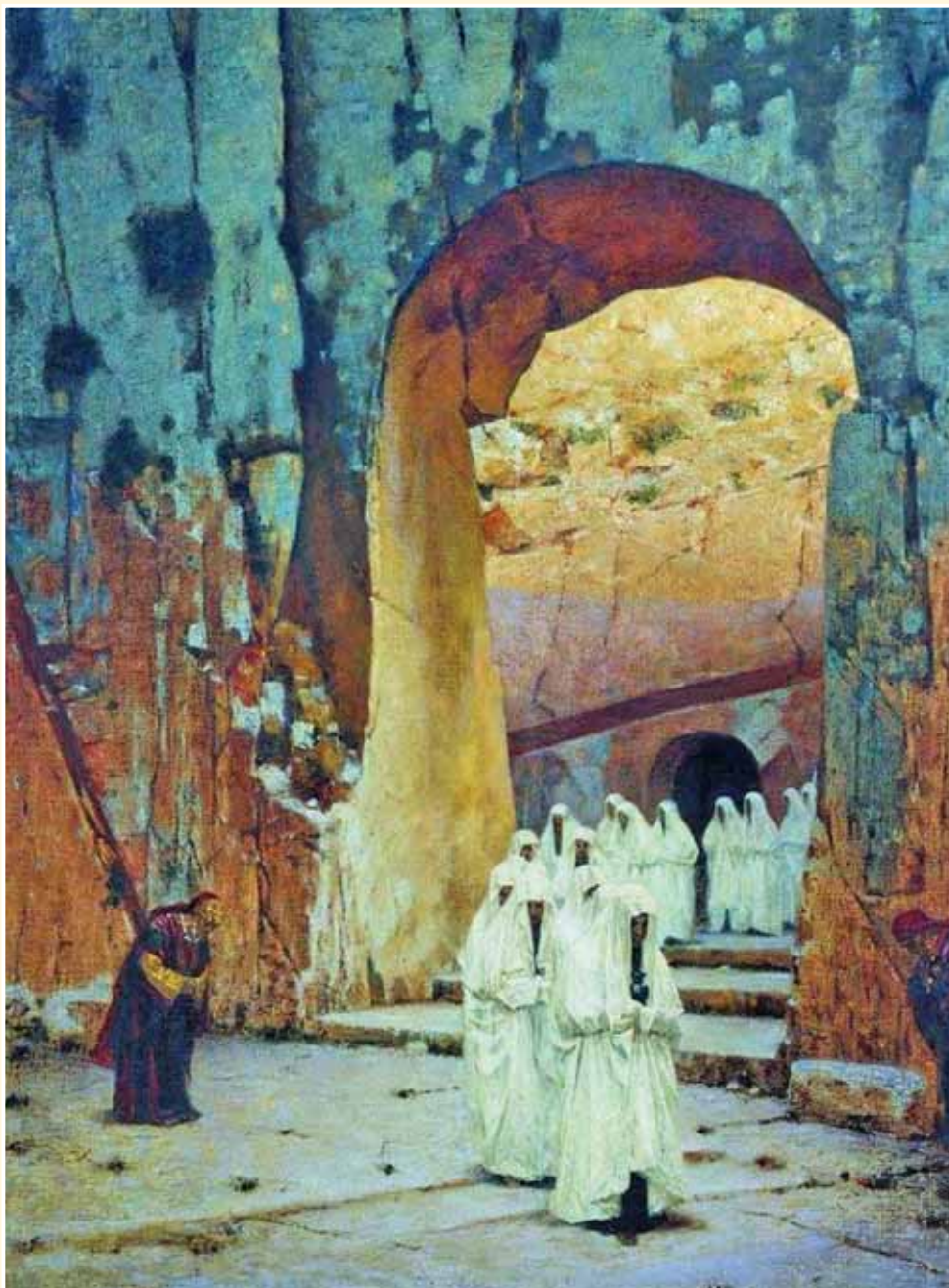
Осенью 1885 года он показал свои работы — около 140 — в Вене. Среди них были и картины Палестинской серии. Как-то на выставку пожаловал князь-архиепископ Вены кардинал Гангльбауэр. Увидев «Святое семейство» и «Воскресение Христа», он пришел в ярость и обвинил Верещагина в страшном кощунстве и оскорблении чувств верующих. Обращение Гангльбауэра к пастве

*«Стена
Соломона
в Иерусалиме»*

было опубликовано в центральных газетах. «...Я пришел к горестному убеждению, что эти две картины, основанные на библейских текстах, цитированных тенденциозно и истолкованных ложно, поражают христианство в его основных учениях и недостойным образом стараются

подорвать веру в искупление человечества Воплотившимся Сыном Божиим. Я был горестно опечален подобной профанацией всего, что только есть самого святого для христианина, и я, как епископ, счел своей обязанностью позаботиться о том, чтобы эти картины, которые так

*«В Иерусалиме.
Царские
гробницы»*

глубоко оскорбляют религиозное чувство католика, были удалены со взоров посетителей выставки, и притом, по возможности, тихо и бесшумно. Но мои старания не достигли цели, поэтому мне ничего не остается, как только торжественно и во всеуслышание протестовать против содержания этих двух картин и против недостойно-

го их посягательства на христианство...»

Скандал в Вене докатился и до России. Одна из русских газет занялась дотошным исследованием верещагинских картин и их соответствием евангельским текстам, а затем обвинила художника в их незнании и невежестве. Чуть позже появилась статья графа П. Девнера,

*Два еврея.
Этюд
для картины
«Стена
Соломона
в Иерусалиме»*

который во всеуслышание объявил Верещагина «лжехристианином» и усмотрел в его картинах глумление над Христом и Святым семейством.

Между тем, гневные выступления Гангльбауэра подогрели интерес публики к верещагинским картинам. Многие признавали высочайшую технику, блестящее мастерство художника, а некоторые

венские газеты даже осмелились назвать выступление кардинала не совсем обоснованным.

Однако среди посетителей выставки бывали и фанатики, и просто сумасшедшие, которых речи кардинала провоцировали на весьма опасные деяния. Так, однажды на выставку пришел хозяин небольшой гостиницы, некий господин Лец, бро-

сился на пол и принялся ораторствовать: «Меня послал сам Бог, и я призываю Его именем сжечь эти картины». Другой ярый последователь кардинала, монах, плеснул кислотой на особенно не понравившиеся ему картины. Тогда очень пострадало «Воскресение Христа». А как-то на выставке появился некий проповедник, который после злобной речи перед картиной Верещагина, принялся допытывать его адрес. Верещагин писал жене: «Какой-то сумасшедший, проповедовавший перед моими картинами, все спрашивал мой адрес. Другой, как ты знаешь, бросил вибриоль (купоросное масло, устаревшее название концентрированной серной кислоты), и хотя не столько испортил, сколько хотел, но все-таки несколько рам надо перезолотить, одну маленькую картинку переписать, 5 других поправить, и в «Воскресенье» всю правую половину переписать... Кстати, я переложил револьвер из заднего кармана в боковой — будь покойна...»

Официальные светские венские власти все-таки нашли способ привлечь художника к ответственности — его обвинили в нарушении закона о печати: мол, он самовольно продавал фоторепродукции с некоторых своих картин. Ему пришлось прийти на суд, который приговорил его к аресту — на сутки. Арест можно было заменить штрафом в 5 гульденов, которые художник и заплатил властям.

После Вены Верещагин решил показать свои картины в Будапеш-

те. И здесь ему также пришлось столкнуться с католическими иерархами. Примас Венгрии кардинал Гейнгальд и его приспешники церковники объявили, что они не будут более оказывать покровительство Художественному институту, если в его стенах откроется выставка Верещагина, и сделают все, чтобы она не открылась в любой другой галерее. Верещагину все-таки удалось организовать выставку в Пеште, однако некоторые картины Палестинской серии, вызывавшие наибольшее возмущение церковников, все-таки пришлось снять. Он устал бороться с ортодоксами, ему тяжело дался венский скандал, а потому в интервью будапештскому журналисту Верещагин прямо сказал, что больше выставлять «скандальные» картины не будет, однако позволил себе четко высказать свои взгляды на свои библейские и евангельские картины в статье «Реализм»: «Но разве я коснулся неуважительно христианских догматов нравственности? Нет, я ставлю их очень высоко. Разве я нападаю на идею христианства или на ее Основателя? Нет, я питаю к ним величайшее уважение. Разве я пытался умалить значение креста? Нет, это было бы полнейшей невозможностью».

После Пешта выставки Верещагина прошли в Берлине, Франкфурте-на-Майне, Праге, Бреславле, Лейпциге и Кенигсберге, Амстердаме, Стокгольме, Лондоне и Ливерпуле. В целом эти выставки сопро-

*«Русский
отшельник
на Иордане»*

вождались огромным успехом, хотя всегда в реакционных газетах появлялись статьи, полные возмущения против свободомыслия, которым были проникнуты полотна русского художника. Западноевропейская интеллектуальная элита высоко оценила творчество Верещагина. К примеру, Ференц Лист писал: «Верещагин больше, чем талант, это гений, он всегда поражает нас неожидан-

ностью, а после того, что уже сделано в живописи, это кажется невероятным».

Летом 1888 года Верещагин повез свои картины в Америку. Среди них были и полотна Палестинской серии. Там его ждал грандиозный успех. Художник умел устраивать свои выставки как шоу, и в залах Американской художественной галереи в Нью-Йорке, где экспониро-

«Ночь на Голгофе»

вали картины, посетителей встречали два служителя в красных рубахах, высоких сапогах и поддевках. В специальном помещении была устроена чайная с самоваром. Некоторые залы украшали восточные ковры, был даже роскошный шатер! А под шатром стоял рояль, на котором играла очаровательная юная пианистка Лидия Андреевская, специально по просьбе Верещагина приехавшая из России. (Вскоре она стала второй женой художника, с первой, Е.К. Фишер, он развелся в конце 1880-х годов.)

После двухмесячного турне был объявлен аукцион, и вся «Палестинская серия», состоявшая из 110 ра-

бот, оказалась распродана, полотна, в основном, попали в частные собрания. Судьбы многих картин сегодня не известны. Где они сейчас, в какой коллекции, мы не знаем. И только отзывы видевших эти картины современников художника и сохранившиеся фотографии дают хоть какое-то представление об этих полотнах. К счастью, не так давно стало возможным увидеть верещагинскую «Стену Соломона» — картина находилась в собрании Музея искусств Калифорнийского института в Беркли. Ее передала в дар музею в 1920-х годах известная американская меценатка Фебе Херст, купившая полотно на том самом знамени-

том аукционе 1891 года. В 2007 году картина была выставлена на аукционе русского искусства в Нью-Йорке и приобретена анонимным российским покупателем за 3 миллиона 624 тысячи долларов.

В 1891 году Верещагин вернулся на родину. Он построил дом на окраине Москвы, устроил там мастерскую. Но и потом он не перестал путешествовать — только теперь ездил уже по России, писал ее пейзажи, писал ее народ. Самое важное достижение тех лет — серия картин, посвященная войне 1812 года. Это 20 полотен, рассказывающих о драматичной борьбе русского народа с армией Наполеона. Верещагин создал настоящую эпопею, полную истинного, не показного патриотизма и гордости за свой народ.

Художник не мог жить без путешествий, новых впечатлений, встреч с другими культурами, традициями. В последние годы своей жизни Верещагин снова побывал в Америке, посетил Филиппины и Кубу, пожил в Японии. И, осваивая новые художественные стили, выплескивал все увиденное на полотна — яркие, выразительные, полные любви к людям, к жизни... Его имя знали во всем мире, его выставки с триумфом шли почти во всех европейских столицах, он стал самым известным русским художником в Европе.

В 1903 году он отправился в Японию. С огромным интересом изучал природу страны, ее культуру, хра-

мы, традиции. Однако в Японии становилось беспокойно — назревала война, и художник остро чувствовал это. В письме редактору одной из петербургских газет Ф.И. Булгакову Верещагин писал: «Войны с Японией нужно стараться избегать как бесцельной, бесплодной и во всяком случае разорительной». Как же он оказался прав!

Война с Японией началась в 1904 году. Верещагин хорошо знал, что такое война, в его жизни уже были Туркестан, Балканы. И вот теперь, когда ему исполнилось 62 года, он счел своим долгом отправиться на фронт, бросив все — спокойную жизнь, любимых жену и троих детей.

Художника принял на борт флагманского корабля «Петропавловск» адмирал С.О. Макаров. Несчастье произошло 31 марта 1904 года. «Петропавловск» спешил к осажденному японцами Порт-Артуру, но корабль подорвался на японскойmine. Вместе с моряками «Петропавловска» погибли два выдающихся русских человека — адмирал Макаров и художник Верещагин. Чудом спасшийся капитан судна Н.М. Яковлев рассказывал, что в последний момент перед взрывом видел Верещагина с альбомом в руках...

Репин писал: «Верещагин — величайший художник своего времени, он открывает новые пути в искусстве. ...Верещагин — личность колоссальная, это действительно богатырь... Верещагин — сверххудожник. Как и сверхчеловек». □

Артем Гришаев — концертмейстер Большого театра, яркий, одаренный музыкант, принимавший участие во многих музыкальных фестивалях и мастер-классах музыкантов и педагогов, таких, как Джордж Дарден, Антонелло Аллеманде, Евгений Нестеренко, Ирина Богачева, Массимилиано Булло и многих других. Он аккомпанировал артистам Молодежной оперной программы и стажировался в Вашингтонской национальной опере в рамках обмена между Вашингтонской оперой и Большим театром России.

А Артем Гришаев:

*«Я сознательно
полюбил музыку в 16 лет»*

— В Большом театре прошла премьера оперы «Альцина» — Георга Фридриха Генделя, написанная великим немецким композитором в 1735 году на итальянском языке — для его первого сезона в лондонском театре Ковент-Гарден, тогда она прошла с огромным успехом. Расскажите, пожалуйста, о современной постановке 21-го века.

— Премьера «Альцины» — важное событие, и очень радуется, что у московской публики вновь появилась возможность послушать прекрасную оперу барокко. К сожалению, произведения Генделя идут в наших театрах очень редко. В 2015 году на сцене Большого театра с успехом прошла премьера «Роделинды» — это была совместная постановка с Английской национальной оперой.

«Альцина» — это тоже копродукция, но уже с французским Международным оперным фестивалем в Экс-ан-Провансе, где она и была представлена в 2015 году. Либретто создано на основе поэмы Людовико Ариосто «Неистовый Роланд», к которой Гендель уже обращался ранее при создании опер «Орландо» и «Ариодант».

Над нашей постановкой работала творческая интернациональная команда, дирижер-постановщик — Андреа Маркон. Маркон — органист, дирижер, большой знаток и исследователь старинной музыки. Из певцов Большого театра в одной из

главных партий занята Анна Аглатова, она исполняет партию Морганы — сестры Альцины.

— Артем, вы посвятили свою жизнь музыке, скажите, пожалуйста, кто повлиял на ваш выбор профессии? Может быть, это преемственность?

— Моя мама — пианистка, она была моим первым педагогом, у папы два образования — дирижерское и искусствоведческое, поэтому, собственно говоря, выбора у меня не было, все происходило естественно. Мама «ставила» мне руки, занимались ежедневно по два часа утром и вечером. У нас всегда было великое множество пластинок, кипы нот, я очень любил читать за фортепиано «с листа» что-то новое. С папой в игровой форме слушали симфонические произведения — брали партитуру и следили за текстом, за сменами темпов и динамики, угадывали отдельные инструменты и группы. А это уже гораздо больше, чем две «фортепианные» строчки в нотах! Иногда теряли текст, и самое интересное было его «догнать», не останавливая пластинку, — приходилось быстро ориентироваться на слух, пытаюсь сопоставить то, что ты видишь в нотах и то, что слышишь в данный момент... Сейчас мне это очень помогает в игре оперных клавиров — объемы огромные, и надо уметь «выхватывать» самое главное, не «закапываться» в мелочах.

— Вы занимались в детстве музыкой с удовольствием?

— Был интерес, большое терпение, упорство, граничащее с упрямством, но не помню большого удовольствия. Сознательно я полюбил музыку лет в шестнадцать, и, боюсь, я такой не один. Путь пианиста — тяжелый и длинный, но очень интересный.

Сына мы с женой отдали в музыкальную школу — у него, можно

сказать, пока тоже нет другого выбора — это то, в чем мы можем помочь, научить, подсказать. Моя жена — выпускница Московской консерватории, пианистка, работает концертмейстером в классе дирижеров в Академии хорового искусства имени Попова. Иногда я беру сына с собой на работу, в театр, он сидит на уроках, репетициях, слушает, как я занимаюсь с певцами.

Еще он поет в детском хоре Большого театра, мне кажется, это очень важный артистический опыт и развитие для будущего музыканта. Конечно, если однажды он скажет, что не хочет заниматься музыкой — принуждать не стану. Но удивлюсь непременно — уже слишком много музыки в его жизни!

— Тому, кто решил стать пианистом, помимо способностей, таланта, что еще необходимо, на ваш взгляд?

— Наверное, то же, что и молодому спортсмену, мечтающему стать олимпийским чемпионом. Усидчивость, терпение и работоспособность, поддержка родителей — поначалу, а в более сознательном возрасте — полное погружение и самоотдача, психологическая устойчивость к неудачам, вера в себя и в то, что ты делаешь. Распространенное в последнее время выражение «без фанатизма» я не понимаю. Без фанатизма не получится! Внутри должно быть ощущение священнодействия.

— Как обычно проходит ваш рабочий день?

— По расписанию в 14:30 у меня урок с солистом оперы — нужно повторить партию, 15.30 — 18.30 сценическая репетиция по «Дон Карлосу» — тут я просто «воспроизвожу» клавиры, чтобы помочь работе режиссера с мизансценами, в 19:00 — спектакль «Так поступают все женщины» — играю речитативы. А с утра

я уже снова в театре — чтобы повторить клавиры «Дон Карлоса» к дневной репетиции. Эти самостоятельные занятия — вне расписания, но это как станок для танцовщика, как спортзал для атлета — необходимо всегда быть в форме. Когда каждую неделю играешь новую оперу, материал «замыливается», настоящее пианистическое качество, которому нас учили в консерватории, пропадает, рояль перестает звучать «оркестрово». А ведь певцам важно слышать в моей игре именно оркестр, чтобы потом уверенно чувствовать себя на спектакле.

— В опере «Так поступают все женщины...» Вольфганга Амадея Моцарта, которая идет в Большом театре, вы солируете на хаммерклавиры. Сложно ли играть на этом инструменте, и вообще, что это такое?

— Хаммерклавиры — это старинное молоточковое фортепиано, его камерный звук заметно отличается от привычного концертного звука современных роялей. Он суше, тише и не обладает широкой динамической амплитудой. Это более легкий клавишный музыкальный инструмент, нежели фортепиано, но есть у него и свои особенности — он хрупок, весь его механизм меньше, и ход клавиш тоже, поэтому надо приспособливаться. Поскольку сами клавиши меньше, то приходится пальцы, что называется, «прибирать», игра в основном «кистевая»,

педали находятся у хаммерклавира под клавиатурой, и нужно управлять ими коленями снизу.

Для хаммерклавира писали свои великие произведения Гайдн и Бетховен. Моцарт специально заказывал инструменты у Вальтера, предпочитая всем мастерам именно эту модель. Отсюда и название — «моцартовское фортепиано».

— Что входит в обязанности концертмейстера? Как проходят у вас репетиции с певцами?

— Мы фактически сочиняем оперу заново. Ведь композитор, прочитав либретто, когда-то написал на эти слова музыку... так и получается опера, если в двух словах. Так и мы — прежде всего, читаем с певцами текст, будь то русский или итальянский, немецкий или французский, вникаем в него, разбираем синтаксис, ищем кульминации и направление фразы — ведь в каждом языке это происходит по-разному... И только после этого пытаемся на эту основу «положить» музыку, проинтонировать мелодию и спеть все это с оркестровым сопровождением в переложении для фортепиано.

Это касается как оперных арий, так и ансамблей, а особенно речитативов в операх Моцарта, Генделя, Россини — так как основное драматургическое действие происходит именно в речитативах.

Конечно, нужно понимать в вокале, чтобы общаться с певцами на «их»

языке, неплохо знать на начальном уровне и иностранные «оперные» языки — итальянский, французский, немецкий. Важно также понимать особенности дыхания певца, в том числе особенность заканчиваться в самый неподходящий момент — если «затянуть» темп. Ведь бедный певец просто не имеет права взять дыхание в середине слова — а в музыке Верди иногда один слог распевается на несколько тактов. Какой выход? Единственный — правильно выбрать темп. Попробуйте проплыть под водой олимпийский бассейн на одном дыхании, и вы сразу поймете всех певцов, которые просят дирижера «подвинуть» темп вперед на длинной фразе! Певческое дыхание отличается от жизненного дыхания человека выдохом, большей продолжительностью.

— Как реагируют певцы на ваши замечания во время репетиций?

— К каждому нужен индивидуальный подход. Певцы ведь не слышат себя, когда поют, не могут оценить на сто процентов, как это звучит «снаружи», — у них все построено на внутренних ощущениях. И часто эти ощущения, в силу волнения и других причин, могут быть ошибочными, тут как раз может пригодиться совет, пожелание, а иногда и просто шутка. Оперный концертмейстер должен быть психологом. Конечно, все ошибки и недочеты я фиксирую и потом отправляю солистам по

электронной почте для их самостоятельного анализа, но это уже чисто техническая информация, лишенная «оценочной» окраски. Певец должен уметь работать самостоятельно. Во время работы с концертмейстером можно записать урок на диктофон, прийти домой и прослушать все «со стороны». Увы, но это делают не все певцы. Еще одна проблема — иностранные языки, начальные знания которых необходимы для того, чтобы фразы произносились осознанно, текст был осмыслен и наполнен. Бывают шикарные голоса «от природы», но карьера у певцов не складывается только потому, что нет привычки

работать самостоятельно, развивать свой музыкальный вкус.

— По окончании Московской консерватории вы поступили в Молодежную оперную программу Большого театра первого набора...

— Да, был большой конкурс, но, к своему удивлению, я оказался там, где оказался, еще толком не понимая, что меня ждет! Обучался два года, и было очень тяжело, потому что после консерватории кроме игры на рояле я ничего больше, можно сказать, не умел. Репертуар огромный, все приходилось читать «с листа», языков не знал. Потом

случилось так, что несколько человек из нашей программы по обмену полетели на две недели в Вашингтон, в Молодежную оперную программу Пласидо Доминго, — мы очень хорошо поработали, дали совместный концерт в Посольстве РФ, — и маэстро Доминго пригласил нас на стажировку. Певцы не смогли поехать, а я отправился туда и проучился два года, а через год стажировался в летней оперной программе Мерола в Сан-Франциско. В общем, быстро преодолел языковой барьер, набрался опыта и в 2013 году вернулся в Москву. Итого, более пяти лет после окончания консерватории я «доучивался» на оперного концертмейстера. Такая вот получилась международная «аспирантура». В Америке эта профессия называется «оперный коуч», во Франции — «Chef de chant», в Германии — корепетитор. У нас же понятие «концертмейстер» довольно размытое — это может быть и класс вокала, и класс балалайки — то есть подразумевается исключительно музыкальное сопровождение, таперство. В этом большая разница.

— Что дала вам оперная программа в Вашингтоне?

— Я научился работать в театре. Понял, что от меня требуется, как от музыканта в опере. Плюс множество спонсорских концертов, презентаций, бесконечные вокальные уроки — все это колоссальный профессиональный опыт.

Мне дали возможность влиться в творческий процесс, полноценно участвовать в постановке наравне с известными и состоявшимися певцами, дирижерами и режиссерами. Помню, с каким волнением я подписывал контракт на шесть недель на постановку «Так поступают все женщины» в Вашингтонской национальной опере — это была моя первая работа в оперном театре. Конечно, такой кредит доверия стимулирует профессиональный рост и повышает самооценку!

Надо сказать, что Моцарт — особенный композитор, он умел выразить в музыке любую эмоцию, любое состояние души, тончайший намек и подтекст... В музыке Моцарта невероятно много граней и оттенков, и каждый раз они проявляются по-новому, когда ты прикасаешься к его творениям. Снова и снова открываешь что-то еще потаенное, абсолютно неизвестное... Моцарт — композитор невероятных глубин и высот. Можно поменять темп, сменить смысловые акценты, поэкспериментировать с динамикой — эта музыка подразумевает множество интерпретаций, ты всегда находишь что-то интересное в ней. Такие «фокусы» позволяют проделывать со своими произведениями далеко не все композиторы.

— Артем, что бы вы хотели пожелать зрителю?

— Приходить в театр, как в первый раз, все воспринимать с откры-

тым сердцем, слушать красивую музыку, пение! Может быть, подумать о том, как все это происходит, какой труд за этим стоит... а, впрочем, лучше не надо! Мне кажется, что поход в театр подобен медитации, это своего рода перезагрузка, перенастройка эмоционального состояния человека. □

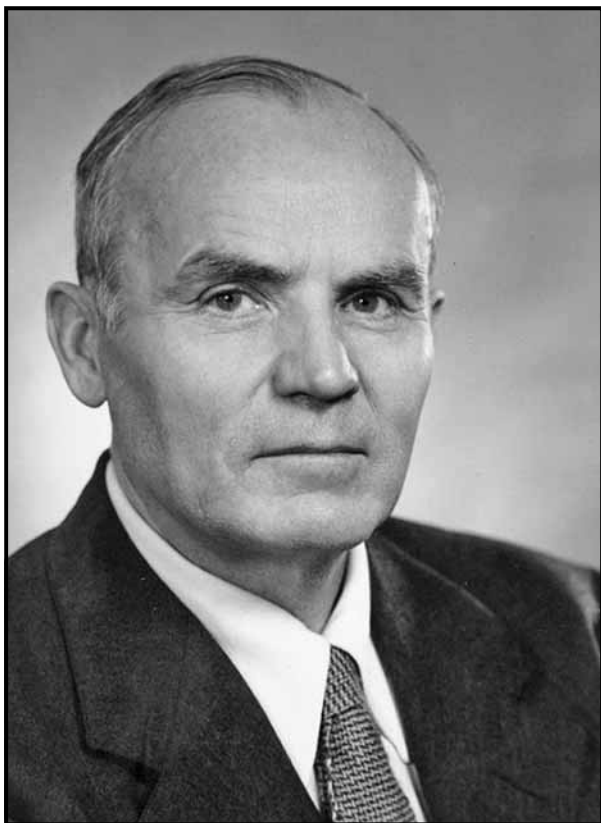
Беседовала
Елена Воробьева

Великий

Владимир Братченко

ИНЖЕНЕР

Об Александре Матвеевиче Понятове, нашем соотечественнике, изобретателе видеомэгнитофона, основателе всемирно известной американской фирмы «AMPEX» (Ампекс) в нашей стране долгие годы ничего не было известно. Об его многочисленных изобретениях знало только ограниченное число специалистов. Даже в Казанском университете

Александр Матвеевич Понятов родился 25 марта 1892 года в селе Русская Айша, расположенном недалеко от Казани. Отец, Матвей Понятов, был купцом первой гильдии, занимался лесоторговлей, владел мельницей, складами со строительными материалами. Еще в детстве Саша заинтересовался техникой. Однажды в Казани он увидел паровоз и, узнав от отца, что такие машины создают люди, которых называ-

ют инженерами, решил стать инженером. В Казанском реальном училище он считался одним из первых учеников. Был такой случай. На уроке геометрии учитель попросил Сашу написать уравнение гиперболы. Мальчик признался, что уравнения не помнит, но может вывести его сам. Он вышел к доске и, к всеобщему удивлению, сделал это.

После окончания реального училища Александр, проучившись око-

ло двух лет в Казанском университете на физико-математическом факультете, поступил в Императорское московское техническое училище, где был любимым студентом у профессора Н.Е. Жуковского, который привил ему любовь к авиации. Однако уже в 1911 году, опасаясь преследований за участие в студен-

ского Александр приехал в Карлсруэ. Здесь он досрочно окончил полный курс Высшей технической школы и должен был для получения диплома пройти годичную практику на заводе. Но началась Первая мировая война, и русских стали преследовать. Тут он получил от ро-

и в Московском государственном техническом университете (бывшем МВТУ им. Баумана), в которых он обучался некоторое время, то ли его основательно забыли, то ли боялись вспоминать. Фирма Понятова прошла путь от никому не известной кучки энтузиастов до мирового лидера, гиганта индустрии в области профессиональной и бытовой звукозаписывающей техники и видеоаппаратуры. В 50-е и 60-е годы прошлого столетия ведущие электронные компании мира — Сони, JVC, Мацусита, Филипс, Тошиба, Шарп — использовали патенты и лицензии фирмы Ампекс. Великого изобретателя уже при жизни считали техническим гением. Но лишь сравнительно недавно, благодаря усилиям неравнодушных людей и поискам его внучатого племянника Николая Алексеевича Комиссарова, он «вернулся» на Родину.

ческих сходках, Александр решил продолжить учебу за границей. Расходы оплатил отец, который верил в способности сына. Вот что пишет в своих воспоминаниях Понятов: «Стою в очереди у кассы и не знаю, куда взять билет. Мне посоветовали три вуза: в Берлине, в Карлсруэ и в Бельгии. Передо мной стоял мужчина, который купил билет в Карлсруэ. Я автоматически взял билет туда же». С рекомендацией Жуков-

дителей повестку о призыве в царскую армию и решил возвратиться в Россию. Ехать через Польшу было опасно, и он выбрал окольный путь через Бельгию. Но и там было беспокойно. На вокзале, перед посадкой в поезд, он увидел, как толпа избивала двоих русских. Александр избежал подобной участи: две американки назвали его своим больным родственником, которого вывозят в Америку.

Сначала Понятов попал в Англию, откуда морем прибыл в Россию и добрался до Казани. Здесь он окончил артиллерийское училище, но предпочел служить в авиации и отправился в северную столицу, где проходил обучение в школе летчиков и уже в звании офицера был назначен в воздушную дивизию Балтийского флота. Однако долго летать Понятову не пришлось. Он попал в серьезную авиационную аварию, получил тяжелые ранения и долго лечился.

Шла гражданская война, во время которой, как много лет спустя Понятов рассказывал своим сотрудникам, он «служил в Белой армии и воевал с коммунистами». Отступая под натиском «красных», его подразделение оказалось в родных местах, под Казанью. Он вспоминал: «В последний раз я увидел родителей во время Гражданской войны. К тому моменту я уже вполне сносно управлял самолетом. Понимая, что, возможно, больше никогда не увижу родные края, решил сделать несколько кругов на максимально низкой высоте над Айшой. На звук двигателей из дома выскочили мать с отцом и долго махали мне руками, до тех пор, пока я не увел самолет на восток. К сожалению, я не ошибся. Это стало моим последним воспоминанием о любимой России».

Не зная ни слова ни по-китайски, ни по-английски, Понятов эмигрировал в Китай, взяв с собой двух дочерей своей сестры Агриппины, Анну и Валентину. Работу он нашел

довольно быстро в Шанхайской энергетической компании по объявлению в газете. Там он прожил до 1927 года, а потом, скопив достаточную сумму денег и получив от фирм отличные рекомендательные письма, отправился искать счастья за океан. В 1929 году Александр прибыл в США. Однако гражданство он получил лишь через семь лет. Уже через год он неплохо говорил по-английски. В это время в США началась Великая депрессия. Найти работу было непросто. Но вскоре все-таки удалось получить место инженера в корпорации General Electric. Через некоторое время Понятов переехал в Калифорнию, в город Редвуд-Сити, где был принят в компанию Westinghouse. Однако он давно задумал и мечтал открыть свою фирму. В 1944 году, когда ему было 52 года, его мечта сбылась. Он зарегистрировал собственную фирму, дав ей звучное название «AMPEX». Название сложилось из заглавных букв имени, отчества и фамилии основателя фирмы — Alexander M. Poniatoff Experimental. Фирма начала свою работу в гараже его собственного дома. Команда Понятова состояла из молодых, талантливых инженеров: Ч. Андерсен, Ш. Хендерсон, Р. Макси, Р. Долби, Ф. Пфост и Ч. Гинзбург. В качестве субподрядчика компании Westinghouse «Ампекс» выполняла заказы Минобороны США, изготавливая важные узлы для самолетных радаров. Девизом фирмы стали слова Алексан-

дра Матвеевича «Ничего не считать догмой».

С окончанием войны заказы резко сократились. «Когда казалось, выхода нет, всегда происходило какое-то неожиданное событие, которое давало компании шанс на новую жизнь», — вспоминал Александр Матвеевич. Такой «шанс на новую жизнь» подсказал случайно попавший на фирму трофейный немецкий магнитофон. Понятов радикально поменял производственный профиль фирмы и принял решение заняться новым, перспективным направлением, несмотря на реальный

риск оказаться банкротом. В это время он, вероятно, и сам не подозревал, что это решение очень скоро сделает фирму «Ампекс» мировым лидером в области звукозаписи, а вслед за этим — и видеозаписи.

Научно-технический прогресс на рубеже 19-го и 20-го столетий дал миру пароходы и паровозы, автомобили и самолеты, телеграф и телефон, была изобретена фотография. В 1895 году в Париже был показан первый в мире кинофильм братьев Люмьер «Прибытие поезда на вокзал». При виде движущегося

на них поезда зрители бросились бежать кто куда. Можно только представить, какая паника поднялась бы, если фильм был бы звуковым! Русская поговорка гласит: «Слово не воробей, вылетело, не поймаешь». «Поймать и законсервировать» звук, когда ни микрофонов, ни граммофонов, ни патефонов, ни, тем более, магнитофонов не было и в помине, в то время казалось фантастикой. Однако эту, казалось бы, непоколебимую истину сумел опровергнуть, причем довольно случайно, гениальный изобретатель телефона американец Томас Эдисон. Легенда гласит, что однажды, занимаясь усовершенствованием своего телефона, он припаял к диафрагме стальную иглу и машинально крикнул в трубку: «Алло, алло!» Диафрагма завибрировала, и игла уколола ему палец. Эдисон вскрикнул, но во все не от боли, нанесенной коварной иглой, а от внезапно осенившей его мысли. Если игла запечатлела его голос на пальце, значит, можно зафиксировать этот звук и на более подходящем предмете? Таким предметом стал вращающийся барабан. Знаменитые советские сатирики И. Ильф и Е. Петров в фельетоне «И снова ахнула общественность» так описывают историческое событие записи Эдисоном своего голоса: «Эдисон, <...> покрыв барабан тонким <...> листом, принялся вращать ручку, одновременно произнося слова <...> стихотворения: « У Мери была маленькая овечка...». <...> Затем привел барабан в исходное по-

ложение и снова принялся вертеть ручку.<...> Вдруг негромко, но явно слышно послышался голос Эдисона, рассказывающий достопамятное приключение Мери и овечки».

Присутствовавший при этом эксперименте помощник Томас в восторге закричал: «Мистер Эдисон! Вы — гений!» Это историческое событие произошло 6-го декабря 1877 года.

Свой прибор Эдисон назвал «фонограф» и привез его в Париж на заседание Академии наук. Пресса писала: «Когда многочисленная публика расселась по местам и успокоилась, демонстратор, <...> взявшись за ручку аппарата, начал ее поворачивать, и из машинки послышалась живая человеческая речь: «Фонограф свидетельствует свое почтение Академии наук!» Демонстратор нагнулся к аппарату и произнес: «Господин фонограф, говорите ли вы по-французски?» Аппарат произнес эту фразу с математической точностью.<...> В момент всеобщего ликования академик Жан Бульо внезапно, как сумасшедший, сорвался с места и, задыхаясь от бешенства, бросился на представителя Эдисона. Схватив его за горло, он в исступлении заорал: «Негодяй! Плут! Вы думаете, мы позволим какому-то чревоушателю надуть высшее ученое заседание?»

Тем не менее, фонографы получили распространение во всем мире, в том числе и в России.

А через десять лет на смену фонографу пришел граммофон. Изо-

брел его некто Э. Берлинер, владелец лаборатории из Вашингтона. В граммофоне вместо валиков он использовал цинковые пластинки. При проигрывании они издавали скрежет и быстро изнашивались, крутить их надо было вручную, строго со скоростью 70 об/мин. Граммофон играл громче и стоил в два раза дешевле фонографа, тем не менее, его долго не покупали. Однажды Берлинер увидел в витрине магазина одежды пальто, на котором его заинтересовали пуговицы. Узнав, что они изготавливаются из шеллака, он стал применять этот материал в производстве пластинок. Такая пластинка могла звучать три минуты. После этого спрос на граммофоны резко подскочил.

Возможности чудесного изобретения по достоинству оценил вождь мирового пролетариата В.И. Ленин, поставив граммофон на службу молодой Советской республики. Журнал «Советское фото» в 1926 году в №1 опубликовал воспоминания начальника «Центропечати» о записи речи В.И. Ленина, состоявшейся 26 марта 1919 года. «...Я дождался конца записи, во время которой Владимир Ильич пришел в очень доброе настроение, случайно оговорившись в рупор. Речь шла о революции в Венгрии. Владимир Ильич начинает: «Товарищи, этой ночью по радио из Венгрии товарищ Бела Кун сообщил мне о происшедшем там перевороте. Товарищ радио Кун...» И тут же сам расхохотался. Заведующий запи-

сью<...> предложил: «Владимир Ильич, хотите послушать, что вы сказали?» Затем он поставил мембрану. Воск точно передал голос, смех и «Радио Куна». Расхохотавшись, Владимир Ильич не смог закончить запись этой речи и лишь сквозь смех произнес: «Вот я и испортил всю венгерскую революцию! В первый раз слышу свой собственный голос».

Существенным же недостатком граммофонов была деревянная труба, которая обеспечивала громкость звучания. Особым «шиком» считалось иметь граммофон с медной, и даже с серебряной трубой. Вскоре производители граммофонов сумели избавиться от этой громоздкой детали, заменив ее на головку с мембраной. Такой граммофон стал называться патефоном. К фамилии знаменитых французских братьев Пате это название имеет лишь косвенное отношение. Во многих странах, в том числе и в России, братья имели фабрики по производству грампластинок, а не патефонов. Но их имя по непонятным причинам «приклеилось» к проигрывающему устройству. Патефоны приобрели широкое распространение, звучали во многих домах, позволяли слушать знаменитых певцов и артистов. А многие, наверное, помнят, как патефон выносили во двор, «крутили» пластинки и устраивали танцы под мелодии джаз-оркестров Леонида Утесова, Александра Цфасмана и знаменитых танго Оскара Строка.

Мировые компании продолжали вкладывать огромные деньги в совершенствование звукозаписи. Менялась скорость вращения пластинок с 78 до 45, а потом и до 33 об/мин. После Второй мировой войны появились электропроигрыватели, электронные усилители звука, стереофонические проигрыватели и пластинки, шеллак уступил место «винилу». Лидером в этой гонке была гигантская Американская Радио Корпорация (RCA) во главе с Давидом Сарновым, также выходцем из России. Однако стало очевидно, что дальнейшее развитие механического способа звукозаписи полностью себя исчерпало.

О существовании звукозаписывающего аппарата, привезенного неким Дж. Муллином из побежденной Германии вместе с 50-ю катушками магнитной пленки Понятов

узнал от американского радиоинженера Гарольда Линдсея, который вместе с приглашенными Муллином боссами Голливуда присутствовал на демонстрации этого загадочного изделия. Чтобы произвести наибольший эффект, аппарат, получивший название «магнитофон», звучал из-за занавеса. Прослушав специально подготовленный небольшой концерт, гости не могли поверить, что это была магнитная запись, а не живая музыка.

Понятов тут же загорелся идеей освоить эту многообещающую технологию. Используя трофейный магнитофон в качестве прототипа, он внес в него огромное количество усовершенствований, и в 1947 году первым в США создал студийный аудиоманитофон Model 200 собственной конструкции, который обеспечивал высочайшее качество зву-

ка и достаточно продолжительное звучание. Поначалу радиовещательные компании отнеслись с недоверием к изобретению, магнитофон долго не находил спроса. Однако, как и в прошлый раз, подоспело «неожиданное событие». Новинкой заинтересовался легендарный певец и актер Бинг Кросби. Дело в том, что этот «соловей Америки», как его называли во всем мире, испытывал непреодолимое волнение, когда ему предстояло петь перед микрофоном в прямой эфир из радиостудии. С помощью магнитофона для него открылась неожиданная и счастливая возможность избавиться от своих навязчивых «фобий». Узнав о существовании чудесного аппарата, он инвестировал в «Ампекс» 50 тысяч долларов, весьма солидную сумму по тем временам, что обеспечило начало их серийного

производства. Последовавшие затем выступления суперзвезды с применением магнитофонных записей обеспечили «Ампексу» отличные продажи, и вскоре ни одна радиовещательная компания в США не могла в своей работе обойтись без магнитофонов этой фирмы. Первой пробой магнитофона в эфире как раз и был концерт Кросби.

«Ампекс» стала быстро развиваться, восстановились старые связи с военными заказчиками, для которых фирма начала поставлять записывающие аппараты, незаменимые при испытании военной техники. А после того как был освоен выпуск собственной магнитной ленты, фирма приступила к изготовлению бытовых катушечных магнитофонов. Их с нетерпением ждали миллионы любителей музыки, а также владельцы дискотек. Днем рождения быто-

вого магнитофона считается 27 января 1948 года. Интересно отметить, что долгие годы во многих студиях мира процесс записи звука называли «ампексованием».

После окончания Второй мировой войны в США началось бурное развитие телевизионного вещания. (Попутно отметим, что телевизор был изобретен нашим соотечественником Владимиром Кузьмином Зворыкиным). К 1952 году рынок был уже насыщен черно-белыми телевизорами, а в 1953 году появились цветные телевизоры. Специалисты понимали, что теоретически на магнитную ленту можно записать не только звук, но и изображение. Многие известные фирмы работали над решением этой проблемы, но безуспешно. Оказалось, что создать видеомэгнитофон было в сотни раз труднее, чем магнитофон. Проблема заключалась в том, что телевизионный сигнал занимает полосу частот в 500 раз более широкую, чем звуковой. При такой величине магнитная лента должна «лететь» со скоростью не менее 50 метров в секунду. Лента часто рвалась, магнитная головка разогревалась вплоть до 700 градусов, а самой ленты, даже на небольшой сюжет, требовалось несколько километров. После бесчисленных и сложных экспериментов, потратив на это семь лет, фирме «Ампекс» раньше всех других удалось изобрести так называемый поперечно-строчный способ видеозаписи и создать первый в

мире видеомэгнитофон. Аппарат обеспечивал высокое качество записи при низкой скорости движения магнитной ленты и позволял на одной катушке сделать достаточно продолжительную видеозапись. Александр Матвеевич вспоминал, что «если бы он и его инженеры заранее представляли себе все трудности при создании видеомэгнитофона, то никогда не взялись бы за это дело». Кратко, но емко, он добавил: «В течение семи лет впереди нас в этом деле был только Бог».

14 апреля 1956 года фирма «Ампекс» продемонстрировала в «Национальной ассоциации радиотелевизионных журналистов» первый коммерческий видеомэгнитофон VR-1000. Это была громадная, тяжелая машина, стоившая баснословных денег. Тем не менее, уже в первые месяцы было продано около сотни аппаратов. Изобретение произвело настоящую революцию в мире телевидения. Записанные на пленку новости, спортивные сюжеты, ток-шоу и спектакли могли многократно транслироваться по телевидению в любое время. Рекламные компании получили небывалые возможности рекламировать свои товары. С облегчением вздохнули президенты многих стран мира: теперь они могли в новогоднюю ночь поздравлять свои народы, сидя у себя дома, в кругу семьи и друзей.

«Ампекс» не стояла на месте. Одно изобретение следовало за другим. В 1963 году был разрабо-

тан видеомэгнитофон, позволяющий делать монтаж и покадровый просмотр. В 1964-м фирма освоила цветную видеозапись. В 1967 году выпустила аппарат замедленного воспроизведения записи, который оценили, прежде всего, спортивные журналисты. Теперь самые острые (или спорные) спортивные моменты можно было рассмотреть в замедленном темпе. В 1971 году началось массовое производство бытовых видеомэгнитофонов (первая модель стоила 1500 долларов) с дистанционным управлением, а также специальных портативных мэгнитофонов для корреспондентов. Первая в мире фирма начала разработку цифровых технологий и выпустила носитель для хранения информации. Разработанный «Ампексом» стандарт видеозаписи применялся во всем мире почти 20 лет. В общей сложности фирма зарегистрировала более 50-ти патентов на свои изобретения.

Летом 1959 года в Москве, в парке Сокольники проходила американская выставка, на которой произошла знаменитая «встреча на кухне» вице-президента Ричарда Никсона с главой СССР Никитой Хрущевым. Между ними разгорелся спор о преимуществах капиталистического или социалистического пути развития. Эту горячую дискуссию инженер «Ампекса» Дж. Ройзен записал на видеопленку, которую подарили нашему лидеру. Но оказалось, что воспроизвести у нас запись было не на чем. Этот позорный

*А.М. Понятов
с видеомэгнитофоном VR-1000*

факт возмутил Никиту Сергеевича и дал толчок развитию видеозаписи в СССР. Первый советский вещательный видеомэгнитофон «Кадр-1» был изготовлен в Новосибирске в 1960 году.

Год за годом Александр Матвеевич формировал свою команду. «Мы будем поддерживать таланты, невзирая на дипломы», — говорил он, принимая на работу молодых, нестандартно мыслящих людей. В середине 60-х годов на фирме работало около пятнадцати тысяч человек, в том числе много русских эмигрантов. «В этих стенах всегда было так много любви и уважения к людям, — рассказывали ветераны «Ампекса». — Никто никогда не скажет, что Понятов мог быть авто-

ритарным. Он был очень выдержанным, спокойным в работе. Нам больше не довелось работать в содружестве с такими талантливыми людьми. Все это заслуга основателя компании». Такое отношение к людям он унаследовал от своего отца. «На всю жизнь я запомнил его слова: «Никогда никого не вини, если у тебя что-то не получается, — вспоминал Понятов. — В самом деле, если задуматься, всегда приходишь к выводу, что сам допустил ошибку. Ты один несешь ответственность за свою жизнь, и сам должен встать на ноги и быть хозяином своей судьбы. Ко второму принципу я пришел в течение моей долгой жизни: «В работе, в отношениях с другими людьми надо стараться заработать уважение к себе. Никого не винить, всех уважать»».

Своих детей у Понятова не было. В 1991 году его внучатая племянница Елена Кашкадамова-Кулакова, к которой он был очень привязан и которая часто бывала у него в гостях, приехала в Россию на Первый конгресс соотечественников. Она рассказала, хотя и не слишком много, о личной жизни Александра Матвеевича. Со своей первой женой, Екатериной Лавровой, он познакомился еще в Казани. Они обвенчались и вместе уехали в Шанхай. «Кажется, там был человек, ей интересный. Она приезжала в США разводиться с дядей Сашей. Он очень переживал этот развод. В США дядя женился на американке Хейзел Хесс. Он называл ее Еленой Алек-

сандровной, считал, что ее имя созвучно русскому Елена». Членами семьи Понятова были также две дочери его сестры, оставшейся в России. Александр Матвеевич всегда был в курсе происходивших в СССР событий, многие годы выписывал газету «Известия». В Калифорнии он жил в доме, построенном на русский лад. Дом назывался «Villa Kazan». Местному мастеру Александр Матвеевич заказал большую икону Георгия Победоносца, вырезанную из дерева, и повесил ее таким образом, чтобы все входившие в дом видели ее. Понятов очень тосковал по родине. В 1959 году он попросил племянницу Анну написать письмо в Казань. Но родственники на семейном совете приняли непростое решение — не отвечать. Десятилетия спустя внучатая племянница Понятова Татьяна Емелина призналась: «Время было такое... Иметь знаменитого и состоятельного родственника в Америке, которую так стремился «догнать и перегнать» Никита Сергеевич, было нельзя!»

Иногда ностальгия по родине принимала у Александра Матвеевича необычные формы. «Ампекс» имела представительства во многих странах мира, у их входа обязательно высаживали русские березы. Однако в тропических странах березы жару не выдерживали. Тогда Понятов распорядился возводить над ними стеклянные сооружения, в которых поддерживались умеренная температура и влажность.

Он, конечно, был далеко не бедный человек и мог позволить себе эту трогательную человеческую слабость.

В мае 1974 года фирму «Ампекс» посетила делегация во главе с заместителем Гостелерадио СССР Владимиром Маковеевым. Понятову было уже 82 года. В 1970 году он вышел в отставку и был избран Почетным председателем совета директоров. Ему сохранили рабочий кабинет, где он каждый день работал половину рабочего дня. Во дворе фирмы находилась его автостоянка с надписью «Ponjatoff». Внешне это был высокий, худощавый, благород-

ного вида пожилой мужчина. У него были парализованы ноги — последствия авиакатастрофы, и он пользовался электрической коляской. По-русски он говорил правильно, но иногда подыскивал слова. Члены советской делегации рассказали ему о достижениях в области телевидения и видеозаписи в Советском Союзе. Но Александр Матвеевич от разговоров на технические темы уклонился, предложив поговорить об этом с инженерами фирмы. Тогда ему задали «обводящий» вопрос — что он может посоветовать российским инженерам. На это он с удовольствием откликнулся и дал несколько советов,

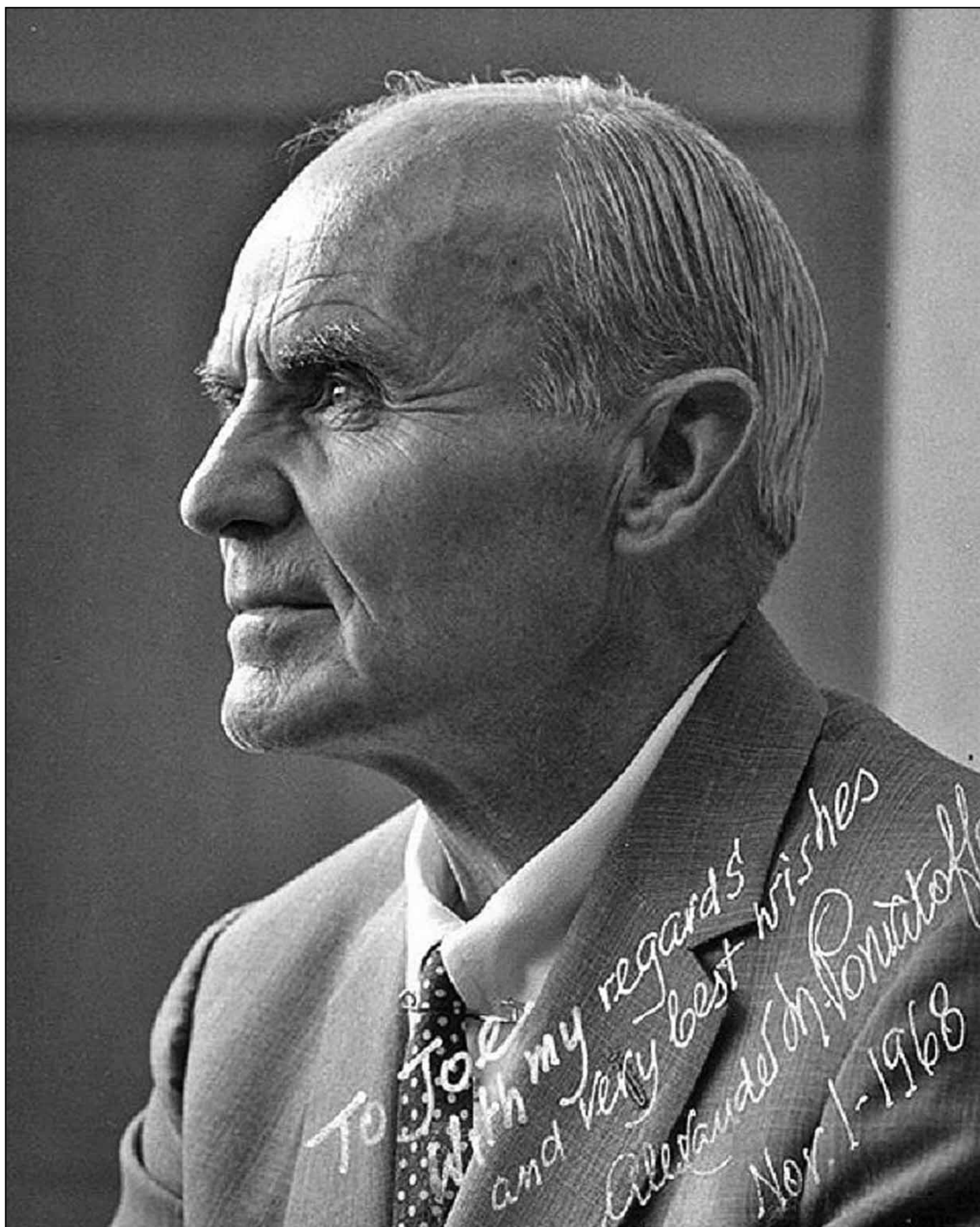
основанных на собственном опыте. Первое: «Нужно всю жизнь учиться. Я, например, разрываю нужную книгу на части, по 10–12 страниц, ношу их в кармане и читаю при любой возможности». Второе: «Старайтесь всегда сделать чуть больше, чем от тебя ждет начальник». Третье: «Избегайте любых конфликтов, поскольку вероятность быть правым у вас не более 50%».

После возвращения делегации на родину Гостелерадио, получив разрешение в «инстанции», пригласило Понятова посетить Советский Союз. Александр Матвеевич вежливо отказался, ссылаясь на то, что не совсем здоров и перестал летать самолетами. На самом деле причина была другая. Во время встречи Н.С. Хрущева с бизнесменами в Сан-Франциско осенью 1959 года у Понятова произошел неприятный разговор с нашим лидером относительно того, где больше демократии — в СССР или в США. Тем не менее, Александр Матвеевич очень надеялся открыть филиал своей компании в СССР. Он обсуждал этот вопрос с представителями Гостелерадио, но в «инстанции», совершенно по непонятным причинам, воспрепятствовали этому. Понятов с горечью признавался: «Я всего достиг, у меня замечательная фирма. Но у меня нет детей, продолжить мое дело некому... Все бы передал своей стране, весь свой опыт! Но... это невозможно. Даже филиал моей фирмы в России не разрешают создать. И я страдаю...»

И все-таки фирме каким-то образом удалось поставить телецентр «Останкино», практически даром, комплект видеозаписывающей аппаратуры.

Заслуги А.М. Понятова отмечены бесчисленным количеством наград. В 1958 году американская Академия телевизионного искусства и науки наградила «Ампекс» премией «Эмми» (всего фирма получила двенадцать таких наград). В 1961 году компания получила премию «Оскар» (из списка награжденных Понятов себя вычеркнул, распределив ее среди сотрудников). В 1968 году фирме вручили медаль «За достижения» Американской ассоциации электроники и медаль «Пионер творческой промышленности» Национальной ассоциации промышленников. Его избрали почетным членом Общества звукоинженеров и действительным членом Института инженеров электротехники и электроники. В 1982 году, после смерти Понятова, Американское общество инженеров кино и телевидения учредило Золотую медаль имени Понятова.

В российской печати о великом изобретателе впервые в 1992 году рассказал упомянутый Владимир Маковеев, он же помог советскому журналисту М. А. Таратуте сделать телепередачу о Понятове в его цикле «Америка с Михаилом Таратутой». Дело продолжил внучатый племянник Понятова Николай Алексеевич Комиссаров. Из заметки о

четырёх знаменитых студентах Казанского университета, помещенной в местной газете, он в одном из них опознал своего родственника. Комиссаров рассказывает: «В 2006

году у меня появились первые материалы, и я узнал много нового. Все телевидение, и коммерческие, и государственные каналы, боготворят его. В учебных заведениях,

где есть кафедры физики или радиоэлектроники, о нем говорят в превосходной степени. В Стэнфордском университете, где он основал лабораторию радиоэлектроники, оснащенную аппаратурой «Ампекс», его помнят и чтут, создали «Музей магнитной записи «АМРЕХ».

9 апреля 2012 года, по инициативе Николая Алексеевича Комиссарова, в Музее истории Казанского университета была организована выставка, посвященная 120-летию со дня рождения Александра Матвеевича Понятова. На торжественной церемонии выступили ученые-физики, преподаватели университета, его родственники. Киностудия «Русский путь» при Доме русского зарубежья им. Солженицына показала снятый ею документальный фильм «Русский триумф на чужбине: пионер видеоэры инженер Понятов». Музей был награжден Золотой медалью имени Понятова.

А в 125-ю годовщину со дня рождения Понятова Комиссаров встретился с преподавателями и студентами МВТУ, которые с огромным вниманием слушали его рассказ и задали много вопросов. Но на вопрос Комиссарова, почему в галерее великих людей, учившихся в стенах училища, портрет Понятова отсутствует, ответить толком никто не смог.

До конца своих дней Александр Матвеевич был полон энергии. Он возглавлял Общество русских военных летчиков, Общество борьбы с диабетом, помогал женскому монастырю, основал первый в Сан-Франциско дом для престарелых и малообеспеченных людей — Дом Святого Владимира. Но возраст взял свое. Он скончался 24 октября 1980 года. Ему было 88 лет. Православный священник не знал, как поступить, когда узнал, что в храм на отпевание могут прийти около 20 тысяч человек. Было принято решение транслировать отпевание по телевидению по всему миру с помощью им же изобретенной аппаратуры. Русская диаспора в Калифорнии почитала его почти как святого. Венки, принесенные на панихиду, заняли полтора километра. Работавшие с ним люди говорили: «После его смерти что-то изменилось. Его восхитительное присутствие ушло». Незадолго перед смертью этот великий человек сказал: «Жизнь не полноценна без взносов в пользу человечества». ▢

У смерти выигравший спор

После одного из выступлений в Посольстве Сербии по поводу годовщины освобождения Белграда ко мне подошел неприметный с виду пожилой человек:

— Спасибо Вам за песни о войне, спасибо за память о нас...

Я насторожился — не совсем походил на ветерана той далекой войны этот стеснительный невысокий мужичок с чистым голосом и ясными глазами...

— Я в прошлом — сын полка Гришанов Иван Иванович, 1932 года рождения, мне 86, воевал с 10 лет, после войны учился в Суворовском, потом в военном училищах.. Вот приглашают иногда на такие мероприятия как ветерана. Давно пишу стихи, вы не могли бы их посмотреть, мне это очень важно...

Все встало на свои места: ветеран-пенсионер, пишущий стихи, как многие, если не все...

Сославшись на занятость, но с врожденным чувством преклонения перед фронтовиками, дал ему визитку: пришлите, мол, по «электронке», я обязательно посмотрю...

Через месяц он позвонил и попросил встретиться:

— Мне это очень важно...

На следующий день Иван Иванович пришел на мое выступление в Университете землепользования, передал стопку стихов — в основном рукописную, оставил номер своего телефона, прослушал весь мой фронтовой цикл и ушел, не дожидаясь моей послеконцертной «автограф-сессии» ...

А на следующее утро я открыл его рукопись и оторваться от чтения не мог до конца дня.

Было такое ощущение, что я, как изредка бывало на моем драгоценно-каменном Урале, поднял с земли долгожданную друзу редкой породы: то ли аметистовую, то ли горнохрустальную, а может, и того дороже...

Позвонил ему:

— Иван Иванович, вы где-то печатали эти стихи?

— Да, в военной многотиражке лет 50-60 назад.

— А показывали кому-то в издательствах, поэтам, писателям?..

— Тоже лет 60 назад, но показал стихи о репрессированных офицерах-фронтовиках. Посмотрели и сказали: хочешь спокойно жить — не показывай больше никому. Вот и не показывал, а вас послушал — не утерпел... А про репрессии не мог не писать: отца в 1937 расстреляли по ложному

доносу, потом реабилитировали, я за него на войну и сбежал...

Я не нашел его литературных публикаций или фото в Интернете. Через сайт «Бессмертного полка» отыскались скупые строчки о боевом пути маленького солдата: 1942–1943 гг. — связной партизанского отряда, далее — сын полка, на Орловско-Курской дуге — разведчик, наблюдатель Отдельного Истребительного Противотанкового батальона, далее — взвод топоразведки 15 ОТ МБР 19, Венская артдивизия 3-го Украинского фронта, много раз по заданию переходил линию фронта, награды...

И ни слова о стихотворчестве...

Это стихи высокого художественного уровня — поэта, ушедшего на войну в 10 лет и знающего все ее страшные детали. Без единого фальшивого слова... Это последний живущий среди нас поэт из знаме-

нитой фронтовой шеренги: от Константина Симонова до Юлии Друниной и Николая Старшинова... Правда, так и не вышедший своевременно на их поэтическую переключку.

Слава Богу, что все-таки объявился.

Анатолий Пшеничный

Иван Тришанов

ОХОТА

Фронтовой был нарушен быт:
В это утро — уже не первый —
Был сержант молодой убит
Дерзким снайпером, бабой-стервой.

Командир цену знал словам,
Мне в лицо проскрипел зубато:
«Трое суток на стерву вам.
Неуспех «награжу» штрафбатом».

А вслед шагнут за мной другие,
Вперед означив тяжкий сдвиг,
О, вы, смертельно дорогие
Шаги, как вечность и как миг.

В грязи траншей, на слизи скатов
Шагают вверх и рев, и стон,
И треск гранат и автоматов
Со всех немислимых сторон.

Вода с огнем, гроза с туманом,
И ярость в нас, забывших страх:
Где грудь на грудь, где шаг с обманом,
Чтоб втопан в прах был этот враг.

Шаги — опорные брикеты
К вершине в жуткой схватке той...
Как наша кровь, текут ракеты
Над взятой нами высотой.

НОЧНАЯ АТАКА

«Спать пора» — лопочет перепелка,
Зерна сна рассыпав по земле.
И луна изогнутой иголкой
К горизонту падает во мгле.

Тишина над строчками окопов,
Что войной начерчены в степи.
Спит в довольстве сытая Европа,
Азия встревоженная спит.

Здесь на грань вселенского раздела
Уложили нас как верных псов.

Пули жаждут впитаться в наше тело,
Воронье слетелось из лесов.

Напряглись до боли наши шеи,
Все желанья смысла лишены.
«Ну, вперед!» — и молча из траншеи
Встали мы по зову старшины.

Мы — бойцы, вчерашние мальчишки.
Нам пройти бы этот «турникет».
Встречно хлещут яростные вспышки
Под зонтами взвившихся ракет.

И теперь за той чертою страшной,
Где пощады нет, и нет оков,
Только бы дожить до рукопашной.
Только бы дорваться до штыков.

А в ночи умолкла перепелка,
Провалилась в бездну тишина.
Корчится от пули и осколка
В людях воплощенная война...

ПРИМЕТА

В небытие ушла разведка...
Мы вжались в стены в тесном зале,
Где нас как в узел завязали
Стрельбой безудержной и меткой.

«Стоять!» — приказ нас обрекает.
Эх, нехорошая примета —
Так ждать подмоги до рассвета...
Туманом серым ночь стекает,

Рычит комроты в трубку матом:
«Какая, на хер, оборона?
На всех бойцов по два патрона,
И, как десерт, одна граната!»

Светлынь плывет. Мы — как на сцене.
По нам и пули, и снаряды.
Мы дать ответ и были б рады,
Но безоружны, как мишени.

Проскользнув под проволокой колючей,
Стынем в блеске вспыхнувших ракет.
Мысли — камнем, падающим с кручи:
«Сорвалось! А может, может, нет?»

Темень вновь упала черным шелком,
Скрыла нас от выстрела в упор.
Вот бросок, вот хрип! И все умолкло:
Лег навечно вражеский дозор.

Живы мы, идем с живым трофеем,
Будто вновь для жизни рождены.
И заря, как счастье, розовеет,
И как будто нет совсем войны.

ВОСЬМОЙ ДЕСЯТОК... А ПОГОДА...

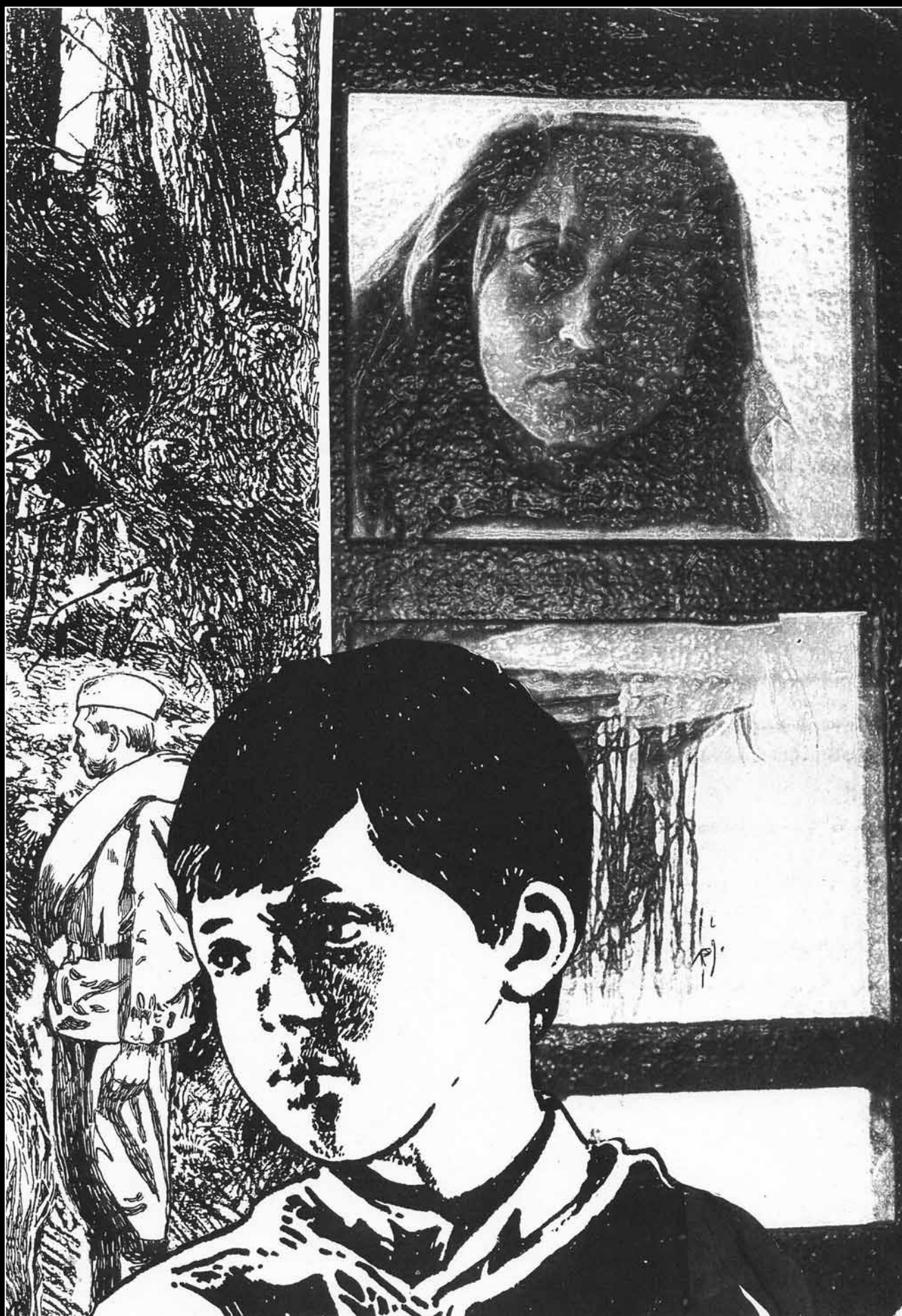
Восьмой десяток... А погода —
Военных гиблых лет повтор,
И кучно бьют, как пули, годы
В нас, доживающих, — в упор.

КАК ВСЕМ ЖИВЫМ, НАМ ЖИТЬ ОХОТА...

Я установку вспомнил ту,
Когда с уставшею пехотой
В атаку шел на высоту:
«Храни надежду, веруй в Бога,
Будь и в делах и в мыслях скор».
Я ранен был. Но если строго —
У смерти выиграл там спор.

И вот сейчас, как в той атаке,
Дерзаю в схватках трудовых,
Чтоб расцветали в мае маки
Для нас не мертвых, а живых.
Иду навстречу бьющим датам
Вновь атакующим солдатом.

МАЛАШЕНЬКИ

Живописная деревенька с благозвучным названием Малиновец когда-то принадлежала огромному богатому поместью и являлась одной из самых красивых и ухоженных среди других многочисленных помещичьих поселений. И даже спустя десятилетия, после дачи вольной крепостным, после раскулачивания и ссылки зажиточных крестьян, деревня не находилась в упадке. Но нынче, летом сорок первого года, золотисто-ржаные луга безжалостно были перерезаны глубоким противотанковым рвом и изъедены траншеями, а комья земли разбросаны черными пятнами по исковерканному полю.

Самая первая похоронка, завернувшая в деревню, отыскала дом Марфы Шишковой. И вся деревня застыла в тревожном ожидании смертельного дыхания страшной войны. Эта первая похоронка была словно молния, за которой последовал раскатистый гром, и полился нескончаемый дождь горьких слез. Похоронка на старшего сына Марфы будто проторила дорожку к ее дому, и всего лишь за полгода роковые известия получила несчастная женщина на мужа и еще двух сыновей.

В большом осиротевшем доме хотелось сузить пространство, чтобы не ощущать возникшей пустоты, отзывающейся печальным эхом огромного горя. Как будто жестокая печать скорбящего одиночества легла даже на вещи погибших сыновей и мужа. С Марфой оставался пока младшенький сынок Федор, неполных шестнадцать лет. Какая-то особенная пуповинная связь сохранялась у женщины с ним до сих пор, и, казалось, ничто не сможет разорвать эту связь.

Поздний нежданный ребенок появился у Марфы, когда ей было уже тридцать семь. Пока Марфа носила Федю в себе, деревенские женщины предрекали, что, вот, мол, Бог, наверное, послал дочку Марфе в помощь и на радость. Но сама Марфа не ощущала радости: настолько чувствовала себя уставшей от тяжелой унылой жизни, от равнодушного нелюбимого мужа, от какой-то

безысходной тоски, от горького разочарования жизнью. Она не береглась: поднимала тяжести, без должной осторожности, подобающей ее положению, прыгала в глубокий погреб, работала в жару на сенокосе. И даже думала, что, если потеряет ребенка — и ладно, ей же легче будет. Но тот сидел в утробе тихо, будто все время прислушивался к настроению матери. Марфа беременности не чувствовала, а только осознавала этот нежеланный для себя факт по растущему животу. И родился Федя легко и быстро, будто боясь доставить матери излишние мучения и страдания.

Рос он спокойным и смышленным мальчиком. Так сложилось, что Марфа была неразлучна со своим младшеньким. Старшие сыновья-погодки, Петр, Николай и Павел, работали с отцом: зимой, по большей части, около дома по хозяйству, летом же спозаранку покидали дом и возвращались поздно. У Марфы с Феденькой был свой распорядок. Федор любил и жалел мамочку и во всем старался ей помогать: и пол подметет, и грядки польет из леечки, и белье на речку отвезет, летом — на тележке, зимой — на санках. Бабы шутили, что Феденька как хорошая хозяйка, но муж ругал Марфу: «Что ты мне мальчика-то портишь?» Братья беззлобно подсмеивались над младшеньким: «Смотри, Федор, а то женим тебя, тогда и мужиком станешь!» А Федя не обижался и все пропускал мимо ушей, для него главное, чтобы мамочка была радостной и отдохнувшей. Иногда он видел ее заплаканной, и каким-то взрослым пониманием чувствовал внутреннюю незримую мамочкину усталость и тоску.

Федор любил, когда мама читала ему или что-то рассказывала. Они вместе перебирали и раскладывали книги. Но больше всего он любил, когда они с мамой уходили в луга или в лес. Сначала шли тропинкой вдоль беспокойной реки, стремительно несущейся на нагромоздившиеся валуны, затем поднимались на гору и оказывались на большом лугу, где устраивали небольшой привал. Марфа выставляла на траву бутылку с красным морсом и холщовый мешочек с провизией. Федя развязывал мешочек и смотрел, что мама положила в него. Но есть пока не хотелось, и он снова завязывал веревочки. Трава пестрела полевыми цветами, в воздухе разливалось марево, слышался какой-то легкий чудесный звон — дыхание природы. Из-под горы поднимался шум грохочущей на перекатах реки и рассеивался по лугу, уносимый куда-то игривым ветерком...

После отдыха Марфа начинала работу: ворошила сено или сгребала его в небольшие копенки. Федор находился неподалеку — всегда в поле зрения Марфы. Такой уговор установился между ними после одного происшествия. Тогда Федор незаметно отошел подальше от мамы, а на лугу, где еще оставалась нескошенная трава, паслись две лошади. Одна из них вдруг помчалась галопом прямо на Федю. Мальчик только и успел, что присесть на корточки, как оказался под теплым пахучим брюхом лошади. Он несколько не испугался, но не знал, что делать. Так, наверное, прошла целая минута. Затем лошадь отошла спокойно в сторону, не причинив мальчику никакого вреда. Подбежала

на смерть перепуганная Марфа, но быстро успокоилась, увидев радостно улыбающегося сына. Потом, когда Федя рассказал отцу про этот случай, Иван засмеялся: «Эво, как она! Видать, застоялась».

Мальчику нравилось наблюдать за точным осмысленным полетом птиц, за порханиями трепетных бабочек, стремящихся на яркие огоньки цветов, нравилось рассматривать волшебный узор невероятно нежных крыльев красивых насекомых. Когда Федя впервые поймал бабочку, а потом отпустил ее, она не могла больше лететь, а от его пальцев пахло чем-то необыкновенно сладковатым. Маленькие птички прыгали возле Феди и нисколько не боялись клевать прямо с его руки. Иногда он для них выискивал красивых гусениц, не ведая пока, что именно они превращаются в легких разноцветных бабочек. А когда узнал об этом, то понял, как ему казалось, почему птички не ели красивых гусениц.

Еще малолетним ребенком Федя навсегда запомнил улыбку умиротворенного счастья на мамином лице. Глаза ее сияли и под лазоревым лучистым небом приобретали чистейшую синеву. В такие минуты безмятежного уединения мать и сын ощущали себя единым целым с бесконечностью. Для Марфы это был мир, полный жизни и гармонии, мир, полный радости, блаженства и какого-то легкого дыхания. И это был отдельный мир от того другого, в котором тоже были жизнь и дети, дом и мужчина, но в котором необъяснимо для самой Марфы не было тепла и счастья, и было мало любви. О! Как же мало любви! В сознании Марфы эти два мира имели разные оттенки, постепенно становившиеся все более глубокими и делавшие границу все более резкой.

Но война стерла эти границы, оставив лишь одну, да и то очень зыбкую — между жизнью и смертью или даже между смертью и бессмертием. Марфа гнала от себя мысль, что ее младшенький тоже может уйти на войну, он ведь еще и годков-то не накопил. Крошечная надежда на скорое окончание войны день ото дня становилась все более призрачной, а ощущение тревоги, ужаса и горечи от потерь нарастало с каждым днем. Федор тайком от мамы ходил на призывной пункт, и мать с сыном уже знали, что скоро расстанутся, но молчали об этом, как будто невысказанное не имеет силы для свершения.

В начале сорок третьего Федор ушел на фронт. В любую свободную минуту он писал письма маме, пытаясь ее успокоить и даже развеселить. А Марфа иногда могла прочесть всего несколько строк, бывало даже, что только «Здравствуй, дорогая мамочка!» и «Обнимаю тебя, целую! Твой сын Федор», — остальное было кем-то тщательно вымарано, но Марфа не расстраивалась, главное, что ее Феденька жив и здоров. Она постоянно перечитывала письма, прикасаясь к ним губами. На короткие мгновения ее покидало дурное навязчивое предчувствие, от которого она не могла отделаться после гибели мужа и трех старших сыновей.

Все женщины деревни работали, дома оставались только больные и немощные. Марфу распределили на одну из самых тяжелых работ — валить лес.

Каждый раз, возвращаясь домой, она спешила к почтовому ящику, открывала его с замиранием сердца и с опаской. Если письма от Феденьки не было, то Марфа, немного отдохнув, принималась за какие-то несущественные дела по хозяйству. Она вбила себе в голову, что с окончанием дел в ее дом войдет чудовищная беда, и со страхом перечисляла уменьшающееся количество не-сделанной работы, чрезвычайно воодушевляясь неожиданно возникшим не-предвиденным делом.

Лето прошло в трудах, а с осени вдруг перестали приходить письма от Фе-ди. С выпавшим снежком Марфа, приближаясь к своему дому, уже по следам определяла, подходил ли почтальон к почтовому ящику. И если ее постигало разочарование, то все равно она тщательно обыскивала его — и так руку по-вернет, и этак, и даже заглянет внутрь. Но писем не было уже так давно, что Марфа каждый раз цепенела от какого-то невероятного ужаса и, ощупывая рукой обнадеживающую пустоту ящика, чувствовала одновременно и тревогу, и ложное облегчение, сродни тому, какое ощущает ожидающий казни, кото-рый каждое утро прислушивается к шагам тюремщика и с облегченным выдо-хом провожает их, радуясь еще одному обещанному дню жизни.

Однажды холодным днем в конце осени на фоне запорошенной снегом дороги Марфа увидела, как почтальон свернул к ее дому. Из-за ослепитель-но яркого, отраженного от снега, низкого солнца, бившего прямо в спину почтальону, фигура его казалась какой-то нереально зловещей. Почтальон, будто крадучись, виновато положил конверт в почтовый ящик и, глубже во-брав голову в плечи, повернул обратно.

Марфа в наброшенной телогрейке сидела как изваяние на табурете посреди огромной комнаты. В руках она держала треугольный конверт — похоронка на младшенького сыночка, Феденьку. Ни слезинки в глазах, ни кровинки на губах, ни росинки в пересохшем горле. Ужасная судорога исказила лицо бедной жен-щины. Сухими рыданиями кололо и сдавливало ее грудь, вырывая отчаянные стоны. Она ни разу в жизни не усомнилась в Боге, но неосознанное предчув-ствие, что Он оставил ее, жило в ней уже с давних пор, и сейчас, сжимая в ру-ках похоронку, она хотела только понять: когда же Бог ее оставил и почему? Скорее машинально, чем по требованию души, Марфа перекрестилась, глядя на образ Христа, и произнесла молитву, как будто просила прощения.

Марфа вспоминала, и чем дальше она уходила в своих воспоминаниях, тем все больше укреплялась в мысли о неисповедимом испытании или нака-зании. С этой мыслью она достигла того самого предела, когда воспомина-ния становятся чужими, то есть кем-то когда-то ей рассказанные.

Марфа матери своей не знала совсем: та умерла при родах. Воспитанием девочки занималась бабушка. Она смогла дать внучке домашнее, но вполне приличное образование, имея к тому хорошие знания, так как сама росла и вос-питывалась в богатой помещицкой усадьбе вместе с хозяйскими детьми. Мать

бабушки, то есть прабабушка Марфы, была прекрасно образованна и служила гувернанткой при господских детях, впоследствии вышла замуж за управляющего усадьбой. Через бабушку Марфе передались знания и любовь к книгам.

Отец Марфы, недолго погоревав после смерти жены, обзавелся новой семьей, а когда старшая дочь подросла, стал задумываться об устройстве ее судьбы: жениха подыскивал не спеша, со знанием жизни и с заботой о дочери. Как только Марфа достигла необходимого в понятии людей возраста, отец выдал ее замуж за деревенского парня. Марфиной бабушки к тому времени уже не было в живых.

Муж Марфы, Иван Шишков, — работающий и непьющий парень из крестьян. Может, он даже любил Марфу, скорее всего, так и было, но такой любовью, какую видел и знал. Он любовь понимал как обыкновенную практическую заботу о жене, в житейском достатке он видел основу семьи, и от жены ждал заботы, ласки, хорошего обеда, чистоты и уюта в доме. Один за другим у них народилось трое сыновей.

На Руси всегда ценили образованных людей, возводили в почет и превосходящие качества ум, знания, мысль, сообразительность. И совсем не удивительно, что Ивану льстила образованность жены: ему даже нравилось, когда она вставляла в разговор французские словечки. Правда, он не понимал, куда приспособить сей факт, какой может быть интерес в книгах, когда вот она, жизнь, перед тобой, что можно искать в книгах, когда молод и здоров. Из родительского дома Марфа забрала с собой большой сундук с книгами — бабушкино наследство. Некоторые из них уже перекочевали из тесного сундука на самые удобные и светлые места в доме. Поначалу Иван относился к увлечению жены снисходительно, но по истечении каких-то трех-пяти лет все более раздражительно. Примечательно то, что он сам себе не мог объяснить причину какого-то странно-ревнивого недовольства женой. Казалось бы, все, чего он ждал от нее, имелось, но отчего-то теперь представлялось ему недостаточным, как будто Марфа отнимала время у семьи и в чем-то ее обделяла. Иван будто чувствовал какую-то болезненную ущербность и все чаще обидно и оскорбительно для Марфы высказывался в ее адрес.

— Что проку от твоих книг? Где бы ты сейчас была, если бы я тебя не взял? В Сибири, вместе со своим батюшкой! Не думала так?

Марфа не отвечала, и это еще больше заводило Ивана.

— Выдал бы он тебя за какого-нибудь каторжанина! Вместе книги читали бы!

Он потом жалел о своей несдержанности и грубости. Но слова были сказаны и услышаны. Марфа плакала от обиды и постепенно замкнулась в себе...

Сыновья быстро подрастали. Иван обучал их всяким житейским премудростям деревенского быта: как строить, как управляться с лошадьми, как поставить улы. Сам он безбоязненно и с какой-то живой смекалкой брался за любые хозяйственные дела, уже хорошо разобрался во многих болезнях жи-

вотных и умел их лечить. Ценные навыки и опыт Иван передавал сыновьям. Марфа же большую часть времени находилась одна. Она была трудолюбива, но обременена обыденными скучными делами по дому, не приносящими ей никакой радости, поэтому со временем невыразимо затосковала от духовного одиночества. С тех пор и стал формироваться особенный мир Марфы, в котором потом появился Феденька. Души их были удивительно близки. Ничто не могло их разлучить, даже смерть.

Смерть всесильна, но не сильнее Бога. Вот что знала Марфа. «А значит, Бог оставил меня с самого рождения, когда забрал мамочку, а потом и мамину мамочку!» Отец умер в Сибири, куда был сослан со своей семьей после революции. Погибли на войне и муж, и трое сыновей. «Зачем ты забрал моего младшенького?» — вопрошала Марфа, глядя на образ. «Что ты мне оставил? Жизнь? Этот бесценный дар? Ну, так возьми и его!» — с горечью восклицала женщина.

Она повертела в руках треугольный конверт, задумалась, а потом вдруг пошла к печке и бросила конверт в огонь, глядя, как он пожирает ее жизнь.

Как прошел еще один год страшной войны, Марфа и не помнила. Помнила только, как по железнодорожному мосту нескончаемой чередой шли эшелоны на запад, а в деревню приходили похоронки. Она работала до нестерпимой усталости, до безжалостного истязания и равнодушия к себе, до тупой распирающей боли в голове. Приходила в пустой дом и прямо в телогрейке и в валенках валилась на топчан, не имея сил растопить печь. И только когда холод пробирал ее насквозь, до самых костей, до заиндевания, разжигала огонь, неотрывно смотрела на разгорающееся пламя, и тогда что-то будто вспыхивало у нее внутри. Летом же до самой темноты не заходила в большой дом, в котором не находила себе места от поселившегося в нем глухого кричащего одиночества.

Марфа думала обо всех своих детях и о муже, не разделяя их. Они виделись ей на том райском лугу над рекой, которого для нее уже не было. Сердце жгло болью и щемило тоской от сознания невозвратности в прошлое, от карающей невозможности изменить время и поступки. Теперь ей казались мелкими прошлые обиды, и она думала о муже совсем по-другому: как он любил и берег детей, как ухаживал за ними, как старался научить их чему-то, вспомнилось вдруг, как он называл ее ласково и любовно — Марфенька! Тогда ее это совсем не трогало, а сейчас даже в грубоватой его простоте неожиданно открылась для Марфы беспокойная мужская нежность. Для нее вдруг отчетливо проступило то самое важное в их жизни, что только и имело отношение к любви и счастью, но было пропущено ею, как что-то незначительное и обманчивое. Нет, муж ее не был холодным и равнодушным, это она жила с каким-то неподвижным холодом в душе. Марфа как будто прозрела и ужаснулась тому безобразному и корявому, затуманенному чем-то привлекательно-лживым. Как же она умудрилась выдумать два отдельных мира в их семье?

Один мир был радужный и спокойный — для нее и для Феденьки, другой же, серый, унылый и ущербный — для старших сыновей и мужа. Как же могло случиться, что она так искренне верила в убогую разъедающую химеру?!..

Последняя военная весна выдалась очень теплой. Потихоньку в деревню стали возвращаться мужики. Это были демобилизованные после тяжелых ранений: кто без руки, кто без ноги, кто без глаза. Их было мало, но с их возвращением становилось как-то легче. Все как будто оживало в деревне, витало уже другое настроение — ожидание близкой победы.

Марфе все чаще стал сниться один и тот же сон: ее Феденька тоже возвращается домой. Поначалу она не придавала ему особого значения, но когда в этих снах как-то непонятно возникли старшие сыновья и муж, ее начала терзать неотвязная мысль. В Марфином сне старшие сыновья с отцом как будто откуда-то издалека смотрели на землю, а младшенький Феденька шел по тропинке навстречу Марфе, улыбался и говорил: «Мамочка, жди, скоро я приду к тебе!»

Она рассказала о своем сне соседке — бабке Нюре. Эта семидесятилетняя бабка, бездетная, одинокая, до слез жалела Марфу, подкармливала ее немного — «уж шибко Марфуша исхудавши», а та тоже, чем могла, помогала бабке по хозяйству.

— Знаешь что, Марфа, ты помолись за упокой души нашего мальчонки. Помолись, да не одново! Поняла? — посоветовала бабка Нюра.

Марфа как-то неуверенно кивнула в ответ.

— А хочешь, напиши записочку! Я ужю пойду в церкву и положу на помин его души, — предложила соседка.

— Нет! Не надо! Не надо! — испугавшись, резко отказалась женщина.

— Ну, ты неразумная, — рассердилась бабка Нюра, но тут же успокоилась и, жалостливо глядя на Марфу, проговорила: — Ничего, все утихнет, Марфуша, ты только потерпи, потерпи.

Обняла ее двумя руками и стала легонько покачивать, как ребенка, и что-то напевать себе под нос. А у Марфы из глаз хлынули теплые слезы.

Младшенький снился ей почти каждую ночь. Удивительным образом эти сновидения стали неотъемлемой и необходимой частью жизни Марфы. Она находила в них укрытие от одиночества и необъяснимый покой, даже стала испытывать в них потребность. Во сне легко и быстро преодолеваются какие-то космические расстояния, беспрепятственно происходит перемещение во времени и в любом направлении, возможны немислимые встречи и метаморфозы, но удручающе невозможно, даже во сне, только одно — что-то изменить в своем прошлом, и от этого угнетающего и терзающего ощущения испытываешь невероятные мучения во сне. Время неумолимо. Оно проходит, бесстрастно оставляя отметины в судьбе человека.

Одно только оставалось для Марфы странным в этих снах: она как будто знала, что Феденька живой, хотя о других умерших она точно так же знала, что они — умершие. Такую чудную странность Марфа вначале объяснила себе тем, что не видела Федю мертвым, однако до нее тут же дошло, что и других трех сыновей и мужа она не видела мертвыми. И тогда впервые с той похоронки на Феденьку она усомнилась в его смерти. Это вдруг нахлынувшее чувство раздвоенности было пугающим и жутким и сильно растревожило ее. Если Феденька живой, то она не может думать о нем как о мертвом, а если он мертвый, она должна его отпустить, иначе он не сможет обрести покой и будет являться в ее снах живым или призраком в реальности. «Да так можно и с ума сойти!» — мелькнула мысль. «А может, я уже и схожу с ума?» — вдогонку первой возникла вторая.

В одну из летних лунных ночей Марфа все ворочалась и никак не могла заснуть. От полнолуния за окном было светло, и лунный свет, проникая сквозь занавески, рождал какие-то фантазмагорические картины из преломляющихся теней. Она не заметила, как задремала, но вдруг ей почудилось, что кто-то стукнул в окно. Марфа прислушалась — стук повторился. Она тихонько встала, подошла к окну, отодвинула занавеску и... обомлела! За окном стоял ее Феденька! Марфа испуганно отпрянула, но тут услышала его голос:

— Мама, открывай! Вот я и пришел!

Она еще раз глянула в окно и стала быстро креститься:

— Изыди, сатана!

Но бледный призрак за окном, казавшийся реальным даже в лунном свете, улыбался и махал рукой.

— Изыди!

Марфа сдвинула занавески, бросилась на пол перед иконами и начала в исступлении непрерывно креститься и что-то быстро произносить. Больше она ничего не слышала — ни стука, ни голоса, ни шороха. Обессилев, легла прямо на полу, боясь подняться. То ли все-таки забылась сном, то ли впала в какое-то полуобморочное состояние, но, когда очнулась, увидела на стене отсвет занимающейся зари. Осторожно поднялась с пола и подошла к окну. Отодвинув краешек занавески, посмотрела. Никого! «И чего я испугалась? Может, это все мне приснилось?» Несколько минут она стояла в задумчивости перед окном. Все тихо и спокойно. Вдруг она почувствовала опустошающую усталость и легла в постель...

Утром Марфу снова разбудил осторожный стук. Солнечные лучи сверлили занавески и пробивались через небрежно оставленные щелочки в них. Снова постучали, и Марфа услышала голос бабки Нюры:

— Марфуша, ты где? Открывай! Ты там, что ль, жива?

— Сейчас выйду, — подойдя к окну, махнула Марфа рукой в сторону двери.

— Что-то ты разоспалась, матушка, — ласково укорила бабка Нюра Марфу, когда та вышла на крыльцо. — Не заболела ли?

Они присели на ступеньках.

— Ох, Анна, тут такое, — вздохнула Марфа, — помнишь, я тебе говорила, что мне Феденька часто снится?

— Пока что память при мне, слава Богу! — ответила бабка Нюра.

— Так вот. Феденька нынче ночью приходил ко мне, в окно стучал. Я его видела, как тебя сейчас. Улыбался как живой.

— А он и есть живой, Марфуша, живой, — осторожно сказала бабка Нюра, взяв Марфу за руку.

— Как?! Что?! Когда?! Где?! — бессмысленно вопрошала Марфа, но сама уже переполнялась, нет, не предчувствием, а уверенностью, что ее младшенький сынок вернулся домой с войны.

— Федя, выходи! — крикнула бабка Нюра, поняв, что Марфа не испугается.

Из-за дома вышел улыбающийся Федор и бросился к матери. Они обнимались, целовались. Марфа не успевала вытирать слезы, катившиеся по ее лицу, она то прижимала сына к себе, то отстраняла, не выпуская его рук из своих, и не могла насмотреться на него. Бабка Нюра счастливо смеялась и ходила вокруг них, как-то плавно припрыгивая, будто плясала.

— Э-э-эх, Марфуша! Родной сынок с войны пришедши, а она его и в дом не пустила! Э-эх-эх!

— Мамочка, мамочка, мамочка! — повторял Федор как заклинание.

— Где же ты ночевал? — спросила вдруг обеспокоенно Марфа, как будто это только и имело сейчас значение.

— За двором на скамелке, — сказала бабка Нюра. — А ужо утром ко мне пришел, чтоб я к тебе сходила, а то ты чего-то испугавшись, — объяснила соседка.

— Ох, прости, прости, сынок! — причитала Марфа.

— Я ему сказала про похоронку, — вставила снова бабка Нюра.

Так они и стояли во дворе. Бабка Нюра пыталась захватить их в объятия, но ей никак не удавалось сцепить свои руки за ними, и она продолжала совершать какой-то своеобразный танец-ритуал вокруг Федора и Марфы, делая руками движения, казавшиеся со стороны шаманскими. Она словно обрела семью, как будто нежданно-негаданно получила что-то такое бесценное и всеобъемлющее, чего никто теперь у нее не сможет отнять. С возвращением младшенького Марфа и сама испытывала чувство собственного возвращения, на нее нахлынула лавина чувств — счастье, надежда, жалость, любовь. А хватит ли ей любви?

Бабка Нюра любовалась Федором и Марфой, ласково их поглаживала, все расправляла на Феде гимнастерку, трогала медали, и глаза ее слезились умилением.

— Заживем мы таперича, дитятки вы мои, ох, и заживем! — радостно повторяла бабка Нюра.

В красивую деревню с благозвучным названием Малиновец мало вернулось мужиков с той страшной кровавой войны. И так случилось, что Федор Шишков стал последним из их числа. □

Всю свою почти вековую жизнь моя мама была врачом. В детстве, насмотревшись на сирот детдома, в котором она работала, я больше всего на свете боялся — а вдруг моя мама умрет?.. А она, чтобы не ввергать ребенка в печали и скорби, живет и живет, вопреки всем невзгодам. А их на ее «дороге длинной» выпало немало. Одно — Сталинграда хватило бы для скоропостижного ухода из жизни... Но она выживала — всем смертям назло! Да еще и других спасала, лечила и русских офицеров, и военнопленных немцев, и молдаван, и белорусов, и москвичей. Лечила раненых и больных, взрослых и детей. Если бы удосужилась собрать нужные документы, точно была бы заслуженным врачом, если не России, то Белоруссии наверняка. Но не собрала, не удосужилась, потому что никогда не тянулась к почету и славе. Жила своим миром, и этим миром для нее была семья. При всем при этом немало поездила по белу свету, немало повидала: тверская земля и волжские берега, белорусские леса и молдавские реки, Германия, Турция, Чехословакия, Египет, Киргизия, Камчатка, Крым, Кавказ... По всем путям-дорогам прошла рука об руку с верным спутником — Андреем Черкашиным. Это он вел ее за собой и по гарнизонным городкам, и по столицам... А теперь, с высоты своих 95-ти лет, она вспоминает своего любимого Андрея, прошедшего через всю войну и чудом выжившего, с которым Евгения Михайловна прожила долгую, нелегкую, но счастливую жизнь. Они вырастили и воспитали прекрасных детей, внуков и даже семерых правнуков... И это воспоминание, скорее всего, для них — чтобы знали свои корни и помнили тех, кто стоял и стоит за их спиной, помогая им зримо и незримо.

Николай Черкашин

Евгения Черкашина

Мои 99 ВЕСЕН...

*Евгения Соколова, студентка
1-го московского мединститута. 1941 г.*

Столько раз проезжала на поездах мимо белорусской деревушки Костино и никогда не знала, что в каких-то трехстах метрах от железнодорожного пути могла оборваться жизнь моего мужа, что именно там совершил он свой главный подвиг, что именно там

пролилась его кровь после тяжелого ранения в левое предплечье и грудь... Андрей редко рассказывал о тех боях. О том, что там произошло, я узнала совсем недавно. Сын нашел на сайте «Подвиг народа» наградные листы на гвардии старшего лейтенанта Андрея Черкашина. Из них многое стало ясно.

Под деревней Костино, в так называемых «Смоленских воротах», немцы глубоко и прочно врылись в землю, в несколько рядов натянули колючую проволоку, установили минные поля. Если наши войска прикрывали здесь дорогу на Москву, то немцы точно так же прикрывали в Смоленских воротах прямой путь на Берлин, который весьма ясно наметился осенью 1943 года. Поэтому и бои здесь шли не одну неделю, бои жесточайшие и кровопролитнейшие. В этом промежутке между дорогами полегло свыше 20 тысяч наших бойцов. Здесь дрались сразу несколько дивизий, в том числе и 220-я стрелковая. В ее 653-м полку, в 3-м батальоне, гвардии старший лейтенант Черкашин командовал 7-й ротой. Вот, что о нем сказано в наградном листе:

«Командуя стрелковой ротой при овладении Старо-Сельской Роци, тов. Черкашин смело поднял роту в атаку, выбил противника из траншей, уничтожил лично в этом бою до 10 фашистов. В боях по овладению автомагистралью Москва-Минск при выбытии из строя командиров 8-й и 9-й стрелковых рот Черкашин смело вступил в командование всеми стрелковыми ротами батальона, и, приведя личный состав в боевой порядок, под сильным артминогнем, умело командуя, энергичным броском прорвался с ротами к магистрали, и первым водрузил на ней красный флаг.

Роты под его умелым командованием уничтожили десятки фашистов. За умелое командование, инициативу и проявленные мужество и отвагу на поле боя, представляю тов. Черкашина к награде орденом Александра Невского.

Командир 653-го стрелкового полка подполковник Сковородин. 7 октября 1943 г.»

Через месяц гвардии старший лейтенант Черкашин был представлен к еще одному ордену — «Отечественной войны» II степени. Представлен едва ли не посмертно, так как с превеликим трудом выжил после двух ранений. Выписка из наградного листа:

«Неоднократно участвуя в наступательных боях, проявил умение командовать ротой. В бою с 21. 11. 43 года за деревню Костино Дубровинского района Витебской области, проявляя мужество и отвагу на поле боя, тов. Черкашин умело водил роту в

бой, отражая контратаки противника, нанося ему большой урон в живой силе. В этом бою тов. Черкашин лично уничтожил 3 фашистов.

Бесстрашно действуя при прорыве сильно укрепленной полосы обороны противника 14 ноября 1943 года тов. Черкашин проявил исключительную способность в командовании. Рота под его командованием, преодолев упорное сопротивление противника, несмотря на сильный огонь врага, первая ворвалась в немецкие траншеи. В этом бою тов. Черкашин был тяжело ранен, но продолжал командовать.

За проявленные стойкость и мужество в бою, умелое командование ротой на поле боя представляю тов. ЧЕРКАШИНА к награде орденом "ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА" II степени».

Много позже о своем ранении Андрей рассказывал так: «Самое тяжелое свое ранение я получил под Витебском в январе 1944 года. Было объявлено — командир, чья рота первой ворвется на окраину Витебска, будет награжден Золотой Звездой Героя. Я вел свою роту в атаку. Уже были видны первые домики витебского предместья, как вдруг ударили немецкие пулеметы, ожившие после нашего недолгого арналета. В левую руку мне ударила разрывная пуля. Мне показалось, что ее вообще оторвало. Нет левой руки на месте, и все тут! Нащупать не могу. А ее — перебитую — за спину забросило. Я же ищу ее в снегу. Думаю, найду, пока она живая, отнесу в медсанбат, может, пришьют

В аудитории. Демонстрация редкого ранения. Январь 1942 г.

ее еще? Я ведь после войны музыкантом собирался стать, на саксофоне в оркестре играл. Так не хотелось безруким инвалидом оставаться! Пока искал свою руку, меня еще по ребрам пулей задело. Свалился без сознания...» В тяжелом состоянии его доставили в Москву.

В 1944-м я работала врачом в московском госпитале №5022, что в Большом Новинском переулке. Старшего лейтенанта Андрея Черкашина я выбрала по карточке, как раненого в верхнюю конечность. Это был мой тогдашний профиль — контрактура суставов. Его привезли к нам в субботу из другого госпиталя, а я пришла на работу в понедельник. Мне

сказали, что офицер из моей палаты буйствует, требует врача и возмущается, что его так долго не осматривают. Он очень не хотел переводиться к нам — привык к своей палате, к своим врачам. Однако пришлось подчиниться интересам военной медицины! Я немедленно призвала его к порядку:

— Это что за выступления?! Здоровья много накопил? Завтра же на фронт отправим!

— Лучше на фронт, чем в вашем клоповнике!

— Где вы тут клопов видели? Если только сами не завезли!

Вот так состоялось наше знакомство. Вообще-то он был веселым че-

*Врач Евгения
Соколова
среди своих
пациентов.
Эвакогоспиталь
№5022.
Февраль 1945 г.*

ловеком, называл себя «гвардии Андрюшка». Очень гордился своим знаком «Гвардия», поскольку получил его в числе самых первых гвардейцев в боях под Ельней в 1941 году.

В нашем госпитале долечивались в основном офицеры, которые снова возвращались на передовую. Многие из них пытались счастье на любовном фронте — предлагали руку и сердце своей незамужней целительнице. Среди них были танкисты и летчики, пехотинцы и саперы, гвардейцы и даже один Герой Советского Союза... Повезло лишь 25-летнему сибирскому казаку гвардии старшему лейтенанту, командиру штурмовой роты Андрею Черкашину. Именно для него война

закончилась двойной победой — и в Берлине, и в Москве — он стал моим мужем и увез меня от всех женихов и поклонников в далекий приграничный гарнизон Белорусского военного округа. Произошло это, конечно, не сразу и не просто...

Однажды в коридоре ко мне подошел мой пациент Андрей Черкашин с подвязанной левой рукой:

— Доктор, возьмите билет в театр, а то пропадет. Спектакль хороший — «Учитель танцев».

Я сто лет не была в театре. С началом войны все театры из Москвы были эвакуированы, кроме ЦТКА — Центрального театра Красной Армии. А тут — «Учитель танцев», да еще с

Зельдиным. Взяла билетик. Вечером прихожу в театр, занимаю место в указанном ряду. Смотрю, а рядом сидит Андрей! Я на него набросилась: «Вы почему не в палате?! Вы госпитальный режим нарушаете!» А он: «Доктор, благодаря вам у меня наступило резкое улучшение. Я же ходячий! У меня и увольнительный билет есть!» «Кто вам его выписал?» «Завхоз госпиталя». «Ну, ладно. Я с ним разберусь!»

Но тут на сцену вышел Зельдин, и все проблемы отлетели прочь. Под впечатлением от прекрасного спектакля я разрешила своему пациенту проводить меня. Благо жила неподалеку, в Марьиной Роще. По дороге выяснилось, что Андрей Черкашин давно уже протоптал свою тропинку в город. Подружился с завхозом и вызвался доставлять ему канцтовары со склада. А тот выписывал ему, как ходячему, увольнительные.

Андрей проводил меня к родному порогу. Время было ночное, тревожное, Марьиная Роща — район криминальный, так что провожатый был не лишним. А вот ему надо было еще проделать обратный путь через всю Москву пешком. Город он знал плохо — не москвич. Трамваи уже не ходили. Да и комендантский час уже давно начался. Конечно же, где-то за Суцевкой его засек патруль. Но, на его счастье, мимо проходил технический трамвай с песком. Андрей запрыгнул на подножку, патруль кинулся за ним. Беглец стал швыряться в них песком, и они отстали, хорошо, что оружие не применили. Короче,

Андрей благополучно добрался до госпиталя. Вот так и началось наше знакомство, которое продлилось, без малого, полвека.

23 сентября 1944 года получаю от своего бывшего пациента фотокарточку с надписью: «На память сам себя дарю тому, кого люблю. Женя, не забывай. Андрюша Черкашин».

Заканчивался 1944 год. Я дежурила по госпиталю. У нас на первом этаже лежали рядовые, на втором — младшие офицеры, на третьем — старшие офицеры и генералы. В отдельной палате лежал тяжелораненый полковник Григорьев. Его осматривал сам профессор Бакулев, но, к сожалению, не заметил затека гноя в правом боку. Полковник умирал на моем дежурстве. С ним в палате постоянно находилась его жена. Я делала ему искусственное дыхание, внутривенные инъекции... Жена мне печально сказала: «Доктор, я тоже хочу, чтобы он жил... Но дайте ему сейчас спокойно умереть». Я вышла из палаты и заплакала у раскрытого окна. Ходячие раненые начали меня утешать:

— Доктор, закурите, легче станет.

Но легче не стало. Это был первый раненый, умерший на моем дежурстве.

Остро врезался в память и еще один эпизод. Я, дежурный врач, шла по коридору мимо палаты, где лежали раненые с ампутированными конечностями. И вдруг чей-то знакомый голос меня окликает: «Женя!»

Смотрю, на койке лежит наш учитель географии — Александр Алек-

сандрович. «Присаживайся, не бойся. Тут свободно — у меня ног-то нет». Тут я и разрыдалась...

Иногда так хочется забыть все это и никогда не вспоминать! Но не получается...

После выписки из нашего госпиталя Андрея Черкашина зачислили в офицерский резерв. Жил он в казарме. Покупать цветы и театральные билеты на жалованье старшего лейтенанта, находящегося, к тому же, за штатом, было невозможно, денег едва хватало на подкрепление к казенному пайку. Поэтому сибиряку пришлось проявить коммерческую сметку. Однажды он съездил в Иваново, купил там несколько отрезков ситца и отвез в Харьков. На вырученные деньги купил мешок семечек и тушку гуся. Семечки ушли на обмен нового товара, а гусь был подарен будущей теще — моей маме, Евдокии Петровне. По тем временам это был, конечно, царский подарок. Но мама и слышать не хотела о том, чтобы я вышла замуж за Андрея, сибиряка «без роду без племени». К тому времени у меня уже был жених — друг юности Дмитрий Ш. Он служил военным топографом в Маньчжурии. Писал очень нежные письма, присылал фотографии. Папа и мама хорошо знали его и всю его родню. Непьющий, талантливый художник, единственный (после гибели на фронте младшего брата) наследник дома и земли на берегу Волги. Все были уверены, что после войны мы с ним поженимся. А тут этот сибиряк на мою голову!

Из госпиталя Андрея выписали и дали отпуск по ранению. Съездил он на родину — в Иркутск и Улан-Удэ, где была похоронена его мама. Она умерла в больнице, и ее похоронили в общей могиле, поскольку никаких родственников рядом с ней не было. Отец сгинул где-то в Якутии, в Трудовой армии. Было очень горько, что от мамы не осталось даже могилки. Он добился разрешения на эксгумацию ее из общего захоронения, и похоронил в отдельной могиле. Устроил младшую сестренку-школьницу Валю в техникум и вернулся в Москву.

Вскоре его перевели из резерва в действующую армию, а меня — направили по разнарядке участковым врачом в одно из сел только освобожденной Молдавии.

В начале октября 1945 года я вышла за «безродного» сибиряка-казака — Андрея Черкашина. Вышла без родительского благословения. Мой прежний жених был еще в Маньчжурии. Папа в Германии. Вернулся он только 15 октября и плакал от обиды, что дочь вышла замуж без его благословения да еще неизвестно за кого — «без роду без племени»... Уговаривал развестись...

Расписались мы с Андреем в загсе у кинотеатра «Форум» близ Сухаревской площади 2 октября 1945 года. Ни свадьбы, ни брачной ночи не было. Молодая жена спала с младшей сестрой Валей, муж — на папином диване в маминной комнате. На другой день Андрей уехал в Белоруссию, куда-то под Минск. А 8 ноября вер-

Офицеры-фронтовики после излечения. Они готовы снова вернуться в строй. Москва. 1944 г. Врач Евгения Соколова

нулся за мной и увез в Плещеницы, где стоял его полк.

Мама была уверена, что непутевая дочь скоро вернется домой. Провожая меня в неведомую Белоруссию, она сказала: «Дай мне слово, что скоро вернешься!» «Я не могу дать тебе такого слова...» — ответила я, подумав о том, что никогда этого не сделаю. Как я смогу его бросить? У него же вообще в этом мире никого. Круглый сирота, в глазах еще война стоит. Оружие при нем — вдруг возьмет, да и застрелится. И будет меня весь век совесть глодать. У Димы и дом, и родители, семья. А у Андрея ничего и никого... Куда ему было возвращаться? В казарме жить? И мама отступилась... Время показало, что я сделала безошибочный выбор — Андрей Черкашин. И ни разу за свою долгую жизнь об этом не пожалела.

После высших офицерских стрелковых курсов (филиала курсов «Выстрел») Андрея перевели из Плещениц в Волковыск. Мы приехали в этот старинный, живописный городок в начале 1946 года. Я сидела на вокзале с вещами, а Андрей искал угол. Военный комендант города устроил нас на постой к местному столяру-бондарю Лоскоту, к Федору Леонтьевичу или, по-домашнему, к дяде Феде.

Там, в Волковыске, и родился наш первенец. Андрей хотел назвать сына Виктором — в честь младшего брата, сидевшего в лагере, я Александром или Анатолием, но поскольку ребенка крестили на Николу Зимнего, бабушка настояла на Николае.

Никаких товаров для детей в те годы с огнем было не достать. Их просто не выпускали. Новорожденного заворачивали в пеленки из новых

фланелевых портянок Андрея. Потом я разорвала надвое свой врачебный халат, лоскуты пошли на подгузники. Купала ребенка в оцинкованном баке — выварке для кипячения белья. Первые детские сандалики для моего малыша стачал полковой сапожник из обрезков хромовой кожи. Андрей же смастерил и детскую кроватку необъятных размеров, в нее могла влезть даже я...

Свою первую поездку по железной дороге в 800 с лишним верст маленький Коля совершил из Волковыска в Москву в семь месяцев — в июне 1947 года. Мы отправились на свадьбу Валуши, а заодно представить деду, Михаилу Романовичу, внука. Папа очень обрадовался малышу. Он всегда хотел сына. А тут первый внук — и мальчик!

Мирная жизнь налаживалась медленно. Особенно в западных районах Белоруссии. Больше всего я боялась «зеленых братьев». Об их фанатизме, об их жестокости я знала не понаслышке. Андрей в лагерях. Коле — 2,5 годика. А я снова была на сносях. 20 августа 1949 года у нас родилась дочка. Хотелось назвать ее необычным красивым именем. Андрей очень расстроился, что родился не сын, а дочка, и отказался выбирать имя. «Называй сама!» Я и назвала — Лариса, Лора, что в переводе с греческого — «чайка».

Когда родилась Лариса, Андрей всем говорил, что у него второй сын. Дядя Федя встретил меня из роддома:

— Пани капитанша, поздравляю вас с новым сыном!

— Но у меня родилась дочь.

— А пан капитан сказал, что сын.

Я потом укоряла Андрея:

— Ну, зачем ты всем говоришь, что у тебя второй сын?!

— А, мы в марте уедем, никто все равно не узнает.

— Чем же девочка хуже мальчика?

— Хочу трех сыновей.

Волковыск конца сороковых годов оставался еще типично польским уездным городком. Дом наш, выстроенный еще при Николае Первом, напоминал некое оборонительное сооружение: толстые кирпичные стены, насупленные оконца... Его суровая архитектура говорила об одном: о желании выстоять наперекор всем грядущим войнам. И он выстоял и в Первую мировую, и в советско-польскую, и в «Освободительный поход» 1939 года, и в Великую Отечественную... Местные жители жили той историей, которая была для них еще вчерашним днем — город хорошо помнил и «польский час», и трехлетнюю жизнь «под немцем». Местный миф: в волковысском гестапо в специальной комнате держали двух голодных волков для устрашения на допросах. Говорили, что этим волкам отдавали на растерзание жертв. Но вот в окрестном Пороховом лесу, и это, увы, не легенда, гитлеровцы расстреливали заложников, всех, кто подозревался в связях с партизанами. Там и сейчас еще сохранилась обваловка расстрельного места.

Волковыск — крупный железнодорожный узел. Мимо нашего дома проходила ветка на Белосток, другая

шла на север — в Гродно. Так что оба моих ребенка росли под перестук вагонных колес, под гудки паровозов и лязг буферов...

А потом Андрея перевели в другой гарнизон — в Слоним — и в марте 1950 года мы, загрузив нехитрый

скарб в кузов армейского грузовика, уехали из Волковыска навсегда...

В Слониме его назначили начальником полковой школы. В городе стояла танковая дивизия. Меня определили врачом в спецдетдом и, по совместительству, на должность врача детских яслей — я стала педиатром.

*Победа!
Молодая
чета —
гвардии
капитан
Андрей
Черкашин
и Евгения
Черкашина*

*Древо жизни.
Евгения
Михайловна
со своими
правнуками.
Москва. 2016 г.*

Здесь, в Слониме, нас застала весть о смерти Сталина. Сталина я не очень любила и слез по нему не проливали. В полдень должны были загудеть паровозы на станции, и гудки на фабрике. Я, уходя на работу, предупредила Колю: «Как загудят, все выключи — плитку, и свет, и радио тоже! Как гудок кончится — включи».

Он испуганно спросил меня: «Значит, снова война будет?»

«Не знаю», — тихо ответила я. Коля насупился, а потом заревел. Он вообще был очень впечатлительный мальчик.

Вскоре Андрея снова ждал перевод — на этот раз в Германию, в Олимпишендорф.

Двухкомнатная служебная квартира Андрея находилась в одном из двухэтажных довоенной постройки домов под черепичной крышей. Когда-то в нем жили немецкие офицеры местного гарнизона. И подъезд, и сам дом требовали серьезного капитального ремонта. Но об этом как-то не думалось. Впервые в жизни у нас в квартире была ванна! Большая, с никелированными кранами! Дети тут же полезли купаться.

Работы в гарнизоне для меня не нашлось. Все медицинские должности были полностью укомплектованы. Впервые в жизни я не работала, а была просто женой офицера и матерью двух детей. После нищей послевоенной Белоруссии немецкие мага-

зины поражали разнообразием бытовых и прежде всего товаров для детей. Конечно, в самом гарнизоне жизнь была унылой. Но иногда Андрей брал нас в Берлин, где мы посещали музеи, королевские дворцы, а однажды даже купались на пляже в Шпрее. Дети были в восторге.

В гарнизоне не было русской школы, и Коля, которому уже исполнилось семь лет, целыми днями пропал в отцовском полку, в казармах, в артиллерийских парках, танковых боксах. Солдаты охотно с ним возились, водили в столовую на обед, катали на танке, давали все потрогать, покрутить...

Еще гарнизонные мальчишки любили лазать по немецким свалкам и кладбищам отслуживших автомобилей, набирая себе всевозможных «игрушек», которые я потом регулярно выбрасывала.

Назвать нашу жизнь заграничным благоденствием нельзя. Обстановка в Германии была весьма тревожная. По ту сторону Бранденбургских ворот прохаживались американские солдаты, по эту — наши пехотинцы. Однажды мы ехали по автостраде, водитель заблудился, и мы едва не пересекли демаркационную линию французской зоны. Шофер вовремя заметил солдат в иноземной форме и круто вывернул назад. Нам стреляли вслед. По счастью, никого не задела.

Еще было памятно восстание в Восточном Берлине в июне 1954 года. Андрей тогда был уверен, что начинается новая — Третья мировая война. Немцы относились к нам враждебно,

как к оккупантам. ГДР еще не было, была только советская оккупационная зона.

Толпа разгромила полицейский участок в Колумбус-хаусе на Потсдамской площади и подожгла газетный киоск. На границе советского и западного секторов города были сломаны пограничные знаки и заграждения. Полиция Восточного Берлина сообщила, что молодые люди сорвали с Бранденбургских ворот красный флаг и разорвали его под ликование толпы. Во многих советских гарнизонах также была объявлена повышенная боевая готовность. Около полудня против бунтарей были брошены советские танки, которые двинулись к Потсдамской площади. Вскоре после этого раздались первые выстрелы. Демонстранты кричали «Иван, вон отсюда!», «Домой, домой!», «Иван, пошел домой!» и военный комендант советского сектора Берлина генерал-майор Петр Дибров объявил в городе чрезвычайное положение, которое было отменено 11 июля.

Вот в такой тревожной атмосфере мы и жили. Я очень опасалась за судьбу своих детей в случае очередного обострения обстановки в Германии, поэтому с большим облегчением встретила новость о переводе Андрея на Родину — в Западную Белоруссию.

Мы приехали в Гродненскую область, в Щучин — старинный польско-литовско-белорусский городок, расположенный в стороне от железных дорог. Он мне очень понравился. Под

Щучином находился большой военный аэродром. Андрей к тому времени получил должность командира строительного батальона. Его солдаты строили ангары и жилые дома для летчиков. Я работала врачом-инспектором в Щучинском райздравотделе, ездила по району, проверяла сельские больницы, фельдшерские пункты.

Коле уже исполнилось семь лет, но жизнь в Германии задержала его поступление в первый класс на год. Мы решили отправить его к бабушке в Москву. Конечно, жалко было расставаться с сынулей на целый год, но другого выхода не было. В Щучине мы обосновались ненадолго, предстоял новый переезд, поэтому вопрос с его школой по-прежнему висел в воздухе, а в Москве он будет учиться под двойным присмотром бабушки с дедушкой и моей сестры Вали, работавшей в школе учительницей.

В августе 1955 года Андрей подогнал крытый грузовик, и мы погрузили в кузов свой нехитрый скарб, сели сами и отправились жить и служить в новый гарнизон — в неведомую нам Сморгонь... После этого были Ружаны, Пружаны, Барановичи, другие гарнизоны... Так мы с Андреем и жили почти двадцать лет, пока окончательно не переехали в Москву...

В Москве нас никто кроме родителей не ждал, я имею в виду городские власти. Встретили более чем прохладно, несмотря на то, что Андрей был награжден медалью «За оборону Москвы». Забыты все заслуги, все подвиги, едва речь зашла о жилье.

Служили, служили и не выслужили даже крыши над головой. «Поезжайте туда, откуда вы призывались — в Улан-Удэ» — и весь разговор. Ко мне же отнеслись немного иначе: врачи в Москве были востребованы всегда. Предложили на выбор несколько мест. Выбрала детский интернат в Богородском. Там сразу давали служебное жилье — комнатку в здании интерната. Комнатка оказалась под лестницей, с одним окошечком под самым потолком. Но и это был выход из нелегкого положения. По сути, мы начинали жизнь — и в который уже раз — заново, с нуля.

Мне помогала медсестра. Но по вечерам она уходила домой, педагоги тоже расходились, а я дежурила по интернату круглосуточно. Более сотни детей, подростков — то и дело что-то происходило, особенно по ночам. А ведь еще был и пищеблок, со всеми санитарными проблемами, детское питание... Сезонные гриппы, простуды, вирусы... И бессчетные комиссии проверяющих. Выручала прежняя закалка.

В конце концов, мне, как врачу, выделили двухкомнатную квартиру на Игральной улице. Одна комната была проходной, кухонька крошечная, но мы и этому были рады, потому что смогли съехаться всей семьей и жить вместе. В чуланчике поставили стол, и Коля сделал там себе вроде рабочего кабинета. К тому времени он уже окончил школу и поступил на философский факультет Московского университета. А Лора пошла по моим стопам — поступила на фарм-

*Вспоминая
день
Победы...*

фак моего родного Первого мединститута.

Лишь в 1968 году, спустя семь лет после приезда в Москву, мы смогли въехать в нормальную трехкомнат-

ную квартиру. С той поры и живу там, на улице Знаменской, 15. Правда, теперь она Халтуринская, а рядом — Бунтарская. Но что делать, какой век, такие и названия. Как сказал поэт:

«Времена не выбирают, в них живут и умирают». А я пою про себя любимую песенку Андрея: «А помирать нам рановато, есть у нас еще дома дела!»

В Москве я окончила курсы повышения квалификации врачей-педиатров. После школы-интерната работала в детской поликлинике заведующей ортопедического кабинета, а потом врачом на станции «Скорой помощи», ездила на вызовы днем и ночью. «Скорая» — это высший врачебный пилотаж, трудная работа, а иногда и опасная.

Здесь же, в Москве, в нашу жизнь вошел Александр Сергеевич Пушкин в лице своего правнука Григория Пушкина. И Андрей, а затем и Лариса посвятили многие годы исследованию родословного древа нашего великого поэта. Андрей за свои работы был удостоен звания «Заслуженного работника культуры России», а дочь — медали Пушкина. Их книги стоят на моей книжной полке вместе с книгами сына — писателя-мариниста Николая Черкашина. Лариса по праву считается сегодня выдающейся пушкинисткой России.

Андрей очень любил путешествовать. Мы побывали с ним и в Египте, и в Турции, и в Германии, в Чехословакии, в Киргизии, на Камчатке. От Байкала до Иссык-Куля. От египетских пирамид до крымских круч, от Красного моря до Японского...

1992 год. Царский зал Белорусского вокзала, мы сидим за большим столом, за которым собрался цвет московской интеллигенции — Станислав

Говорухин, Юрий Власов, дочь маршала Жукова Мария, артисты, писатели, художники... Именно здесь сыну вручали премию Фонда всехвального апостола Андрея Первозванного за роман «Адмирал Непенин и иже с ним». Меня пригласил на танец 95-летний старец — последний гардемарин Русского флота Борис Борисович Лобач-Жученко. Танцевал он отменно, только ноги не очень слушались, все-таки в 90 лет трудно кружить даму в танце. Андрей смотрел на нас и улыбался. А я даже и не представляла, что мне придется в 95 лет тоже танцевать вместе с сыном на моем юбилее!

И все-таки это был Белорусский вокзал, который всю жизнь был главным вокзалом в нашей судьбе. К сожалению, Андрею не удалось дожить до первого правнука. Он всегда очень любил детей и умел находить с ними общий — детский — язык. Иногда казалось, что он и сам еще, несмотря на войну, не вырос толком из детства. Он с увлечением мастерил для сына модели самолетов и запускал их на городском стадионе, приносил в дом всякие диковины вроде кокосового ореха или книжки-раскладушки. Меня он всегда называл Женюшкой... Когда его не стало, на другой же день на стене против наших окон появилась надпись большими белыми буквами — «ЖЕНЯ». Только он мог подать мне такой знак даже с того света... Мы не успели отметить «золотую свадьбу»...

Он умер в военном госпитале имени Бурденко от цирроза печени. Я была с ним до последнего дыхания.

Мне, как врачу и жене, разрешили быть в его палате. Сидела рядом и вспоминала историю нашего знакомства, нашу жизнь... Выполнила перед ним свой долг до конца и сама закрыла ему глаза. До последнего не верилось, что его больше нет. Он совсем немного не дожил до 74 лет. Его не стало в день святого Георгия — 7 мая 1993 года. Осталась на память его последняя записка из госпиталя:

«Женя! Покидая свой уютный уголок, все время буду думать о тебе, и выполнять твои наставления. Не беспокойся и не волнуйся. Все будет в порядке. Прошу, на столе схемы не перекладывать и не снимать их с доски. До встречи, моя дорогая! Целуй детишек и внуков за меня. Пожелай мне возвратиться с Победой!!! Целую. Гвардии Андрюшка».

В Москве прошла большая часть моей жизни — шесть десятков лет. В Москве дети получили достойное образование. В Москве родились мои внуки — Филипп, Ксения, Митя, и все семеро моих правнуков: Артем, Андрей, Маша, Ариша, Женя, Настя и Ярик. Как говорится, от «А» и до «Я». Молюсь за них каждый день.

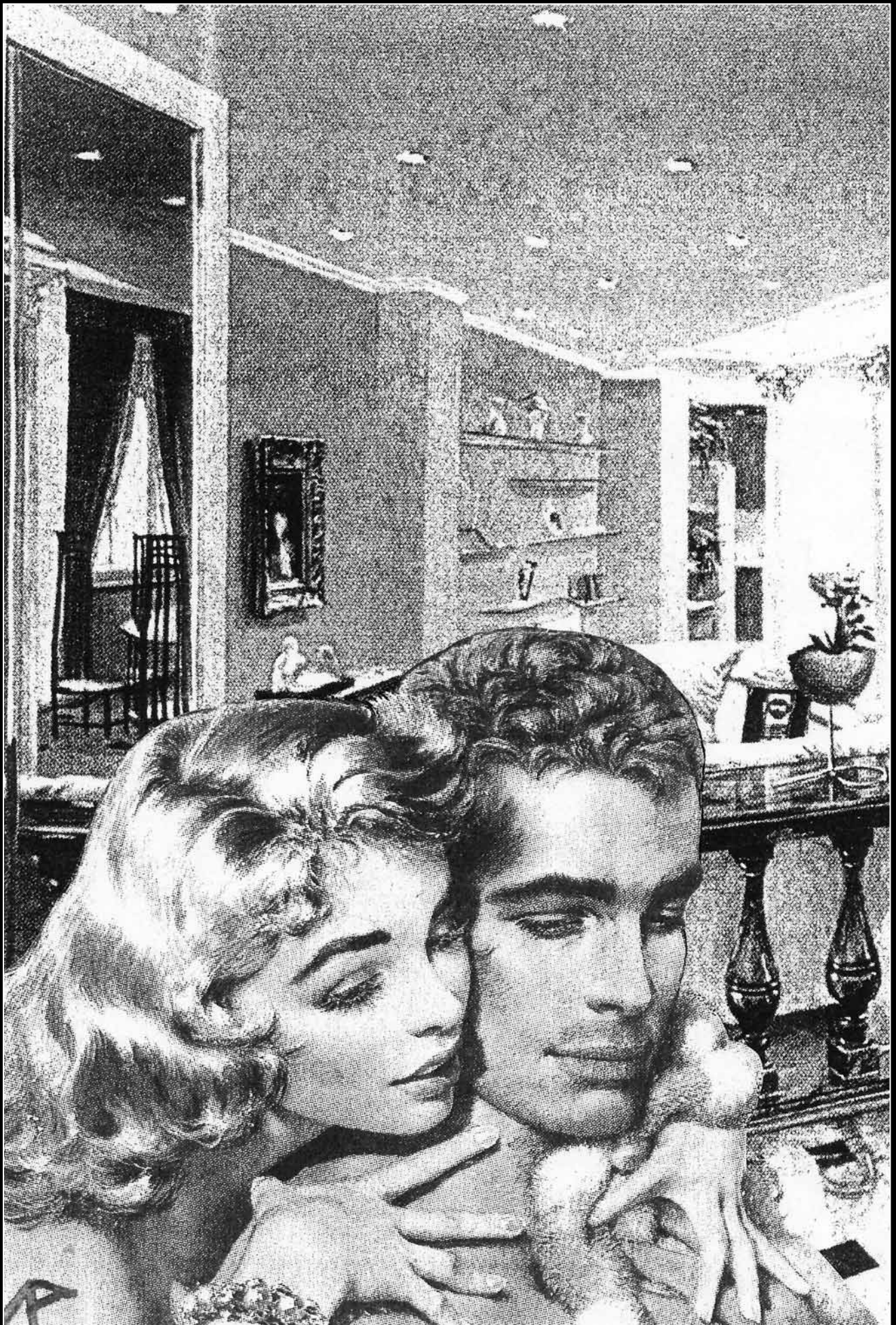
Когда меня спрашивают, в чем секрет моего долгожительства, яжимаю плечами и отвечаю: никогда не надо унывать, опускать руки, не терять чувство юмора. Чем больше смеешься, тем дольше живешь.

Долгожительство — нелегкий крест. Иногда и самой не верится: я пережила и Ленина, и Сталина, и Хрущева, и Брежнева, и Андропова,

*Евгения Михайловна Черкашина.
За плечами 96 лет*

и Черненко, и Ельцина... На моих глазах прошел целый век истории России, возникло и развалилось советское государство, родилась новая Россия. Много чего видела... И все равно хочется знать, что же будет дальше, увидеть это будущее своими глазами, понять, как сложатся судьбы правнуков, и может быть, но это уж совсем дерзкая мечта, подержать на руках своего первого праправнука. И все время хочется повторять — «Слава Богу за все!» □

Пока я не скажу:

«ПРОЩАЙ!»

Глава девятая

Командировка в Кабул

Саланг — это трехкилометровый тоннель в горном хребте Гиндукуш, дорога жизни для советских войск. Через Саланг шли почти все грузы из Термеза в Кабул.

По халатности поначалу там не было нормальной комендантской службы, поэтому и произошла трагедия. В холодный зимний день автоколонна остановилась в тоннеле. Старший офицер обязан был приказать заглушить моторы и всем выйти наружу, но не сделал этого. Водители и старшие машин сидели в кабинах, двигатели работали в тоннеле... В результате почти шестьдесят солдат, надышавшихся выхлопными газами, погибли.

Группа офицеров Первого главного управления комитета госбезопасности впервые оказалась в тех местах. Езда по горному серпантину приятно горячила кровь. Если смотреть на верхушки гор, уже покрывшихся снегом, можно было решить, что попал в курортное местечко. Но стоило Сергею Глазову глянуть вниз, и дыхание перехватывало. Не из-за страха высоты. Там, под откосом, — нескончаемое кладбище подбитых и сожженных советских машин.

Окончание. Начало в №4, 2018 года.

От одних уже почти ничего не осталось: это был памятник тем, кто первым пришел на афганскую землю, совершенно не представляя себе, что их здесь ждет. Другие казались почти новыми.

Каждый километр был полит кровью советских солдат. Вести тяжелую военную технику по горной дороге с крутыми поворотами в любом случае сложное дело. А уж когда обстреливают! Сначала, стреляя с соседних гор, афганцы подбивали первую машину, и колонна останавливалась, потом последнюю, чтобы никому не дать уйти. И дальше уничтожали одну за другой.

В составе каждой колонны шли бензовозы. Они вспыхивали, горели, сжигая молодые жизни...

Сергей Глазов помнил, как все начиналось.

В Советском Союзе с некоторым удивлением читали первые заметки о новой власти в соседнем Афганистане. Революция случилась там настолько неожиданно, что в Москве не успели понять, что именно произошло.

После апрельской революции Хафизулла Амин, правая рука афганского лидера Нур Мухаммеда Тараки, попросил советских товарищей поскорее прислать опытных чекистов. В первую группу включили несколько офицеров из Первого главка, среди них подполковников Сергея Глазова и Юрия Куприянова.

Беседа с начальством была короткой.

— Знаете, что в Афганистане произошла революция? Как смотрите, если вас направят советниками к афганцам?..

Хафизулла Амин не терпел витиеватости, столь распространенной на востоке. Советским товарищам, прибывшим в Кабул, сказал прямо:

— Нам нужны органы госбезопасности, как у вас. Менять ничего не надо. Все, как у вас.

Новые афганские лидеры собирались строить в стране социализм по советскому образцу. Но наши советники, первыми прибывшие в Кабул, увидели сложную и запутанную картину афганской жизни, о которой в Москве имели весьма приблизительное представление.

Тараки первоначально был настроен оптимистически. Революция далась очень легко. Он был уверен, что и дальше все будет хорошо, никаких осложнений не возникнет. Тем более что Афганистану помогает Советский Союз.

Но все пошло иначе. Афганцы не спешили становиться марксистами. Очень быстро сопротивление стало вооруженным.

В отличие от Сергея Глазова, который прибыл в Афганистан через перевал Саланг, подполковник Юрий Куприянов прилетел в Кабул из Ташкента. Тоже рискованное дело. Безоблачное небо над Кабулом было исчеркано запятыми: взлетая и заходя на посадку, самолеты «Аэрофлота» и афган-

ской авиакомпании «Ариана» отстреливали тепловые снаряды, чтобы обмануть стингеры. Афганские моджахеды с недавних пор обзавелись американскими переносными зенитными ракетными комплексами «Стингер», от которых советская авиация несла серьезные потери.

Офицеры проехали через Пагман на бронетранспортерах и увидели прямо-таки сталинградские пейзажи. Ни одного целого дома. Остались только руины, засыпанные желтым песком.

Сергей Глазов вылез из бронетранспортера и осмотрелся. Диковинные места. В неприступных горах сильный ветер, жгучее солнце, множество пустых бочек из-под бензина с советской маркировкой и стреляных гильз.

Афганский генерал, заместитель командира дивизии национальной гвардии, продемонстрировал дорогим гостям, что теперь на каждой из кажущихся неприступными гор выставлен пост.

Подполковник Куприянов отвел в сторону прилетевшего вместе с ними из Ташкента начальника особого отдела Туркестанского военного округа. Афганистан был зоной его ответственности. Главный особист округа в полевой форме с генеральскими погонами доверительно объяснил масштаб своих новых забот:

— В обычном особом отделе два-три следователя, а здесь десять работают в поте лица. Еще тридцать у меня в округе. И не хватает!

— А чем приходится заниматься? — поинтересовался Куприянов.

— Контрабанда и сопутствующие ей преступления, злоупотребление служебным положением, хищение социалистической собственности.

— На чем зарабатывают умелые люди?

— На территорию Афганистана из Союза вывозят товары, которые пользуются спросом. Продаются за афгани и на эти деньги покупают товар, пользующийся большим спросом в СССР. Этот оборот дает десятикратный приварок! Закупают на сто тысяч — получают миллион. Следующий вид преступлений — контрабанда валюты.

— И как это все удается?

Генерал-особист презрительно скривился:

— Только что мы полностью обновили таможенную службу, многих таможенников отправили в места не столь отдаленные. Но для нас из контрабанды наиболее важны наркотики, — добавил он. — Мы изымаем большие партии наркотиков.

— А наркотики-то как везут? — удивился Куприянов.

— В гробах! — отрезал генерал-особист. — Трупы наших ребят назад, в Союз, везем. Вот в гробы и кладут.

Сергею Глазову стало не по себе. Пробыв в Кабуле несколько месяцев, он почувствовал настроения офицеров: война бесперспективна — воюем неизвестно за что.

Но чиновники, отвечавшие за Афганистан, были заинтересованы в том, чтобы сотрудничество постоянно расширялось. Афганцы умели быть благодарными — дарили подарки, вручали ордена, принимали по-царски. В Кабул ездили с удовольствием — пожить на вилле, отдохнуть, и уезжали не с пустыми руками.

Курьер-разиня

За всю ночь Юрий Крапивин не спал ни секунды и даже под утро не задремал. Сохранял бдительность. Он предусмотрительно запасся термосом с горячим кофе. Но кофе ему был не нужен. При мысли о том, что у него в сумке, сон пропал. Он купил в дорогу сосисок в тесте, но кусок в рот не лез.

Из своего купе — за всю дорогу! — он выходил только дважды, и всякий раз прихватывал с собой сумку. Соседи в купе сомнений не вызывали — пожилая супружеская пара с внуком. Но такие деньги он бы и отцу родному не доверил. Утром и в обед соседи отправлялись в вагон-ресторан и его звали. Он отказывался, чтобы на людях не светиться. В купе незаметнее. Так и сидел возле окна, считал километровые столбы.

Когда поезд подошел к Москве, Юра Крапивин не отрывал глаз от часов, мысленно подгоняя неспешные стрелки. Поскорее бы добраться. На вокзальной площади его ждут ребята с машиной — отдаст сумку и может гулять. Получит столько, что надолго хватит. Он в первый раз взялся за такую работу, польстившись на вознаграждение, и боялся подвести заказчиков, понимал, что люди серьезные. В случае чего — не простят. Он заранее надел куртку, проверил, не оставил ли чего в купе, и уселся возле самой двери. Сумку поставил на колени и держал ее обеими руками...

Ближе к Москве сонные пассажиры ожили, приободрились, стали ходить по вагону, одевались, подтаскивали чемоданы поближе к выходу, возбужденно переговаривались.

Это было его время — вор по имени Вадик садился в поезд на предпоследней остановке. Он знал, что в толчее и сутолоке перед конечной остановкой поезда можно улучшить момент и прихватить что-то ценное. Когда пассажиры спохватятся, будет поздно.

Среди суетившихся пассажиров его опытный взгляд выхватил напряженного молодого человека в куртке, который сжимал свою сумку так, словно она набита драгоценностями. Если бы там были носильные вещи или сувениры, привезенные из командировки, он бы так за сумку не беспокоился, сообразил Вадик.

А сумка-то была самая, что ни на есть, обыкновенная. Будь у Вадика побольше времени, он бы постарался подменить ее. Парень узнал бы о своей

потере только дома. Но до конечной остановки оставалось минут пятнадцать, так что придется оставить парня ни с чем. Ну да он молодой, еще себе наживет, подумал Вадик.

Юра Крапивин торопился сойти с поезда одним из первых, поэтому стал протискиваться к выходу. Это оказалось непростым делом. Нетерпеливые пассажиры уже выставили в проход весь свой багаж и стояли, напирая друг на друга. Он все же попытался пролезть вперед, протискиваясь среди попутчиков. И когда поезд остановился, сумел спрыгнуть одним из первых. Довольный собой, бодро двинулся вперед. И тут вдруг осознал внезапную легкость — сумка, которая только что висела на плече, исчезла.

Он бросился назад — неужели выронил? И увидел на другом конце перрона какого-то парня с его сумкой. Украл, сволочь! Крапивин бросился за вором, но тот буквально ввинтился в толпу и исчез.

Что же делать? Не в милицию же обращаться! Он побежал на площадь, где его ждали. Мрачный человек за рулем увидел, что Крапивин бежит к нему без сумки и глаза безумные. Сам вышел из машины, негромко спросил:

— Что случилось? Где?..

— Украл! — чуть не закричал Крапивин и тут же понизил голос. — Парень сорвал с плеча и убежал. Я его запомнил!

— Куда убежал?

— В ту сторону.

— Садись!

От сумки надо было поскорее избавиться, думал Вадик. Лучше всего сделать это в туалете. Если там деньги или ценности, он раскует их по карманам документы выбросит, а сумку лучше всего сложить и оставить где-нибудь в урне.

Туалет находился в другой стороне привокзальной площади. Он направился туда быстрым шагом, стараясь не привлекать к себе внимание. И тут увидел человека, у которого украл сумку. Тот внимательно рассматривал толпу. Рядом с ним стоял человек, чей вид Вадик не понравился. Мимо разини он бы еще как-нибудь проскочил. Но этот человек был не из тех, у кого можно что-нибудь украсть.

Что же там такое в сумке, что они бросились его искать?

Вадик заметался. Надо как можно скорее выбросить сумку. Но не раньше же, чем он ознакомится с ее содержимым! Он нырнул в толпу и вместе с ней выскользнул за привокзальную площадь. Оглянулся и увидел, что преследователи бегут за ним. Он колебался недолго. Возле вокзала стояли частники, которые предпочитали иногородних гостей, с которых можно слупить втрое против обычного тарифа.

Вадик распахнул дверцу первой попавшейся машины, плюхнулся на сидение рядом с водителем и выпалил:

— В Лианозово! Плачу двойной тариф, давай, шеф.

Водитель включил зажигание, и они тронулись. Вадик оглянулся и с облегчением увидел, что разиня и его компаньон стремительно удаляются. Он поудобнее устроился на жестком сиденье и попросил:

— Включи музыку, шеф. Надо жить веселее.

Водитель в теплой меховой шапке иронически посмотрел на него:

— Приезжий?

— Приезжий, приезжий, — ответил Вадик.

Он все еще переживал перипетии волнующего вокзального приключения. Ему не терпелось заглянуть в сумку, но он не хотел этого делать в присутствии водителя. Привычка к осторожности не покидала его даже в радужные минуты, и он покрепче прижал к себе сумку.

Водитель вновь на него покосился:

— Ты там что, золото, бриллианты везешь?

Вадик в ответ только хмыкнул. Водитель больше не обращал на него внимания, озабоченно прислушивался к двигателю, крутил головой, поддавал газу. Потом неожиданно свернул к обочине и сказал:

— Прости, друг, надо посмотреть — что-то двигатель стучит. — Он вышел из машины, открыл капот и улыбнулся Вадику:

— Подожди минуту, друг, и поедем.

Вадик кивнул. И тут кто-то распахнул дверцу с его стороны. Сильная рука выдернула его из машины. Какой-то здоровый мужик с лицом, не внушавшим добрых чувств, хладнокровно вырвал из его рук сумку и бросил ее в машину. С силой оттолкнул Вадика, который упал в снег, сел на его место, и машина рванула с места, обдав его грязью.

Ошеломленный Вадик посмотрел ей вслед. Он слышал о ребятах, которые таким вот образом грабят приезжих лохов. Но как он мог попасться в такую ловушку! Слава богу, что успел, по крайней мере, опустошить сумку, пока водитель возился с двигателем. В куртке у него были глубокие внутренние карманы, туда он и запихнул содержимое сумки. Теперь только Вадик рассмотрел, что именно он приобрел. К его изумлению это оказались американские доллары, которые впервые держал в руках, и какие-то восточные деньги с арабской вязью. Кого же это он ограбил?

Первые несколько минут водитель в меховой шапке вел машину с бешеной скоростью, вдруг этому дурачку взбредет в голову устраивать погоню. Он то и дело поглядывал в зеркальце заднего обзора. Но постепенно напряжение его отпустило.

— Посмотри сумку, — сказал водитель. — Он над ней буквально трясся.

Напарник расстегнул молнию и заглянул внутрь, потом быстрым движением перевернул, и ему на колени высыпались две рубашки, пачка де-

фицитной туалетной бумаги, маленький термос и целлофановый пакет с сосисками, запеченными в тесте.

Напарник открыл термос и увидел, что он пуст. Методично разломал сосиски — там не было ничего, кроме белесого фарша и плохо пропеченного теста. Еще раз внимательно осмотрел сумку, вывернул ее наружу и после этого внимательно посмотрел на водителя.

— Парень бежал с этой сумкой так, что я решил, что он слямзил ее у кого-то, — оправдывался водитель. — Думал, у него полно денег.

Они остановились на красный знак светофора, свернули направо. Уже стемнело. В темном переулке их обогнала какая-то машина и вдруг резко затормозила, перегородив им дорогу.

— Что за идиоты! — не выдержал водитель.

Но больше он ничего не успел сказать. Из затормозившей машины выскочили четыре человека. Они распахнули дверцы с обеих сторон, выволокли пассажиров и уложили в снег. У них было оружие, поэтому ни испуганный водитель, ни его грозный на вид напарник даже не сопротивлялись. Один из четверых раскрыл сумку и увидел, что она пустая.

— Где? — коротко спросил он.

— Там ничего не было! Мамой клянусь! — выпалил водитель. — Мы сами ничего не понимаем.

Им не поверили. Погрузили в машину и вывезли за город, где всю ночь допрашивали с пристрастием. Но ни водителю, ни его сникшему напарнику сказать было нечего... Деньги исчезли бесследно.

Старший нашел телефон-автомат. Набрал номер и представился:

— Это Куприянов. Пусто!

Глава десятая

Афины. Гостиница

Кристина Оазис не пострадала от взрыва. Но она оценила то, что Сергей Глазов прикрыл ее своим телом. Если бы не он, Кристина села бы в машину и погибла.

Когда охранники уводили ее, она оглянулась. Сергей смотрел на нее. Поймав ее взгляд, вдруг улыбнулся. Ей понравилась его улыбка. Он был в черном кожаном пиджаке и белой рубашке. Невысокий и стройный. Короткая стрижка. Совсем не похож на окружавших ее греков.

Когда Глазов вернулся в гостиницу, его ждали коллеги по делегации. В номере Быстрицкого на столике стояла бутылка «Столичной», стаканы, раскрытая пачка московского печенья.

Руководитель делегации Олег Алексеевич Быстрицкий озабоченно спросил:
— Ты как, Сергей Игоревич? Может, все же врача позовем? Не каждый день нас взрывают.

— Я в порядке, — отозвался Глазов. — Просто никак в себя не приду.

Елена Дмитриевна Степанова сочувственно кивнула:

— Еще бы!

Быстрицкий протянул Глазову стакан:

— Прими.

Елена Дмитриевна вздохнула:

— Кошмар какой-то. Кто же хотел ее убить?

Быстрицкий пожал плечами:

— Враги у нее серьезные, раз способны на такое.

Елена Дмитриевна призналась:

— Не хотела бы я оказаться на ее месте.

Вилла Кристины

Кристина сняла телефонную трубку:

— Узнайте, в какой гостинице остановилась советская делегация. Я хочу поговорить с русским, которого зовут Сергей... Знаю, что уже поздно... Но он мне нужен...

В гостиничном номере раздался телефонный звонок. Руководитель делегации кивнул Глазову, и он не без удивления взял трубку.

— Вы придете завтра? — услышался голос Кристины Оазис.

— Госпожа Оазис? — Сергей был поражен. — Конечно, в час дня назначены переговоры. Как условились на прошлом заседании.

— Я пришлю за вами машину, — предложила Кристина. — Приезжайте пораньше, поговорим.

— Не могу, — отказался Глазов. — Я же здесь не один, а с делегацией.

— Они что, маленькие? — расхохоталась Кристина. — Без вас пропадут?

— Милая Кристина, у нас свои традиции.

— Хорошо. Завтра увидимся, — сказала Кристина и повесила трубку.

Кабинет Кристины Оазис

Столик в кабинете был изящно сервирован.

— Обойдемся без слуги? — спросила Кристина. — Или позвать?

— Обойдемся, — с улыбкой посмотрел на нее Сергей и добавил: — Не вижу контракта, над которым мы собирались поработать.

— Ты действительно сейчас хотел бы заняться именно контрактом?
— Мое начальство в Москве, — признался он, — рассчитывает на то, что мы вернемся с контрактом.
— Твои начальники будут довольны, я его уже подписала.
Сергей налил вино в бокалы, и они чокнулись.
— Знаешь, — задумчиво проговорила Кристина, — каждый Новый год, пока бьют часы, я пишу на бумажке желание, сжигаю ее прямо над бокалом и выпиваю вино с пеплом. Обычно сбывается... Сегодня загадаю тебя. А там на все воля божья.
— Сегодня не Новый год, — заметил Глазов.
— Для меня — Новый.
Сергей поставил бокал на столик и совершенно серьезно спросил:
— Вокруг тебя столько мужчин. Почему я?

Москва. «Совфрахт»

Сергей Глазов с пластиковым пакетом в руке шел по коридору. Заглянул в машбюро, где девушки стучали на пишущих машинках. Обошел столик за столиком. Вытащив из пакета две импортные упаковки с колготками, одарил каждую из машинисток.

Девушки наперебой благодарили:

— Спасибо, Сергей Игоревич! Какой вы замечательный! Приходите еще! Глазов, улыбнувшись, ушел.

Одна из девушек простодушно призналась:

— Хороший мужик! Расцеловала бы его. Но он такой некрасивый...

Глазов пошел дальше. Заглянул в приемную председателя «Совфрахта» и вопросительно кивнул на дверь начальника.

— У шефа Елена Дмитриевна Степанова из министерства, начальник валютно-финансового управления, — пояснила секретарша.

— Зайду попозже, — сказал Сергей.

— Я вам позвоню, — пообещала она и многозначительным тоном добавила: — Когда он будет в хорошем настроении.

Кабинет председателя «Совфрахта»

Быстрицкий закончил разговор и положил трубку аппарата правительственной связи с гербом на наборном диске.

— Наверху очень довольны. Но Глазова сказали пока за границу не оформлять. Что случилось? Он же не наш кадр, он от соседей.

Сидевшая напротив него Степанова понимающе кивнула:

— В Афинах у него возникли nepoзвoлитeльнoе oтнoшeния с Кристиной Оазис. Мы же с тобой видели, как она при всех уводила его к себе. Они вместе проводили время. И мы не знаем, что они там обсуждали.

— Кристина Оазис, самая богатая женщина в мире, на нашего Глазова глаз положила? Плохо мы знаем свои кадры. Недооцениваем товарищей, — усмехнулся Быстрицкий.

— Иронизируешь? А кому надо, серьезно обеспокоены. К нашим делам с компанией Оазисов привлекается ненужное внимание. И это плохо.

Быстрицкий пребывал в прекрасном настроении:

— Завидовать надо...

Степанова не разделяла его благодушия:

— Мужская позиция! Глазов не соблюдал нормы поведения советского человека за рубежом. Но это вовсе не его личное дело! Что именно он ей рассказывал, когда они остались одни? О чем они договаривались? А если он выдал ей все наши планы? Все раскрыл? По пьянке или, страшно подумать, в постели? Ты же понимаешь, какие дела могут рухнуть!

Москва. Квартира Глазова

Бабушка мечтала его женить. Напоминала: пора заводить семью. Взяла дело в свои руки. Сама искала ему невесту, знакомила то с одной, то с другой симпатичной девушкой. По старому обычаю устраивала смотрины. Возвращаясь со службы, Сергей Глазов то и дело заставлял дома очередную гостью. Под пристальным бабушкиным взглядом он неизменно говорил девушке:

— Приятно познакомиться.

Он нравился всем, кого бабушка приглашала.

Девушки улыбались в ответ:

— И мне очень приятно.

— Угости нашу гостью чем-нибудь вкусным, — говорил бабушке Сергей.

— Садись с нами, отдохни, — предлагала она и многозначительно смотрела на внука. — Поужинаем и поговорим.

Он, как правило, разводил руками и просил его извинить.

— Срочная работа, — отвечал Сергей озабоченным голосом. — Отпустили только переодеться.

И исчезал. Бабушкины старания женить его были напрасными. Пока его не приняли в комитет. Холостых там не поощряли. Кандидатуру жены проверили в кадрах и одобрили. Но поспешно заключенные браки — не самые успешные.

Глазов раздевался, собираясь лечь спать. Его жена уже лежала в постели с книжкой.

— Только что показывали фильм «Гавана», где в главной роли Роберт Редфорд, этот мужественный красавец, — мечтательно проговорила она.

Сергей в ответ лишь пренебрежительно пожал плечами.

— Романтики в тебе ни на грош, — укорила его жена. — Лучше бы у него поучился. Он ведь не просто красиво ухаживает. Сразу видно особое отношение к женщине. Знаешь, как это прекрасно? Я только один раз не могла заснуть после кино — когда посмотрела фильм «Три дня Кондора» с Редфордом.

— Бедняжка, как тебе плохо без Редфорда, — съязвил он.

— Знаешь, сколько нас, обездоленных, живущих без Редфорда? Я ведь даже красивую пижаму себе купила.

— А Редфорда все нет.

— На пижаму могу заработать, а на Редфорда — увы... А ты бы лучше старался на него походить. Хоть в чем-то.

Предложение Кристине

Редкий случай — задание совпало с личным интересом. Он влюбился в Кристину. И хотел спасти любимую женщину.

Во время очередной встречи он сказал ей:

— Террористы найдут вас повсюду. И вся ваша служба охраны их не остановит. Охрана не спасла ни вашего брата, ни мать, ни отца. Единственное место, где вы сейчас можете быть в безопасности, — это Москва.

— Я подумаю, — нерешительно ответила Кристина.

— У вас немного времени, — напомнил Сергей. — Мы не знаем, где и когда они нанесут следующий удар. И добавил: — Я позабочусь о вас в Москве. Вам не будет там одиноко.

Глава одиннадцатая

Допрос с пристрастием

Молодому человеку явно не было и двадцати. Походка выдавала моряка. Импортная черная куртка с капюшоном, в руках пластиковый пакет с загадочной иностранной надписью. Сразу видно, что только с рейса, вернулся из «загранки». Достаточно взрослый, чтобы научиться зарабатывать

деньги, и слишком молодой, чтобы понимать, чем ему это грозит. Может, морячку мнилось, что он играет в какую-то забавную игру?

Капитан Васильев следил за ним три часа. За это время молодой человек встретился с одним клиентом. Значит, весь товар остался у него на руках.

Если бы юноша в черной куртке сразу скользнул в метро, все бы сошло. Но он пошел в сторону переулков, и Васильев двинулся за ним. На ходу вытащил рацию и вполголоса бросил несколько слов напарнику. Майор Пшеничный все это время просидел в машине, в приятном тепле. Васильев завидовал напарнику, тому всегда доставалась работа полегче.

В следующем переулке Васильев догнал парня в черной куртке. Тут же появилась и машина Пшеничного с включенными проблесковыми «маячками». Васильев ловко схватил парня за левую руку, не давая ему бросить на землю пакет с иностранной надписью, и закричал:

— Милиция! Не сопротивляйся! Ты задержан!

Появившийся рядом Пшеничный помог скрутить парня и засунуть его в машину. Ошеломленный юноша бормотал:

— За что? Я ничего не сделал! Чего вы от меня хотите?

Запустив руку в пластиковый пакет, Пшеничный вытащил несколько пакетиков с белым порошком.

— Мы за тобой давно следим, — удовлетворенно сказал капитан Васильев. — Наконец ты попался с поличным. Сейчас отвезем тебя в отдел, снимем показания — и в следственный изолятор.

— Разрешите мне позвонить, — попросил парень. — Пожалуйста!

— Родителям? — спросил Пшеничный.

Парень кивнул. Глаза его наполнились слезами. Он был смертельно напуган.

— Увы, парень, теперь не скоро их увидишь, — сказал Васильев. — За наркотики много дают. Тяжкое преступление. — Он повернулся к Пшеничному: — Поехали. Поздно уже. Сдадим его, оформим. Благодарное начальство похмет нам руки, и по домам.

— Подождите! — умоляюще произнес парень. — Неужели ничего нельзя придумать? Может быть, я могу что-то сделать, чтобы вы меня отпустили?

— Ха! — насмешливо посмотрел на него Васильев. — Зачем же нам тебя отпускать? Это наша работа — задерживать торговцев наркотиками, которые изнутри подрывают наше социалистическое общество. Вот мы тебя и задержали.

— У меня есть деньги! — выпалил парень. — Возьмите все!

— Ты что, нам взятку предлагаешь? — покачал головой Васильев. — Смотри, еще одну статью получишь.

— Но я же только курьер и ничего не знаю.

— Это ты судье расскажешь — в последнем слове.

Парень вздрогнул и решился:

— Я могу назвать имена тех, кто раздает нам наркотики на продажу, и тех, кому мы сдаем деньги.

Васильев тронул Пшеничного за плечо:

— Послушаем? — и достал блокнот и ручку: — Давай. Только не ври.

Парень послушно продиктовал несколько фамилий и адресов:

— Есть люди, которым я доставляю пакетик-другой. А есть несколько человек — им везут большие упаковки.

— Молодец! — одобрительно кивнул Васильев.

— Вы меня отпустите? Я могу идти? — робко спросил парень. — Больше я ничего не знаю, мамой клянусь!

Васильев задумался:

— Мы обязаны проверить, не обманываешь ли ты нас. Ночку переночуешь в подвале. Если сказал правду, отпустим.

Они подъехали к старому жилому дому, вышли из машины и повели парня в третий подъезд. Васильев своим ключом открыл заржавленный замок, и все спустились в полутемный подвал. Васильев запер парня в пустой комнате, а в соседней Пшеничный уже переодевался в милицейскую форму.

— Сейчас проверю адреса через справочную и наведаюсь в гости.

Уже был поздний час, когда он добрался до первого в списке. «Если ошибки не произошло — большая рыба, — подумал он, — даже страшновато братья, не наш уровень...»

Дверь долго никто не открывал. Но Пшеничный упрямо не снимал пальца с кнопки звонка. Наконец кто-то прошлепал к двери и недовольно спросил:

— Кто там?

— Открывайте, милиция!

Пшеничный встал так, чтобы его удобнее было разглядеть в «глазок». Проскрипел замок, и дверь распахнулась. Заспанный лысый человек в пижаме удивленно спросил:

— Что случилось?

— Могу я зайти? — показывая удостоверение, спросил Пшеничный. И тут же вошел, не дожидаясь приглашения. — Сегодня арестован Власов Альберт Иванович. Знаете такого?

— Нет, — искренне ответил хозяин квартиры.

— Да? — удивился Пшеничный и полез за своим блокнотом: — Вы — Быстрицкий Олег Алексеевич? Верно?

— Да, — с готовностью подтвердил хозяин.

— Паспорт попрошу.

Хозяин заметался по квартире, вернулся с паспортом. Руки у него заметно дрожали. Пшеничный внимательно изучил паспорт, убедился в наличии прописки:

— Верно, вы — Быстрицкий. Как же вы не знаете Власова? Он показал, что вы регулярно снабжаете его наркотиками на продажу.

У хозяина буквально подкосились ноги.

— Нет, это неправда, — попытался он возразить, — я не наркоман... У меня нет наркотиков!.. Да я его и не знаю!.. Поверьте мне...

Пшеничный знал, что нарушает закон, но разбуженный среди ночи человек сопротивляется слабее.

— Тогда я вызываю опергруппу, — равнодушно произнес он. — Сейчас проведем обыск. Найдем, где вы храните запрещенные препараты...

— Подождите, не звоните! — Хозяин квартиры лихорадочно облизывал губы. — Может быть, мы можем договориться? Я человек с положением. Обыск и все такое подорвет мою репутацию.

— Да уж, в министерстве не обрадуются, узнав, что директор всесоюзного объединения, человек, которому партия доверила такой высокий пост, — торговец наркотиками, — назидательно сказал Пшеничный. — Не только свою жизнь губите, но и подрываете здоровье других строителей коммунистического общества.

— Присядьте, умоляю вас! — попросил хозяин. — Хотите кофе, чего-нибудь выпить? У меня отличный коньяк, виски трех сортов... Тут какая-то ошибка... Но я готов компенсировать ваши труды. Назовите, сколько...

— Ошибка? — искренне обиделся Пшеничный. — У нас есть показания Власова, который признал, что передает вам наркотики...

— Я не спорю, не спорю! — Хозяин квартиры прижал руки к сердцу. — У меня есть валюта... Пятьсот долларов...

Пшеничный с искренним удивлением посмотрел на него. На валюту он точно не рассчитывал. Он долларов и в руках не держал, только в кино видел.

— Тысяча, — поспешно добавил хозяин.

— Так, где у вас телефон? — спросил вошедший во вкус Пшеничный.

— Две тысячи, — сказал хозяин, убежал в спальню и вернулся с пачкой долларов: — Можете не пересчитывать. Только что привез из «загранки».

Пшеничный положил деньги в карман и сказал:

— Ну, что же, в таком случае, я еще раз перепроверю показания арестованного. Может быть, он обманывает нас и клеветает на невинного человека, чье честное имя органы обязаны защитить... А если нет, то надеюсь еще. И предупреждаю — разговор будет другой. — С этими словами он, не прощаясь, покинул квартиру.

Васильев ждал внизу в машине. Пшеничный отсчитал ему половину.

— Ничего себе... И не рассчитывал... Не на слишком ли мы высокий уровень поднялись, а? Люди далеко не простые, как бы нам это боком не вышло.

— Может, у них и есть связи на Лубянке, но к комитетским они за помощью не пойдут. Не тот случай. За такие дела им вышка «светит», — презрительно отмахнулся Пшеничный.

— Насчет комитетских дел ты лучше знаешь, — успокоился Васильев и хлопнул майора по плечу: — Надо отметить хорошее дело. Поехали, тут есть хорошее местечко.

— Нет, — наотрез отказался Пшеничный. — Я должен ехать домой. У меня семья.

— Странный ты парень, — недовольно заметил Васильев. — На хрен ты эти «бабки» копишь? В могилу с собой не унесешь.

— Я коплю для сына. Хочу, чтобы он в МГИМО поступил и за границей работал. Я ничего в жизни не достиг, пусть он за меня карьеру сделает.

— А мне бы дочь замуж пристроить — и буду доволен, — хмыкнул Васильев.

В следующее дежурство капитану Васильеву пришлось действовать одному. Он ловко впихнул в автомобиль еще одного начинающего торговца наркотиками, чье имя назвал первый арестованный, и защелкнул на нем наручники. Довез до подвала и тут уже стал его допрашивать. Но этот не желал ничего говорить.

Васильев вышел в соседнюю комнату и позвонил Пшеничному. Когда-то здесь, в подвале, помещался пункт охраны правопорядка. Васильев уже не работал участковым, но сохранил ключи от подвала. Установленный здесь телефон все еще числился за милицией и работал исправно.

— Молчит наш клиент, — пожаловался он в трубку. — Не сознает тяжести содеянного. Что с ним делать?

— Поучи его как следует, — посоветовал Пшеничный. — В любом случае это пойдет ему на пользу. Как еще отучить наркомана от вредных привычек? Раз отец в детстве не лупил, мы это быстро исправим.

Васильев снял пиджак и засучил рукава. Через минуту из соседней комнатки раздались звуки ударов и отчаянные крики:

— Не надо! За что?!

Майор Пшеничный сидел дома, читал газету и пил чай с вареньем. Когда зазвонил телефон, он не сомневался, что это Васильев, и сразу взял ручку:

— Так, диктуй... Как-как?... Молодец, умеешь убеждать.

Закончив разговор, поспешно надел мундир и спустился вниз.

Валютно-финансовое управление располагалось отдельно от остального аппарата министерства, в собственном здании. Пшеничный спросил у вахтера, на каком этаже кабинет начальника управления Елены Дмитриевны Степановой. Тот автоматически спросил:

— Вы договаривались о встрече? Вас ждут?

— Я не клиент, — мрачно ответил Пшеничный, — я — из милиции, мне договариваться не надо.

Перепуганный вахтер проводил его до лифта. Предупрежденная по телефону секретарша встала, когда Пшеничный вошел в приемную. В просторном кабинете сидела молодая для столь высокой должности женщина. При появлении милиционера она не могла сдержать удивления:

— Нас уже проверяли. У нас все работающие с московской пропиской. У нас, знаете ли, серьезное учреждение.

— Я не из паспортного стола, Елена Дмитриевна, — отрезал Пшеничный. — Я занимаюсь борьбой с контрабандой наркотиков. — Он достал свой блокнот и продолжил холодным тоном: — Торговец наркотиками, которого вы знаете под кличкой «Абрикос», показал, что сдает вам деньги, полученные от нелегальной — и преступной! — торговли запрещенными в нашей стране препаратами. Подтверждаете?

— Нет, это клевета, меня оклеветали... — быстро заговорила Степанова. — У меня много врагов... Они все это подстроили... Вы должны мне верить...

Пшеничный вложил блокнот в папку и поднялся с места.

— Раз вы не желаете сотрудничать и добровольно помогать органам, как велит долг советского человека, тогда придется поехать со мной. Посидите в камере, подумаете. А я вызываю опергруппу, проведем обыск помещения, допросим ваших сослуживцев.

— Только не это! — умоляюще произнесла Степанова. — Уверена, мы с вами сумеем договориться!

Она встала и подошла к сейфу. Вопрошающе посмотрела на Пшеничного. Он вновь сел и сделал все то же неопределенное движение головой.

Минут через двадцать Пшеничный вышел из управления и сразу позвонил Васильеву.

— Все в порядке, — сказал он довольным тоном.

— А у меня — нет, — произнес Васильев хриплым тоном. — У нас проблемы, да еще какие.

— Нас кто-то вычислил?

— Нет, проблема другая.

— Сейчас приеду.

Васильев ждал его в подвале, сидя на колченогом стуле. Рядом, прямо на полу, стояла уже полупустая бутылка водки. Он откусывал большие куски от круга копченой колбасы и методично жевал.

— Ты зачем опять пьешь на службе, мы же договаривались, — разозлился Пшеничный. — Что случилось?

— Парень концы отдал, — выдавил из себя Васильев. — Одну фамилию назвал. А потом замолк.

— Как это произошло?

— Перестарался.

— Идиот!

Пшеничный вошел в соседнюю комнату. На полу распростерлось неподвижное тело в одной рубашке, остальная одежда была разбросана по комнате. Он щелкнул выключателем, и у него мгновенно потемнело в глазах: на полу лежал его единственный сын, весь в крови.

Майор Пшеничный вытащил табельный пистолет, взвел курок и выстрелил капитану Васильеву в голову.

«В наших рядах предатель»

Обеденный перерыв во внешней разведке — с двенадцати до трех, но военной дисциплины нет, обедай, когда хочешь. Глазов перед обедом успел поплавать в крытом бассейне, а вот поесть ему не удалось. Вызвали на совещание к начальнику отдела.

Из Афин от Ларри Андерсона потоком шла ценная информация. Воодушевленный первым гонораром, он жаждал продолжения.

На встрече с оперативным работником рассказал между делом, что у Кристины Оазис серьезные душевные проблемы. По его словам, на важном совещании Кристина вдруг утратила интерес к тому, что обсуждалось, и недоуменно спросила:

— А где мой брат?

Сидевший напротив нее Ларри Андерсон осторожно напомнил:

— Он на небесах. Он ушел.

По его мнению, Кристина не в силах справиться с наследством Аристотеля Оазиса, груз слишком тяжкий. Однажды она легла в постель и отказалась вставать, а на шестнадцатый день вообще впала в кому, и ее отправили в больницу.

Тем не менее, семейный бизнес процветал. Потребность в танкерах увеличивалась параллельно с ростом цен на нефть. Кристина Оазис зарабатывала четыре миллиона долларов на каждом рейсе одного танкера из Кувейта в Европу.

Начальник 5-го отдела внешней разведки передал своим офицерам приказ сверху — искать пути налаживания отношений с империей Оазисов.

— Когда западные империалисты перекрыли нашей стране все каналы торговли и запретили продажу Советскому Союзу современных технологий, — напомнил подчиненным начальник отдела, — разведка получила

приказ прорвать эту блокаду. На научно-техническом направлении нам удалось добыть ряд остро необходимых для оборонных отраслей промышленности образцов и документальных материалов... Сейчас мы должны повторить этот успех и обеспечить экспорт нашей нефти.

Сразу после совещания Глазову позвонил старинный приятель — майор милиции Пшеничный. Они познакомились еще в лесной школе. Глазову, способному к изучению иностранных языков, учиться было легко. Пшеничному пришлось налегать на иностранные языки. После школы обоих взяли в центральный аппарат.

Пшеничного ждала длительная зарубежная командировка под «крышей» сотрудника посольства. Накануне он отмечал, как полагалось, отъезд вместе с новыми коллегами-мидовцами в ресторане «Прага».

Еще в разведывательной школе будущих оперативных работников предупреждали: не ходите в рестораны, где могут быть иностранцы. А он забыл... Когда сидел за столом, к нему подошел какой-то человек и попросил прикурить. А это оказался американец, которого вела служба наружного наблюдения КГБ.

Для «наружки» это был контакт иностранца с советским гражданином. По инструкции им следовало провести оперативное мероприятие — выяснить, что это за человек, к которому подошел американец. Но была плохая погода, и они поленились проводить его до дома и установить адрес и имя. Выбрали более простой вариант. Притворились пьяными и у вешалки пристали к заинтересовавшему их человеку:

— Дай прикурить! Ах, не дашь? Значит, не уважаешь?

Затеяли драку и вызвали милицию. А милиция — это учреждение, где можно потребовать предъявить паспорт. В отделении Пшеничный предъявил красную книжечку — удостоверение сотрудника КГБ:

— Да я свой, ребята! Отпустите, а то я завтра улетаю.

Бригада наружного наблюдения из Седьмого управления Комитета госбезопасности была счастлива. Вызвали дежурного по КГБ, и тот забрал из отделения неудачливого разведчика.

Никуда Пшеничный, естественно, не поехал. Выезд за границу ему закрыли, с оперативной работы убрали с выговором:

— Зачем расшифровал себя, обнаружил свою принадлежность к Комитету? Надо было сказать, что работаешь в Министерстве иностранных дел. Зачем потрясал удостоверением?

Он начал пить и уволился из КГБ. Пошел служить в милицию.

Глазов давно его не видел, но не мог отказать во встрече. И не пожалел об этом, получив интересную информацию.

— В Министерстве морского флота, — рассказал Пшеничный, — есть целая сеть, которая занимается тем, что доставляет сюда наркотики.

Не какую-то там анашу, а современные препараты в таблетках, что называется, удобные в употреблении и с гарантией. И здесь продают постоянным клиентам. Я готов назвать все имена, которые знаю, и ты сможешь взять всю эту сеть! Представляешь, какой это будет для тебя успех?

Сергей Глазов слушал его самым внимательным образом. Но выражение его лица не менялось. Предложение соблазнительное. Однако же сам он ничего сделать не может. Разведка такими операциями не занимается. Это обязанность Второго главка — контрразведки. В любом случае дело им передадут...

— Хорошо, — сказал он, — давай начнем с самого начала. Кто, по твоим данным, занимается этим в министерстве?

Майор выпил уже прилично, но алкоголь его не брал. Его трясло от ненависти.

— Я хочу, чтобы они своими жизнями заплатили за смерть моего сына, — вновь и вновь повторял он. — Ты мне только скажи, что сделать, и я сделаю. Твой интерес — карьера, мой — месть.

Мысль о том, что он сам больше других виноват в гибели собственного сына, его мозг напрочь отвергал.

— Какие у тебя планы? — поинтересовался Глазов.

— Уеду на неделю в деревню, где вырос. Не могу здесь, в городе...

Глава двенадцатая

МИД. Кабинет Громыко

Громыко на совещании сокрушался:

— Есть еще вопрос идейно-воспитательной работы. В прошлом году восемнадцать дипломатических работников отозвали из-за рубежа. В основном потому, что были дружны с бутылкой. Я не врач, не намерен доказывать вред алкоголя. Если человек теряет голову от рюмки, он не годится в дипломаты.

После совещания заместитель министра по кадрам Новиков задержался в кабинете.

— Андрей Андреевич, я вынужден не согласиться с вашим решением. И прошу его отменить, — с недовольным видом произнес он.

Министр с интересом посмотрел на своего заместителя.

— Вы распорядились подготовить представление в ЦК о присвоении Валентину Михайловичу Рожкову звания чрезвычайного и полномочного

посла, — пояснил Новиков. — Это генеральское звание. Но, во-первых, он никогда не был послом...

— Послами не рождаются, товарищ Новиков.

— Во-вторых, мне доложили, что он неизлечимо болен. Извините, Андрей Андреевич, но зачем нам больной посол?

— Он не может работать? — спросил Громыко.

— Нет, он может, — уточнил Новиков. — Но я проверил диагноз у врачей. Они дают ему не более двух-трех лет жизни.

Громыко отложил в сторону синий карандаш, которым черкал лежащий перед ним проект зашифрованной телеграммы.

— Мне известно, что Рожков болен. Он сам мне об этом сказал.

Новиков не мог скрыть своего удивления:

— Тогда я вас не понимаю.

— Рожков многие годы хорошо и честно работал, — пояснил Громыко. — Жизнь его в МИДе сложилась не очень удачно. Не по его вине. Но он заслужил право завершить свою дипломатическую карьеру на посту посла. Пусть в конце жизни побудет послом.

— Я вас понял, — несколько растерянно ответил Новиков, поднялся и вышел.

Заместитель министра вернулся к себе. Затребовал в управлении кадров личное дело Рожкова и, пролистывая его, пытался понять, почему министр так ратует за этого Рожкова.

Подмосковье. Дача Громыко

Вечером Громыко пересказал этот разговор жене.

— Помнишь Рожкова?

— Да, они с Толей написали хорошую книгу. Он работает у тебя в отделе печати.

— Он болен. Я решил отправить его послом — пусть порадуетя напоследок. Отправим его в Данию — спокойная европейская страна.

— Рожкову ты сделал роскошный подарок, — заметила жена. — Ты всегда заботишься о других. И при этом забываешь о собственных детях.

— Что ты имеешь в виду?

— Видела сегодня в поликлинике Викторию Петровну, — сказала Лидия Дмитриевна и с нажимом добавила: — Ее сын, Юра, только что назначен заместителем министра внешней торговли.

— Так у Юры Брежнева папа — генеральный секретарь, — попытался отшутиться Андрей Андреевич, но Лидия Дмитриевна шуточки не приняла:

— У нашего Толи папа, между прочим, министр иностранных дел.

— Толя трудится в нашем посольстве в Вашингтоне, — напомнил Андрей Андреевич. — И, насколько я понимаю, он доволен работой, и им довольны.

Обед с агентом

Ларри Андерсон, начальник службы безопасности империи Оазисов, попросил о личной встрече с Сергеем Глазовым.

В девяти случаях из десяти такие просьбы не выполняются. Вербовщику не стоит встречаться со своим агентом, если для такого контакта нет очевидного объяснения. Никто не мог поручиться, что греческая (или еще чья-то) контрразведка не сфотографировала в свое время Глазова вместе с Андерсоном. Сам по себе этот снимок ничего не значит. Но если эти двое встречаются вновь — да еще в другой стране, и их вновь видят вместе, не станет ли это отправным пунктом для размышлений любого контрразведчика? Так зачем рисковать?

Но Ларри Андерсон настоятельно просил о встрече. Начальник разведки не захотел брать на себя ответственность. Он привык во всем советоваться с председателем, у которого начинал помощником. Андропов разрешил.

Встречу устроили в Австрии, в Каринтии. Сотрудники венской резидентуры подыскали подходящее местечко на курорте Фельден. Ларри Андерсона и Сергея Глазова снабдили одинаковыми картами местности, и они столкнулись возле горного озера. Обнялись, как старые друзья. Сели на скамейку под столетними деревьями.

— Поплаваем? — предложил Глазов.

— Позже, — ответил Андерсон.

— Как ты живешь? — по-свойски спросил Сергей.

— Отлично! — Ларри Андерсон не лукавил. — Я избавился от прежних проблем. Больше не играю — и потому не проигрываю! Помогать твоим друзьям мне не так сложно. И я очень осторожен, так что все в порядке. Могу сказать о себе, что вполне наслаждаюсь жизнью.

Сергей Глазов желал бы повторить то же и о себе. Однако же его жизнь, особенно личная, складывалась менее удачно. Но разговор на эту тему с агентом исключался.

— У меня тоже все прекрасно, — сказал он и добавил: — Ну что ж, я тебя слушаю.

Когда начальник службы безопасности империи Оазиса закончил свой рассказ, Сергей понял, что ему не удастся отдохнуть в Австрии. Попрощавшись с Андерсоном, он немедленно вернулся в Вену и первым же самолетом вылетел в Москву.

Нарушая все правила службы, Глазов, прежде всего, доложил о разговоре с Андерсоном не своему начальству, а поехал на Лубянку — к заместителю начальника второго главка генералу Игнатенко. Ларри Андерсон передал Сергею такую информацию, которая требовала немедленной реакции Москвы.

Боевики-исламисты попросили у империи Оазисов, точнее у Кристины Оазис, денег на организацию нескольких терактов против советских дипломатов — ответ на ввод войск в Афганистан. Среди целей значились Анатолий Андреевич Громыко, который работал в Вашингтоне, и Валентин Михайлович Рожков, утвержденный послом в Копенгаген. Боевики откровенно предупредили: если Кристина Оазис не даст им денег, она и сама окажется в списке приговоренных к смерти.

Предсказание старой цыганки

Потерявшего сознание Олега Быстрицкого положили на носилки, и санитары затолкнули их в карету «Скорой помощи».

Рядом стояла машина дорожно-патрульной службы. Молодой лейтенант писал протокол. Перед ним неуверенно стоял пожилой мужчина с правами в руках.

— Так, значит, вы свидетель, — писал лейтенант, бормоча себе под нос. — Что именно вы видели?

— Тут поворот, и знак есть. Все видно, — говорил пожилой мужчина. — Я за ним ехал, он впереди. Тут все скорость сбавляют, а он мчится километров сто. Я еще удивился: чего это он?

— Значит, он шел на поворот? — уточнил инспектор.

— А куда еще? Тут только направо. И он поворачивать стал, но скорость не сбавил. Вот в дерево и врезался. Хорошо еще не перевернулся. Странно, правда? Может, пьяный был или обкурился?

— Спиртным от него вроде не пахнет, — заметил один из санитаров.

— А вы чего ждете? — буркнул инспектор. — Везите в больницу. Пусть врачи посмотрят, что с ним. Может, у него внутренние органы повреждены. Не дай бог, кончится.

«Скорая помощь», включив сирену, рванула с места.

Проводив ее глазами, пожилой водитель заметил:

— Еще один вариант. Тормоза не то, что неисправны, скорее всего, вообще испорчены.

— Да, тормозного пути нет, словно он и не пытался затормозить, — согласился инспектор. — Я пометку сделаю, пусть эксперты посмотрят.

Когда Быстрицкий пришел в себя, то увидел озабоченно склонившиеся над ним головы врачей.

— Так, пришел в себя, — услышал он чей-то далекий голос. — Вы нас слышите?

Он поискал глазами говорившего, но не нашел. Три расплывающихся лица были в одинаковых белых масках, на головах — хирургические шапочки. Потом, раздвинув врачей, появились еще две головы. Одна венчала тело в милицейском мундире, и это вызывало беспокойство.

— Говорить можете? — осведомилась милицейская голова. — Гражданин Быстрицкий, можете говорить?

— Могу, — прошептал он.

— Отлично, — сказал милиционер и отошел.

— Где я нахожусь, в конце концов? — выдавил из себя Быстрицкий. — Что вы со мной делаете? И почему тут милиция?

Одна из белых масок была снята, и обнаружилось вполне милое женское лицо. Врач нащупала у Быстрицкого пульс и спросила:

— Голова не болит? Не кружится? Вас не тошнит?

— Нет. А где я и что случилось?

— Вы попали в автомобильную аварию, — объяснила врач. — Разбились в машине, потеряли сознание. Но вам повезло дважды. Во-первых, рядом проезжала наша «Скорая помощь», и вас сразу к нам доставили. Во-вторых, похоже, вы отделались ушибами и легким сотрясением мозга. Если все будет нормально, быстро отпустим домой.

— А теперь, доктор, позвольте нам побеседовать, — довольно бесцеремонно вмешался милиционер и представился Быстрицкому: — Следователь Козлов.

— Я кого-то убил? — обреченно спросил тот.

— Нет. Ваша машина врезалась в столб, так что кроме вас никто не пострадал.

— Слава богу! — облегченно сказал Быстрицкий и тут же всполошился: — А что с машиной?

— Восстановлению не подлежит, — равнодушно сказал следователь. — Но вы не о том беспокоитесь.

— Ничего себе, «не о том»! Новенькая совсем. А что произошло?

— Давно за рулем? — поинтересовался следователь.

— Пятнадцать лет, еще в армии права получил. Это первая авария.

— Предварительное мнение наших экспертов таково. Авария не была случайной. Вам повредили тормозную систему. Уточняю — сознательно.

Быстрицкий приподнялся на кровати, и у него сразу закружилась голова.

— Вы хотите сказать, что меня пытались убить? — почему-то шепотом спросил он.

Следователь кивнул.

— Но зачем? И кто?

— Это мы собираемся выяснить с вашей помощью. Подумайте, есть ли у вас враги? Люди, заинтересованные в вашей смерти? Обиженные вами? На работе или, так сказать, в личной жизни? Вам никто не угрожал в последнее время? Вспомните.

— Нет, нет, — решительно проговорил Быстрицкий. — Я работаю в Министерстве морского флота. И никому дорогу я не переходил. Врагов у меня нет. Я, знаете, безобидный человек, некому на меня зла держать.

— Ладно, — сказал следователь. — Это у нас с вами предварительный разговор. Подумайте, повспоминайте. Время у вас есть, пока в больнице находитесь. Как что-то вспомните, сразу звоните. — Он написал номер телефона на листке бумаги, положил на столик рядом с больничной койкой. И добавил: — Личный совет. Будьте осторожны. Если кто-то хотел вас убить, он скоро узнает, что попытка не удалась, и, возможно, попытается ее повторить.

От этих слов у Быстрицкого мороз по коже пошел.

— Вы полагаете, что я в опасности?

— Ну, это не значит, что за вами кто-то охотится, и надо бояться собственной тени... Но осмотрительность не помешает. Мы попросили, чтобы вас положили в отдельной палате. И вам спокойнее, и нам будет проще с вами беседовать.

В палату зашла сестра со шприцем в руках.

— Сейчас сделаем вам укол, поспите, станет легче.

Быстрицкий испуганно посмотрел на шприц и выдавил из себя:

— Мне не надо укола, я себя прекрасно чувствую.

...Он проснулся, потому что ему показалось, будто кто-то ходит за дверью. С трудом сел на кровати, свесив ноги, и перевел дух. На нем были рубашка и трусы. Брюки и пиджак висели на стуле, куртка — на вешалке. Он медленно оделся, похлопал себя по карманам — документы, бумажник и ключи на месте. Голова немного кружилась, но ходить он мог.

Быстрицкий выглянул в коридор. Там было пусто, дежурная сестра куда-то отлучилась. Он прошел мимо поста и спустился по лестнице. Оказавшись на первом этаже, увидел табличку «Выход» и пошел по длинному коридору. Повернул налево и, оказавшись перед дверью, которая вела в подвал, стал спускаться вниз.

В подвальном коридоре было темно. Где-то впереди горел тусклый свет — видимо, это и был выход из больницы. Быстрицкий шел очень быстро и вдруг заметил впереди чей-то силуэт. Он остановился — может, ему показалось? Но силуэт приближался, и теперь уже были слышны чьи-то мягкие шаги. Быстрицкий развернулся и побежал, пока не оказался у главного

выхода. Скучающий охранник с газетой в руках посмотрел на него с удивлением.

— Выпусти меня, браток! — взмолился Олег.

— Вечером у нас через подвал выходят, — пробурчал охранник, снимая очки и откладывая газету. — Посетитель, что ли?

— Да, да!

— Припозднились, — выговорил ему охранник, отпирая дверь. — Русским языком написано: посещение больных до шести вечера... Никто распорядок не соблюдает.

Быстрицкий вышел на улицу и полной грудью вдохнул свежего воздуха. Что за кошмар привиделся ему там, в подвале? Он накинул куртку и посмотрел на часы.

— Олег! — вдруг послышалось за его спиной, и он в ужасе отшатнулся.

— Ты чего так испугался? Это же я.

Быстрицкий увидел вылезавшего из машины Юрия Куприянова. Тот шумно обнял его и похлопал по плечу:

— Рад тебя видеть. А что ты делал в больнице?

— Со мной произошла чудовищная история. Попал в аварию, — ответил Быстрицкий.

Куприянов оглядел его с ног до головы:

— Да ты что? А выглядишь вроде нормально. — Поехали, примем по сто грамм за счастливое избавление.

Быстрицкий попытался сопротивляться:

— Слушай, мне нельзя. Я же после аварии. Да у меня и печень шалит.

— Ты же погибнуть мог. Или инвалидом стать, — с удивлением посмотрел на него Куприянов. — Как же не отметить такое событие?

Они дошли до машины, Быстрицкий плюхнулся на переднее сиденье рядом с Куприяновым и расслабился:

— Кошмарный день! Слава богу, что все позади. А ты-то как здесь очутился?

— Из кабака ехал, вдруг тебя вижу, вот и остановился.

Мчавшаяся навстречу машина вильнула вправо и едва не воткнулась в стенку дома. Ошеломленный водитель проводил Куприянова проклятиями. Быстрицкий обернулся, чтобы посмотреть, все ли обошлось, и вдруг увидел на заднем сиденье черный плащ и кепку. Точно такие же, как у того человека, который, судя по всему, подстерегал Быстрицкого в подвале...

— Твой плащ? — с замиранием в голосе спросил он.

— Да, — удивленно отозвался Куприянов. — Нравится? Из Афганистана привез. Там все копейки стоит. Хочешь, устрою командировочку в Кабул? Знатно отоваришься. У меня там надежные контакты, отведут к хорошим людям. Дубленку привезешь и себе, и жене.

— Нет, нет, мне плащ не нужен, — отказался сразу насторожившийся Быстрицкий. — А куда мы, кстати, едем? Я что-то этих мест не знаю.

— Отличное местечко, — загадочно ответил Куприянов, — которое никто, кроме избранных, не знает.

Они зашли в полупустое кафе. Не глядя в меню, Куприянов распорядился:

— Бутылку коньяка. Армянский есть?

— Конечно, — кивнул официант.

— Собери холодную закусочку, лимончик обязательно. Неси быстренько. Горячее потом закажем.

Бутылка и лимон появились мгновенно. Отослав официанта, Куприянов сам разлил коньяк по рюмкам и произнес:

— Давай выпьем за тебя, за то, что ты сегодня, несмотря ни на что, живым остался. Хороший ты парень, Олег. Я даже рад, что ты не погиб. — И вдруг неожиданно весело добавил: — А если бы погиб, — я бы заработал на твоей смерти.

— Это как? — недоверчиво спросил Быстрицкий.

— Я тебя дополнительный груз попросил доставить, верно?

— Да, и я свои обязательства выполнил.

— И груз, прямо скажу, бесценный, — пьяно рассмеялся Куприянов. — Я на таможне в тот день дежурил, чтобы все прошло, как по маслу. А рассчитаться с тобой еще не успел. Если бы ты сегодня погиб, то и не с кем было бы рассчитываться, понял? И эти денежки у меня бы остались. Тем более, тут какие-то сволочи у нас большой кусок перехватили... Сейчас ищем.

Быстрицкому вдруг пришло в голову, что его друг Куприянов и в самом деле неплохо бы заработал на его смерти. И чем дольше он смотрел на Юрия, тем больше проникался этой мыслью.

«А черный плащ и кепка, которые оказались в машине Куприянова?.. И что он вообще делал в столь поздний час возле больницы? Подждал меня? Позвонил в милицию, там назвали номер больницы. Узнал, что я выжил, и пришел добить», — пронеслось у него в голове.

В этот момент к их столу подскочила шумная цыганка, веселившая немногочисленную публику:

— Давай, красавчик, погадаю тебе. Только ручку позолоти. Не хочешь? Большие у тебя будут неприятности, предупреждаю. Лучший друг предаст, жена изменит... Лучше позолоти ручку, красавчик!

Быстрицкий отмахнулся от нее и резко поднялся с места.

— Ты куда? — спросил Куприянов.

— В туалет.

— Давай, нужное дело, понимаю тебя по-человечески.

Но Олег не пошел в туалет, а сразу направился в холл, подбежал к гардеробу, буквально вырвал из рук швейцара свою куртку и выскочил на улицу. Поймав «левака», сел в машину и назвал адрес. «Жигули» остановились у арки, и он, достав из кошелька деньги, расплатился с водителем.

Подойдя к дому, Быстрицкий поднял глаза и увидел, что все окна его квартиры светятся. Лифт был занят, и пришлось подниматься на третий этаж пешком. Тем временем лифт продолжал спускаться, и как раз с третьего этажа. Перегнувшись через перила, он попытался рассмотреть, кто же из него вышел, но внизу лишь на мгновение мелькнула фигура в черном плаще и кепке. Олег испуганно замер, но решил, что ему показалось. Подойдя к своей двери, позвонил, и тут же на лестничную площадку стремительно вылетела жена с чужим портфелем в руках.

— Костя! А портфель-то забыл! — начала она и осеклась, увидев мужа.

Быстрицкий молча смотрел на нее. Общего знакомого по имени Костя у них не было. Значит, человек в черном плаще и кепке действительно вышел из его квартиры. И что он, интересно, здесь делал?

— А Костя — это кто? — преувеличенно любезно поинтересовался Олег, стараясь держаться как можно спокойнее.

— Боже мой, Олежек, наконец-то ты вернулся! — Жена попыталась его поцеловать, но он уклонился от ее объятий. — Что-то случилось? Я себе места не нахожу.

— Вижу, как ты меня ждала, — медленно проговорил он. — Так кто такой этот Костя, который в мое отсутствие приходит к моей жене? Я думал, это только в плохих анекдотах случается.

— Это сантехник, он нам все краны привел в порядок, — пробормотала она и попыталась сменить тему: — Ну, что ты здесь стоишь? Раздевайся и пойдем на кухню. Я тебя покормлю, ужин на столе.

Быстрицкий, не раздеваясь, прошел в спальню и увидел, что кровать расстелена. Заглянул в ванну, где явно только что кто-то мылся, большое банное полотенце было мокрым, зеркало — запотевшим. А в кухне на столике сохранились остатки ужина на двоих. Жена стала лихорадочно расставлять чистые тарелки, сметая мусор в ведро и засовывая грязную посуду в мойку.

— Так кто этот Костя? Мужу хотелось бы знать.

— Ты же знаешь, в каком состоянии у нас вся сантехника и в ванной, и на кухне. И я позвала мастера.

— Что мастер, это я понял. И не в силах устоять перед этим мастером, ты, проводив меня, ложишься с ним в постель, — усмехнулся Быстрицкий.

В этот момент раздался телефонный звонок. Жена подняла трубку.

— Да, — прерывающимся от слез голосом сказала она. — Он здесь, нашелся... Да... Нет, все в порядке... Да...

— Он что, сейчас вернется? — напрягся Олег.

— Да, он забыл свой портфель! — выкрикнула жена. — Вот и звонит из телефона-автомата. Заберет его и уйдет. Только не надо устраивать скандала. Ничего такого не было, клянусь тебе!

Но Быстрицкий уже не слушал ее, схватил свою куртку и бросился вон из квартиры.

— Куда ты, Олег? — раздался вслед испуганный голос жены.

Он выбежал на улицу и сразу увидел подъехавшую к дому «Волгу», из которой вышел уже виденный им человек в черном плаще и кепке, а вслед за ним и еще кто-то.

— Костя-то явился с подкреплением, — пробормотал Олег. — В одиночку он, видно, только цветы приносит, — и быстрым шагом двинулся подальше от дома.

Мимо проехала еще какая-то машина, в которой сидела шумная компания, притормозила почти рядом с Быстрицким, и из нее выскочила давешняя цыганка.

— Ну что, красавчик? — бросилась она к нему. — Больно ты грустный, я вижу. Исполняются мои предсказания? Изменила тебе жена с лучшим другом? Точно? А я тебя предупреждала! Позолоти ручку, красавчик, пока не поздно, я тебе еще погадаю. Не пожалеешь.

Быстрицкий вырвал руку, быстрым шагом двинулся в другую сторону.

— Пожалеешь, ох горько пожалеешь! — кричала ему вслед цыганка. — Лучше бы не был таким скупым. К другой женщине идешь, вижу, надеешься на нее, и зря, она тоже тебе изменит. Женщины скупых не любят.

Олег вздрогнул, поднял руку, и перед ним остановился старенький «жигуленок».

— В Митино довезешь?

— Пятерка, — буркнул водитель, — а то мне не по дороге.

— Согласен, — обреченно кивнул Быстрицкий, захлопывая за собой дверцу.

Он вышел возле новой высотки, поднялся на двенадцатый этаж, открыл дверь своим ключом и, войдя в прихожую, крикнул:

— Света!

Никто не откликнулся, хозяйка отсутствовала. Это его несколько не смутило. Он чувствовал себя здесь, как дома. Включил свет и привычным жестом положил ключи на полочку.

Год назад Света протянула ему эту связку со словами:

— Олег Алексеевич, вы можете приезжать сюда, даже когда меня нет. Просто когда захотите отдохнуть...

Олег сбросил куртку, умылся и прошел на кухню. Включил чайник, вытащил из холодильника миску с салатом, с жадностью набросился на еду.

Зазвонил телефон, и после третьего гудка включился автоответчик — импортный, который он сам привез. Записанный на пленку низкий, волнующий голос Светы произнес:

— К сожалению, я сейчас не могу ответить. Если вы хотите оставить сообщение, говорите после сигнала...

— Все пошло не так, как мы предполагали, — слышался за этим грубый мужской голос. — Он все еще жив, сволочь. Наверняка или придет к тебе, или позвонит. Обязательно зови к себе! А я сейчас приеду. Никуда не уходи!

Миска с салатом выпала из рук Быстрицкого. Он схватил свою куртку и ринулся из кухни. В прихожей на полке с книгами увидел фотографию, которой здесь раньше не было. Рядом с его любовницей стоял какой-то мужчина.

— Так вот оно что, — пробормотал Быстрицкий.

Он узнал этого человека! Это был автомеханик, которого ему рекомендовала Света!

Они лежали в постели, и он, как всегда, жаловался на всевозможные бытовые неприятности, а Света умелыми руками массировала ему спину.

— И машина опять барахлит, — перечислял Олег. — Представляешь себе, купил в министерстве новенькую, по списку, и каждый день сюрпризы. Вчера намертво заглохла посередине дороги. Меня в правительстве ждут, а я с места сдвинуться не могу. Вокруг все гудят... Думал, с ума сойду!

— Олежек, — сказала Света, — муж моей подруги — замечательный автомеханик, кудесник. Я могу с ним сговориться, и он все сделает, как для себя. И недорого.

Они вдвоем поехали в автосервис. Света села за руль, сама загнала машину в бокс и обо всем договорилась. Вышла только за деньгами. Быстрицкий остался на улице и наслаждался холодным осенним солнцем. Через полуоткрытую дверь он лишь мельком увидел этого автомеханика, разговаривавшего со Светой. Механик посмотрел на него, засунул деньги в карман, не считая, и согласно кивнул...

Теперь Быстрицкий отчетливо вспомнил эту картину. И все стало на свои места.

— Так это он и вывел из строя тормозную систему! — проговорил он вслух. — Ну, спасибо тебе, Светик-Семицветик, за любовь, за ласку!

Олег выскочил на улицу и бросился подальше от злополучного дома. Когда он оглянулся, из подъехавшей машины вылезал уже знакомый

человек в черном плаще и кепке, и по спине у него пробежали мурашки. Увидев телефонную будку, Быстрицкий вытащил бумажку, на которой следователь Козлов записал свой номер.

— Козлов слушает, — сразу же ответил следователь.

— Это Быстрицкий.

— Кто-кто? — равнодушно переспросил тот.

— Быстрицкий Олег Алексеевич. Вы приходили ко мне в больницу, когда я попал в аварию.

— Ах да, помню.

— Так вот, товарищ следователь, — начал Быстрицкий, — я точно знаю, кто...

Но Козлов быстро прервал его:

— Хорошо, что позвонили, гражданин Быстрицкий. Мы должны перед вами извиниться. Ошибочка вышла.

— Какая ошибочка?

— Тормозная система не в вашей машине была повреждена, а в другой, — объяснил следователь. — Понимаете, та же марка, и тоже попала в аварию в один день с вами. Обе к нам пригнали, а эксперты новенькие, неопытные, бумаги спутали. Так что можете не волноваться.

— Выходит, никакого покушения не было? — не веря своим ушам, переспросил Быстрицкий. — И меня никто не хотел убивать? Это точно?

— Точнее не бывает, — рявкнул в трубку Козлов. — Повторяю, ошибочка вышла. Спутали государственные номерные знаки. Я экспертам выволочку сделал, обещал премии лишить... Так что выздоравливайте. И не нарушайте правила уличного движения!

— Я и не нарушаю, — весело произнес Быстрицкий, но следователь Козлов уже повесил трубку.

Олег растерянно посмотрел на нее и повесил на рычаг. Затем медленно разорвал записку с милицейским телефоном на мелкие кусочки и набрал номер Светы.

— Олежек, куда же ты пропал? Я тебя неделю не видела. Приходи немедленно. Я так соскучилась! — радостным голосом воскликнула она.

— А ты никого в гости не ждешь? — автоматически спросил Быстрицкий. — Нам никто не помешает?

— Ко мне заходил муж моей знакомой, автомеханик, может, ты помнишь? Он тебе машину ремонтировал. У них собака очень старая, заболела. Попытались ее усыпить, но ничего не получилась. А у меня же мама — ветеринар... Но он уже ушел.

— Светик-семицветик, я сейчас буду! — не дослушав, проговорил Олег и повесил трубку.

Настроение сразу улучшилось. Все его подозрения развеялись как дым.

«Боже мой, что я сегодня себе напридумывал! — перечислял он себе свои грехи. — Поссорился с лучшим другом. Дома наскандалил, жену обидел. Хорошо, хоть со Светкой не успел порвать...»

Вдруг около него остановилась знакомая машина с шумной компанией, которая продолжала веселиться, и из кабины вытолкнули ту же цыганку. Быстрицкий испуганно отшатнулся. Но в этот раз она не обратила на него никакого внимания. Более того, начала на его глазах разоблачаться, стащила с себя шаль, сняла парик — и... оказалась мужчиной.

— Так ты не настоящая цыганка? — удивленно протянул Олег.

— А ты что, поверил? Я же артист. Это у меня номер такой. Не ахти, конечно, но деньги платят, и за то спасибо, — ответил парень и побрел в сторону метро.

— Ну, ты и разыграл меня, — рассмеялся Быстрицкий. — Я ведь чуть было не поверил в твои предсказания!

Он шел неторопливым шагом, наслаждаясь свежим осенним вечером. Все напряжение последних дней разом покинуло его. Он даже напевал что-то невнятное. И не заметил, как сзади зажглись фары, и из темноты возникла темная машина. Она разогналась почти бесшумно, и когда Олег почувствовал неладное, было уже поздно.

Машина со всей скорости ударила его сзади. Он сначала взмыл вверх, а потом рухнул на асфальт, прожив еще несколько минут. Машина исчезла в темноте так быстро, что никто не успел разглядеть лицо человека в черном плаще и кепке, сидевшего за рулем.

Глава тринадцатая

Афины. Кабинет Кристины Оазис

Охранник распахнул перед ней дверь, и уверенная в себе Кристина стремительно вошла в свой кабинет. Бросила сумочку на журнальный столик. Замерла у зеркала, чтобы внимательно посмотреть на себя. На письменном столе звонили и мигали красными лампочками сразу два телефонных аппарата. Она подняла трубку одного из них и коротко бросила:

— Я помню! Сейчас буду.

И вдруг услышала какой-то шум. Недоуменно обернувшись, заметила, что дверь, ведущая в ее личные апартаменты, почему-то не заперта. Кристина распахнула ее и вошла в комнату.

Удобные кресла, диван, холодильник. Бутылки, фрукты и конфеты на сервировочном столике... На стене два больших портрета: отца и брата.. Под каждым должен был гореть светильник. Но портрет Александра странно скособочился, потухший светильник валялся на полу. Проходя, небрежно смахнули?

— Кто здесь? — громко спросила Кристина и прошла дальше.

Справа небольшая кухня, слева — ванная комната с туалетом. Коридор вел к двери. Это был черный ход. Дверь должна быть заперта, но она была открыта.

Кристина пришла в бешенство и орала на своих помощников:

— Здесь кто-то был! Вы кого впустили в мой кабинет? Да это же мог быть вор, убийца, насильник!

Помощник развел руками:

— Это невозможно! В приемной всегда кто-то дежурит, — развел руками помощник.

— Я сам до вашего прихода здесь все осмотрел, проверил. Дверь была закрыта, — поддержал его охранник.

— Если здесь не было чужих, может, кто-то из вас шарил в моих вещах? Что вы там искали?

— Госпожа Оазис, как вы могли такое предположить! — побледнел помощник. — Я служу вам столько лет...

В разговор вмешалась секретарь:

— Вечером из хозяйственной службы приводили человека ремонтировать кондиционер. Сказали, система барахлит... Но дежурный за ним присматривал. Так это было вчера... А сегодня с утра все было в полном порядке. Я тоже заходила, подливала масла в светильники.

— Цветы свежие поставили... — добавил помощник.

Кристина ничего не ответила. Молча оглядев помощников, она вернулась в своей кабинет, громко хлопнув при этом дверью.

— Ей теперь все время что-то мнится... — вздрогнул от звука помощник.

— После того как брата убили... — покачала головой секретарь.

— А кто же светильник уронил? — недоуменно спросил охранник.

— Сама и уронила, — заключил помощник. — Ты же видишь, как она носится?словно ураган, все сметая на пути...

А Кристина тем временем все никак не могла успокоиться. Вернувшись в личные апартаменты, снова подошла к портретам отца и брата, поправила их и прошептала:

— Вас нет, и некому меня защитить.

Афины. Дом господина Ксантоса, главного экономиста компании Кристины Оазис

Монтер, стоя на коленях, старательно возился с телефонным аппаратом. Завершив работу, поставил аппарат на место. Тем временем пожилая домоправительница расправила запутавшиеся шторы.

— Все в порядке, телефон прекрасно работает, — довольно проговорил монтер. — Звоните на здоровье. И передайте господину Ксантосу, чтобы и в следующий раз он сразу обращался в нашу компанию. Мы гарантируем первоклассное обслуживание.

Домоправительница проводила его до дверей:

— Меня он даже не предупредил.

— Понятное дело, господин Ксантос — очень занятой человек, — понимающе кивнул монтер.

К дому подъехал кабриолет. Водитель одной рукой рулил, а в другой держал высокий пластиковый стакан с кофе и с кем-то оживленно разговаривал по мобильному телефону:

— Ненавижу, когда меня подгоняют. А то я не помню, что Кристина меня ждет! Сейчас переоденусь и еду.

Ксантос подхватил сумку — из нее выглядывала теннисная ракетка — и вошел в подъезд, где столкнулся с монтером, который равнодушно прошел мимо. Пожилая домоправительница поспешила его порадовать:

— Телефон починили, господин Ксантос.

— А что с ним случилось?

— Разве вы не вызывали мастера из телефонной компании? — удивленно ответила домоправительница.

— С какой стати?

Он сбросил спортивную куртку, подошел к платяному шкафу и, открыв его, стал выбирать из множества костюмов, висевших на плечиках... Вдруг раздался телефонный звонок, и Ксантос недовольно пробурчал:

— Что я им всем вдруг сразу понадобился?

Милый женский голос любезно осведомился:

— Господин Ксантос?

— Да, это я! Что нужно? — нетерпеливо ответил он.

И тут в комнате раздался взрыв.

Взрывное устройство было вмонтировано в телефонный аппарат.

Стоявший возле дома монтер подошел к кабриолету и по-хозяйски взял с сиденья оставленную Ксантосом папку с документами. Затем уселся в свой микроавтобус, припаркованный неподалеку, завел двигатель. Когда

он отъехал, видно было, как ярко полыхает пламя в окнах одной из квартир. Занялись шторы, заботливо повешенные домоправительницей...

Вилла Кристины

Охранник у ворот остановил микроавтобус. Сидевший за рулем монтер протянул свои документы. Охранник внимательно их изучил.

— А саму Кристину Оазис я увижу? — спросил водитель.

— Проезжай, — вернув ему документы, махнул рукой охранник.

Ворота открылись.

Перед входом в дом стоял другой охранник.

Монтер вылез из машины, прихватив чемоданчик, и обратился к нему:

— Показать?

Охранник лениво кивнул.

Монтер раскрыл чемоданчик, который был забит инструментами. Его отвели в спальню Кристины. Пока он неспешно возился с неисправным кондиционером, третий охранник наблюдал за ним с каменным выражением лица.

— Правильно, что вовремя к нам обратились, — говорил словоохотливый монтер. — За кондиционером надо следить. Если его не чистить, там заводятся всякие микробы. Можно, бог знает чем заразиться и даже умереть. Читал в газетах про болезнь легионеров?

На пол полетел мусор. Охранник скривился, вышел из комнаты, но тут же вернулся, ведя за собой слугу. Тот притащил пылесос и стал убирать мусор, оставшийся после ремонта.

Монтер сложил инструменты, посмотрел на охранника и заметил:

— Тебе надо больше бывать на свежем воздухе. А то лицо усталое, бледное.

Вечером к Кристине прибыла большая компания. Веселились напропалую. Выпивка исчезала буквально на глазах. Один из подвыпивших гостей поднял пустой бокал:

— Кристина, шампанское кончилось!

— Надеюсь, ты не прогуляла все папины денежки и выставишь еще пару бутылок? — подхватила его подруга.

— Где шампанское? — подозвала Кристина слугу.

— Уже несут!

Первая пробка взлетела в воздух.

— Пейте, сколько хотите! — обратилась она к гостям. — А завтра едем кататься на яхте! Вы знаете, что мне принадлежит самая большая яхта в мире?

Появился помощник и стал что-то шептать ей на ухо.

— Ничего не слышу! Говори громче! — поморщилась Кристина.

— Господина Ксантоса убили! Взорвали в собственном доме! — прямо ей в ухо выкрикнул помощник.

Кристина бросилась в туалет. Ей стало плохо. Она без сил склонилась над раковиной. Ее буквально выворачивало наизнанку.

Тем временем пьяные гости разбрелись по всей вилле. Одна из девушек открыла дверь туалетной комнаты, но, увидев, в каком состоянии хозяйка виллы, поспешно ее закрыла и обратилась к стоявшему рядом приятелю:

— Ты говорил, что тебе нравится Кристина?

— Не она, а ее деньги.

— Хорошо, что ты ее сейчас не видел. Ты бы не стал с ней ни за какие деньги...

— Да, я слышал, что она сидит на антидепрессантах. И вроде даже наняла медсестру, которая колет ей всякую гадость.

— Ага, после первой попытки покончить с собой.

Тем временем за неплотно прикрытой дверью раздавались крики гостей:

— Кристина, куда ты запропастилась?

— Мы идем купаться в твой бассейн! Давай с нами!

Кристина вернулась в свою комнату и, захлопнув дверь, заперлась изнутри.

Здесь тоже висели портреты отца и брата, и она зашептала, словно обращаясь к Александру:

— Ты же помнишь Ксантоса. Мы дружили с детства... Я могла ему доверять. И они это знали. Я думала, богатство делает жизнь райской.

Затем подошла к туалетному столику, открыла ящик, вытащила из него упаковку с таблетками и вытряхнула на ладонь сразу несколько пилюль.

— Господи, как так получилось, что я осталась совсем одна?

— Госпожа Оазис? Кристина, где вы? Мы приехали и ждем вас, — донесся до нее чей-то громкий голос.

Она вытерла слезы. Посмотрела на таблетки в своей руке, положила их на столик и с высоко поднятой головой вышла из спальни, плотно прикрыв за собой дверь. Она уже не была похожа на ту несчастную женщину, которая только что рыдала.

Ее голос вновь звучал властно:

— А вы где?

И вдруг в спальне, из которой она только что вышла, раздался громкий взрыв. Оглушенная Кристина медленно сползла по стене на пол. Но не успела упасть. Появились охранники, помощники, прислуга. Ее подхватили

и унесли подальше от места взрыва. В ближайшей комнате уложили на диван.

Кристина открыла глаза:

— Я жива?

Глава четырнадцатая

КГБ. Главное управление контрразведки

Глазов с удивленным выражением лица вошел в кабинет Игнатенко:

— Вызывали, товарищ генерал?

— Ты когда улетаешь в Афины? — спросил генерал.

— Сегодня вечером.

Игнатенко встал из-за стола и прошелся по своему огромному кабинету.

— Вот какая информация попала мне на глаза, — заговорил он. — Некая боевая группа нацелилась на нашу общую подругу в Афинах. Данные, конечно, не совсем точные... Но все-таки. Она послезавтра пойдет в церковь — поминать погибших родных. А когда выйдет, террористы взорвут припаркованную рядом машину...

Правила конспирации для влюбленных

Он устроился в своих «Жигулях» наискосок от подъезда. Отсюда ему были видны все, кто входил и выходил из дома. Внезапно в стекло постучали, и к окну склонился забулдыга с трехдневной щетиной:

— Помоги, друг. Поправиться с утра надо. Голова гудит, как котел. Дай хоть полтинник, я пивка возьму.

— Пошел вон! — прошипел водитель. — А то вылезу, рога пообломаю!

— Понял, — буркнул забулдыга, — пивом не угостишь. — Отойдя за машину, схватился за голову: — Господи, голова прямо раскалывается! Лучше бы я умер маленьким!

За рулем «Жигулей» сидел офицер службы наружного наблюдения. Объектом наблюдения был подполковник Сергей Глазов.

Ровно месяц назад поздним вечером Кристина Оазис неожиданно позвонила ему в Москву и сразу выпалила:

— Я соскучилась!

— Что-то случилось? — испуганно спросил Сергей.

— Да, я в тебя влюбилась. Почему нельзя быть без ума от тебя?

— Я тоже скучаю. Могу спросить, как ты поживаешь?

— Спрашивай. Только имей в виду, что я стараюсь выглядеть как можно лучше в своих ответах, но ведь это для того, чтобы нравиться тебе, а значит, дороже любой правды. Между прочим, я о тебе ничего не знаю, а мне бы хотелось. Я тебя только чувствую. Но этого мало.

— Я о тебе постоянно думаю, — признался Глазов.

— Как, по-твоему, могу я уже закрыть глаза и попытаться представить, как ты меня целуешь? — спросила Кристина. — Или лучше пока не начинать? А, может, ты просто приедешь ко мне? Или хочешь — я примчусь к тебе? Прямо сейчас?

— Ты ни о чем не беспокойся, — попытался успокоить девушку Сергей.

— Я не о себе беспокоюсь, — ответила Кристина. — Моего отца и брата уже убили. Я о тебе думаю...

Никто не мог предположить, что Кристина Оазис отзовется на приглашение Сергея Глазова и прилетит в Москву. Но после второго взрыва ей стало страшно. Увидев ее в аэропорту, Сергей вздохнул с облегчением: теперь она в безопасности.

Но что будет с ним самим?

Ему пришлось уйти из семьи и из дома. Он снимал квартиру. Вокруг него внезапно опустело. Даже самые близкие друзья словно испарились. Они боялись общаться с человеком, за каждым шагом которого следили.

Молодого человека в кепке Глазов заметил, когда заходил к Кристине — она обосновалась в гостинице. Владелец кепки обшаривал глазами каждого, кто поднимался на этаж, где находился ее номер. А потом Сергей увидел его в коридоре на Лубянке. Схватил за руку и отвел в сторону:

— Ты что за мной ходишь? Кто приказал?

— Тебе показалось, — ответил тот, вырвал руку и быстрым шагом пошел по коридору.

Коллеги в упор не замечали Глазова. Встретив в коридоре или в служебной столовой, те, кто постыдливее, озабоченно отводили взор, остальные равнодушно скользили по нему взглядом, даже не делая попытки поздороваться.

Опала страшнее проказы. Решительно никто не желал оказаться рядом с ним. А вдруг кто-то доложит о странном интересе к сомнительному сотруднику? О чем это они беседовали? Прогуливались вместе... А с какой целью? Уж не группа ли сколачивается?

Его квартира находилась под наблюдением. Сергей предполагал, что и телефон прослушивался. А ведь именно по этому телефону он вел долгие беседы с Кристиной.

Глазов знал девушек, которые трудились в 12-м отделе КГБ, подчинявшемся непосредственно председателю. Это лишний раз подчеркивало важность 12-го отдела, поскольку напрямую на Андропова выходила только разведка, Девятое управление (охрана высшего руководства страны), инспекция и секретариат.

Контролеры 12-го отдела владели стенографией и машинописью, их учили распознавать голоса прослушиваемых лиц. Не мог же он подойти к ним в столовой и дружески попросить, чтобы они не записывали его беседы с Кристиной Оазис!

Свидания с Кристиной походили на хорошо организованную чекистскую операцию. Вот уж не думал Сергей Глазов, что полученные в спецшколе навыки конспирации и ухода от слежки понадобятся ему для того, чтобы увидеться с любимой без присмотра чужих глаз. Ему нечего было скрывать, но совсем не хотелось, чтобы за ним наблюдали в лучшие минуты его жизни.

Отправляясь на встречу, он проверялся — не идут ли за ним коллеги из «наружки». И внимательно следил, не увязался ли «хвост» за Кристиной. Однажды ему показалось, что за ней кто-то следует, и он быстро провел ее через две подворотни, известные только местным жителям. Если за ними и пытались следить, то потеряли их из виду. Для встреч Глазов выбирал укромные уголки города, где их с Кристиной никто не мог видеть.

— Кристина, можешь мне не верить, но я еще не встречал такой красивой женщины, как ты. Родители наделили тебя особой красотой. Ты меня буквально околдовала. — Сергей поддержал ее под руку на выщербленных ступеньках лестницы и серьезно спросил: — А ты веришь в любовь с первого взгляда?

— Никогда об этом не думала.

— Когда я тебя вижу, то понимаю, что любовь с первого взгляда существует. Я влюбился в тебя по уши. Что мне теперь делать? — покачал он головой.

— Не знаю, — рассмеялась Кристина.

— Нет, ты не можешь остаться равнодушной к страданиям другого человека, — развеселился и Сергей. — Ты тонкий, нежный человек. Представляешь, я же могу погибнуть от неразделенной любви.

И они оба дружно расхохотались.

Служба прослушивания телефонных разговоров и аппарат наружного наблюдения фиксировали, что офицер КГБ Сергей Глазов поддерживает связь с иностранкой Кристиной Оазис.

Сводки поступали заместителю председателя Комитета госбезопасности по кадрам. Натолкнувшись несколько раз на фамилию своего подчиненного, зампред насторожился. Мало того, что элементарный инстинкт самосохранения должен был заставить подполковника Глазова за версту обходить опасную иностранку, он еще получил прямой приказ прекратить связь с Кристиной Оазис!

Последовал новый вызов к зампреду. Сергей Глазов вошел в кабинет, отрапортовал, как положено:

— Товарищ генерал-полковник, по вашему приказанию...

Генерал не скрывал своего недовольства:

— Тебя предупреждали, чтобы ты прекратил встречи с этой Оазис?

— Предупреждали.

— Почему не выполнил указание? Выбирай: или она, или служба.

Слова зампреда звучали угрожающе. Глазов не потерял присутствия духа. Объясняя свои поступки, говорил ровно и спокойно:

— Как я понимаю, товарищ генерал, относительно моей служебной деятельности у вас замечаний нет. А что касается личной жизни... Я люблю эту женщину. И она меня любит. Как я могу ее бросить? Это не укладывается у меня в голове. Что мне ей сказать? Что я ее не люблю? Это не так, она знает... Что у нее есть недостатки, которые не в силах терпеть? И это не так... Так что же, признаться: я бросаю тебя, потому что таков приказ?

Заместитель председателя Комитета не ожидал такого откровенного разговора. Возразить было нечего. Но нельзя же позволить Глазову встречаться с иностранкой, которую разрабатывает его же ведомство!

Он пожал плечами и неопределенно произнес:

— Ну, сам решай, как тебе поступать. Но твоя работа в чекистском аппарате под вопросом.

КГБ. Кабинет председателя

— Все спросят, что Кристина Оазис в нем нашла? — рассуждал Андропов, обращаясь к генералу Игнатенко. — Что думаешь? Это сумасбродство самой богатой женщины в мире? Русский мужик как экзотика?

— Нет, дело совсем в другом, — не согласился генерал. — Они оба, обратите внимание, Юрий Владимирович, не писанные красавцы. И у нее, и у него — трудная судьба, в которой не хватает любви. Одна одинокая душа встретила другую. И зацепились друг за друга. Такое чувство может быть очень сильным. — Игнатенко немного помолчал, задумавшись, а потом добавил: — Но, вполне вероятно, не долгим.

— Иначе говоря, шанс есть. Но решать надо сейчас, — подвел итог Андропов.

Кремль. Кабинет Брежнева

В кабинет Брежнева вошел председатель КГБ Андропов, держа в руке тоненькую папку. Леонид Ильич оторвался от бумаг и с нарочитым недовольством произнес:

— Вы меня все так нагрузили, что даже хоккей некогда посмотреть.

— Леонид Ильич, вы сами установили для себя такой тяжелый режим, — усаживаясь за стол, заметил Андропов. — Мы же всякий раз на Политбюро говорим, что вам надо больше отдыхать.

— Как я могу отдыхать, когда в экономике проблема на проблеме? — возразил Брежнев. — Но вот с нефтью все получается. Перспективы, судя по всему, невероятные. Ситуация и с бюджетом, и с внешней торговлей изменятся радикально. Поэтому считаю, надо принимать решение по Кристине Оазис и Глазову. Я только что говорил с Громыко. Он считает: пусть женятся. Ну, я не возражаю.

Вот так все в один день изменилось! Сергей Глазов, конечно, не знал, что жениться на Кристине Оазис ему разрешил сам Леонид Ильич Брежнев. Но понял, что претензий к нему больше нет. Напротив, выяснилось, что его свадьба с Кристиной — важное государственное дело, и сам он исполняет задание Родины.

Коллеги его поздравляли. Не без зависти. Высокие начальники с генеральскими погонами, прежде его не замечавшие, разговаривали с ним преувеличенно любезно.

Сергея вызвал к себе Игнатенко, даже прислал за ним машину.

— Меня все спрашивают, как это Глазов сумел так понравиться Кристине Оазис? Чем приманил самую богатую невесту в мире? Простой парень с рабочей окраины... Пусть поделится секретом.

— Вопрос не по окладу, товарищ генерал... — усмехнулся Сергей.

— Ты тогда сказал Кристине, что у тебя сестра погибла. Извини, но я не знал о твоей сестре...

— У меня нет сестры, — ответил Глазов. — Я один у родителей.

— А Кристина не проведает, что ты, мягко говоря, ввел ее в заблуждение?

— Нет, — твердо ответил Глазов.

Игнатенко тут же сменил тему и стал рассказывать, что установлены два маршрута доставки наркотиков. Один из Афганистана, в гробах по-

гибших солдат и офицеров, другой — на танкерах компании Кристины Оазис.

— О чем твоя будущая жена и не подозревает, — добавил он. — Порошок засыпают в пластиковые пакеты, которые в гостинице кладут под матрас. Ложатся на него и долго утрамбовывают. Потом пакет — под рубашку, и летят в разные города. А оттуда курьеры уже на поезде доставляют товар в Москву.

— Я и не подозревал, что речь идет о таких масштабах, — заметил Глазов. — Ларри Андерсон, который первый сообщил о доставке наркотиков на танкерах, тоже этого не знал.

— Очень важную роль сыграл твой друг Пшеничный, — сказал генерал. — Он дал нам важные ниточки. Сейчас начнем брать главных фигурантов дела. С помощью Пшеничного. Мы его вызвали в Москву.

Глава пятнадцатая

Путешествие в поезде

Пассажиров в вагоне было немного, и к ночи проводник успел основательно надраться. Когда Куприянов заглянул к нему, тот держал в руке граненый стакан и, глядя на свое отражение в окне, напевал что-то невнятное. Куприянова он встретил как родного:

— Садись, друг. Выпьешь?

— Не откажусь, — потирая руки, ответил Куприянов, хотя пил очень редко и лишь в случае крайней необходимости.

Проводник привычно полез за бутылкой под стол, но она оказалась пустой. Его разочарованию не было предела.

— Видимо, разлилась, — выдавил он из себя.

— А больше взять негде? — деловито спросил Куприянов.

— Надо идти в вагон-ресторан, — грустно заметил проводник.

— А не поздно?

— С деньгами всегда можно, — нравоучительно проговорил проводник, и тут его лицо приняло загадочное выражение.

— Понял, — кивнул Куприянов, — добавлю.

Он вытащил из бумажника несколько купюр и протянул проводнику. Тот страшно оживился, схватил форменный китель и двинулся в коридор.

— Подожди, — остановил его Куприянов, — куртку надень, холодно уже.

Он забрал у проводника фирменный китель и помог надеть теплую куртку.

— Порядок, — пробормотал проводник и исчез.

Куприянов взял чистый стакан, налил в него чай и, оглядевшись, добавил в стакан немного белого порошка из пузырька, который тут же спрятал в карман. Накинул китель проводника и пошел по коридору. Дошел до третьего купе, громко постучал и открыл дверь:

— Чай заказывали?

Поезд пришел в Москву рано утром.

Куприянов вышел на перрон одним из последних. Когда он проходил мимо вагона, в котором накануне разносил чай, то увидел, как из двери санитары выносят на носилках чей-то труп. Милиционер, держа в руке паспорт, записывал в протокол данные скончавшегося:

— Так, фамилия — Пшеничный... Смотри-ка, тоже в милиции служил...

Рядом суетился давешний проводник в кителе. Лицо у него после выпивки и бессонной ночи было помятым. Куприянова он, разумеется, не узнал.

На привокзальной площади Куприянов позвонил из телефона-автомата. Услышав знакомый голос, коротко доложил:

— Вопрос решен.

— Следующий — твой друг детства Сергей. — раздалось в ответ.

— Помню, — ответил Куприянов.

Надпись на память

Куприянов проснулся и долго не мог понять, где он находится и как сюда попал. Он лежал на кровати. Без одеяла. Полураздетый. В комнате с окнами без занавесок. За окном послышались чьи-то шаги, и он замер: может, его затащили в бандитский притон, чтобы ограбить и убить?

Он с трудом поднялся. Голова кружилась, его мучило. Рядом с кроватью на полу валялась целая батарея опустошенной посуды.

— Господи, зачем же я так напился? И с кем?

Его одежда была разбросана по всей комнате. Он долго отыскивал носки и рубашку. Одеваясь, напряженно прислушивался к звукам за окном. Там определенно кто-то ходил и разговаривал.

— Надо отсюда выбираться и поскорее, — пробормотал Куприянов.

Держа в руке куртку, он, стараясь не шуметь, вышел из дома. Во дворе никого не было. Возле ворот стояла его машина. Он пошарил по карманам: бумажник, документы и ключи на месте. Слава богу, хоть ничего не украли. У него почему-то чесались спина и грудь. Поцарапался? Ладно, это все не страшно. Сейчас бы понять, что с ним было этой ночью.

Он сел за руль и вдруг увидел рядом на сиденье записку: «Ты был восхитителен! Целую. Мария». Так вот, с кем он провел эту ночь! Теперь он все вспомнил.

Накануне он торопился на дачу. Пшеничного он убрал, проблем не будет. Купил прекрасного вина и предвкушал славный вечер у камина. На дороге уже было темно, и он чуть не врезался в машину, стоявшую без габаритных огней. Выскочил с желанием высказать водителю все, что он думает о людях, которым лучше бы за руль не садиться... но возле спущенного колеса увидел уныло стоявшую очаровательную женщину, которую он, к тому же, хорошо знал. Мария, лучшая подруга его жены Кире.

Она растерянно смотрела на спустившее колесо, явно не зная, что предпринять. Куприянов просто не мог не утешить страдающую женщину. Тем более подругу жены, да еще такую красивую. Он предложил доставить ее в любое место. Но Марии нужна была ее машина. Тогда он съездил за автомехаником, который сменил колесо.

— Теперь я понимаю, почему Кира вышла за тебя замуж, — сказала Мария.

— А ты считаешь, я только на это гожусь? — спросил Куприянов, приглядываясь к работе механика.

— Насчет остального судить не могу, это только Кира знает, — кокетливо откликнулась Мария, — но ты надежный мужчина. Таких днем с огнем не найдешь.

— Ну, чтобы такая женщина, как ты, и не нашла себе достойного спутника...

Механик завершил работу, взял деньги и уехал.

— Как прикажешь расплатиться? — спросила Мария, подойдя к Куприянову вплотную.

От ее прикосновения у него перехватило дыхание, и он прошептал:

— Сама знаешь.

— Так ты же человек женатый. Неужели Кире не боишься?

— Как ты можешь думать в такую минуту о других людях, когда на самом деле сейчас на свете существуют только два человека — ты и я? — шептал Куприянов, чьи руки начали увлекательное путешествие по красивому телу.

— Ну, не на дороге же, — отстранилась Мария. — Тут в пятнадцати минутах дом моих родственников, у меня есть ключи. Поехали.

Дом был старый и обветшавший, но для Куприянова это не имело никакого значения. Он прихватил из машины две бутылки красного, они выпили, а потом она стала раздеваться. Они пили и любили друг друга, а потом он заснул. А когда проснулся, то не мог вспомнить, где находится...

Добрался Куприянов до своего дома уже под утро. Надо было все привести в порядок и хотя бы немного поспать, потому что утром должна приехать жена. Конечно, он и прежде никогда не отказывал себе в таких чудесных приключениях, но теперь не хотел рисковать.

Он отнес вино в погреб. Посмотрел на часы: Кира скоро приедет. Стащил с себя рубашку, подошел к зеркалу — надо же понять, почему у него

так чешутся спина и грудь — и не поверил своим глазам: на груди у него крупными буквами было написано: «Ты — прекрасный любовник».

Он повернулся к зеркалу спиной — то же самое. Схватил флакон одеколona, щедро плеснул на грудь и стал лихорадочно тереть, но надпись не стиралась. Попробовал горячей водой с мылом — буквы даже не бледнели. Выходит, Мария сделала ему татуировку. Подпоила и, пока он спал, оставила эту надпись. Решила, видимо, подгадать своей лучшей подруге.

Куприянов прекрасно понимал, что именно произойдет с ним, когда придет жена и увидит это «художество», поэтому тут же позвонил знакомому врачу:

— Слушай, я потом тебе все объясню... Как снимаются татуировки?.. Хирургическим путем? Спасибо.

Потом сообразил, что татуировка у него все-таки не совсем настоящая, кожа не болела, а только чесалась, видимо, Мария действовала каким-то современным безболезненным инструментом, следовательно, и с татуировкой можно будет легко расстаться.

Значит, главное — продержаться один день, а завтра он что-нибудь придумает. Проблема возникнет ночью, когда они с Кирой лягут спать. Может, сказать больным? Простудился, болит горло, поэтому приходится спать в чем-то теплом... Он отыскал в шкафу темную водолазку и натянул ее поверх майки. После чего как-то сразу успокоился и с удовольствием лег спать.

Жена приехала к полудню, когда он успел прекрасно выспаться.

— Я, видно, простудился. Горло ужасно болит, — пожаловался он Кире.

— Ах, бедненький, тебе надо пить теплое и полоскать горло, — посочувствовала она.

Кира вела себя как настоящий ангел. Старательно готовила ему полоскание, поила горячим чаем. После каждой чашки его прошибал пот, он утирался полотенцем. Кира предлагала ему переодеться, но Куприянов наотрез отказывался:

— В этой водолазке мне лучше всего, она шею закрывает.

Он сумел продержаться так до самого вечера. А перед тем как лечь спать, сказал жене:

— Я, наверное, лягу отдельно, чтобы тебя не заразить.

Кира презрительно посмотрела на него:

— Или потому что боишься показать надпись у себя на животе и на спине? — Она резким движением отставила чашку с горячим чаем. — Мне все известно. Мария позвонила и все рассказала. Она сочла необходимым извиниться передо мной, а ты нет. Я тебя еще перед свадьбой предупредила — мне муж-гулена не нужен. Собирайся и уходи! Собственно, собирать тебе и нечего, твоего здесь ничего нет. Ты же понимаешь, что

тебе придется все это мне отдать. Ты же не захочешь скандала. В Комитете тебе этого не позволят....

Только потом Куприянову пришло в голову, что Мария, судя по всему, оказалась в тот вечер на дороге не случайно. Она поджидала его. Кто мог ей сказать, когда и куда он поедет?

Его собственная жена.

Она вздумала его наказать...

Его охватило бешенство. Так с ним еще никто не поступал! Кира его плохо знает.

Шаги за спиной

Ровно в одиннадцать вечера Кира Куприянова вышла на прогулку с собакой. Сделала большой круг вокруг дома и вдруг услышала шаги у себя за спиной. Необычные шаги, тихие и осторожные. Человек словно крался за ней, не желая, чтобы она его заметила. Но в ночной тишине нельзя было скрыть даже легкого скрипа ботинок.

Она остановилась и посветила фонариком туда, откуда доносились шаги. Темная фигура метнулась куда-то в сторону, в кусты. Ее охватил такой безумный страх, что она сорвалась с места и побежала. Задохнувшись, остановилась на секунду и услышала топот догоняющего ее человека. Он был уже совсем близко. Кира схватила собаку за ошейник и закричала ей:

— Там чужой!

Обученная собака бросилась в темноту, а она включила фонарик. Узкий луч выхватил темный силуэт неизвестного, рывкнувшую на него собаку и блеск ножа. Пес прыгнул, и неизвестный ударил его ножом. Злобное рычание перешло в жалобный вой. В свете фонарика мелькнуло лицо неизвестного...

Развод — всегда трагедия. Но если муж с женой расходятся мирно, обо всем договорившись, это еще более-менее нормально. Но Куприянов только рассмеялся, когда она заговорила о разводе. Потом рассердился и холодно сказал:

— Я тебя скорее убью, чем отдам другому мужчине.

А когда ударил ее по лицу, она поняла, что его слова — не пустая угроза.

— Я все равно уйду от тебя, не стану с тобой жить! С меня довольно, — выкрикнула Кира.

Вместо ответа он вновь ударил ее. На сей раз так сильно, что она упала. Вот тогда она увидела его бешеные глаза и испугалась по-настоящему. На следующий день собрала все самое ценное, взяла драгоценности и убежала из дома.

Кира спряталась у подруги школьных лет. Подруга, так и не устроившая свою личную жизнь, охотно согласилась помочь, когда Кира сказала, что ушла от мужа. Кира устроилась в ее загородном доме и решила, что здесь Куприянов ее не найдет. Она спокойно пересидит здесь несколько месяцев. За это время Куприянов успокоится, они разведутся, и она начнет жизнь заново с очень большими деньгами.

Но она, похоже, ошиблась на его счет.

Уже через день, проснувшись утром, она обнаружила, что ночью в доме кто-то побывал. Этот кто-то умело вскрыл замок и вошел без шума. Незвестный обошел весь дом, но ничего не взял. Это был не вор. Он двигался так тихо, что она даже не проснулась. Его следы обнаружили на кухне, в коридоре... и в комнате, где она спала. Выходит, этот человек смотрел на нее, спящую, и мог сделать с ней все, что угодно...

Только один человек способен поступить так, чтобы показать свою власть над ней. Ее муж, от которого она сбежала. Значит, он решил ее не отпускать. Ее охватил ужас. Убитая собака, ночное посещение дачи — предупреждение. Она-то знала, что, если муж решил чего-то добиться, его ничто и никто не остановит. Теперь это был совсем другой человек, не тот, за которого она вышла замуж.

Кира в тот же день попрощалась с подругой и перебралась в другое место.

Нельзя оставаться без лекарства

Укладывая покупки в машину, Кира Куприянова вдруг заметила молодого человека с усиками, которого уже видела в тот день. Он мгновенно отвернулся, но она поймала его внимательный взгляд. Он сидел в белой «Волге», а когда она отъехала, двинулся вслед за ней.

Покупки были тяжелые, и дежурная по подъезду бросилась ей помогать.

— Вам принесли цветы — огромный букет. Красные розы. Шикарные!

— Мне? — переспросила Кира.

— Конечно. Он так и сказал: «Это для Киры. Я знаю, что сейчас ее нет дома. Когда вернется, пусть это станет для нее приятным сюрпризом».

— Но я же просила вас никому не говорить, что я здесь живу, — возмущенно посмотрела на консьержку Кира.

— Ну, конечно же, я все помню, — обиженно поджала та губы. — Вас преследуют какие-то негодяи... Но это же совсем другой случай! Пришел такой очаровательный джентльмен, такой любезный, к тому же ваш старинный друг и поклонник. Он так и сказал: «Кира мне будет рада». Я открыла ему вашу дверь своим ключом, и он поставил цветы в воду. Знаете, что только странно? В букете десять роз, а полагается нечетное количе-

ство, четное приносят только на похороны. Наверное, ваш поклонник об- считался. Не особо, видимо, силен в арифметике, это бывает! Ну, все, я пошла. До завтра.

Кира автоматически кивнула.

Среди цветов она увидела белую карточку с небрежно написанными словами: «Моей Кире».

Да, это было послание от Куприянова. Он не желает оставить ее в по- кое. И она, прекрасно понимая, что за этим последует, стала лихорадочно запихивать драгоценности, деньги и бумаги в небольшой чемодан.

Но уйти она не успела.

В дверь настойчиво позвонили. Несколько секунд Кира стояла, не ше- велясь, потом, словно решившись на что-то, открыла. На пороге стоял Куприянов. Он легко переступил через порог и самодовольно улыбнулся:

— Я ведь предупреждал, что убью тебя, если ты попытаешься от меня уйти. Может быть, ты мне не поверила?

Слова словно застыли у нее в горле. Лицо стало белым как мел.

Уехав от подруги, Кира сняла квартиру в одном из новых районов, где вокруг стоят одинаковые дома. Поставила в квартире стальные двери, «гла- зок», новые замки. Щедро платила дежурным и уборщицам в подъезде, чтобы они не признавались, что молодая женщина по имени Кира живет именно здесь.

Она вела уединенный образ жизни. Ни разу не позвонила никому из своих прежних подруг и не завела новых — никому не хотела напоминать о своем существовании, надеясь, что когда-нибудь ее добровольное за- точение кончится, и она вернется к нормальной жизни.

Так Кира прожила четыре месяца. И даже подумала, что, может быть, Куприянов забыл о ней. Нашел себе другую женщину, помоложе, или увлекся очередной сделкой... Она немного воспряла духом, но, как оказа- лось, напрасно — Куприянов все равно ее нашел.

Для начала он изо всей силы ударил ее по лицу. Кира полетела на пол, ударилась головой, но сознания не потеряла. Куприянов стащил с себя пиджак. Глаза у него горели. Он получал удовольствие от таких кулачных расправ. Схватил ее за волосы и еще раз ударил по лицу.

— Как ты посмела сбежать, а? Да еще украсть мои деньги? Сам себе удивляюсь, почему я просто не приказал тебя придушить, а? Почему сам пришел? Почему с тобой вожусь?

Он вновь ударил ее по лицу. Может быть, все этим и ограничится, по- думала Кира. Изобьет и отпустит?

— Да потому, что такие дела никому не поручают, — сам себе от- ветил Куприянов. — Мужчина обязан отомстить за свой позор. А ты меня опозорила. Из-за тебя важное дело отложил, денежное! Надо

одного старого приятеля, с которым росли вместе, на футбол ходили, на тот свет отправить, чтобы не лез в чужие дела... А я тобой должен возиться!

Новый удар был сильнее прежних, и Кира поняла, что он пришел ее убить. Еще один удар пришелся по губам, и брызнула кровь. Она попала Куприянову на рубашку, и он, брезгливо оттолкнув Киру, пошел в ванную комнату, чтобы смыть пятна.

Кира со всей силы захлопнула за ним дверь ванной и задвинула засов. Потом еще и шкаф опрокинула, стоявший в прихожей, и он намертво заклинил дверь. Куприянов не сразу сообразил, что произошло. Толкнул дверь, потом навалился на нее плечом, но она не поддавалась.

— Открой дверь, дура! — крикнул он. — Ты что, не понимаешь? Выйду, хуже будет. Открой немедленно, а то убью!

Кира, как зачарованная, наблюдала за тем, как под его ударами трясется дверь.

Вдруг, там, в ванной, что-то случилось — голос Куприянова странно прервался:

— Кира, у меня приступ, дай лекарство.

Вспомнив, что муж давно страдает астмой, она рванулась к его пиджаку, висевшему на спинке стула, и обнаружила пульверизатор в одном из карманов. Кажется, Куприянов не притворялся. Он действительно задыхался и говорил уже с трудом. Умолял ее открыть дверь и дать ему лекарство, иначе он может умереть.

— Я все прощу — и бегство, и кражу, — доносилось из ванны. — Только открой, выпусти меня... Кира, милая, любимая... Я погибаю!

Она слушала его слабеющие крики и смотрела на часы. Она понимала, что Куприянов не шутит, он действительно может умереть, но не знала, сколько времени займет процесс умирания.

Она готова была ждать, потому что это был ее единственный шанс. Правда, сразу же возникала другая проблема — как потом быть с телом? С другой стороны, все не так уж страшно, ведь смерть наступит в результате естественных причин, так что ей опасаться нечего.

Лучше всего поступить так, думала Кира. Она сейчас уйдет, а когда вернется, то поставит шкаф на место, откроет дверь и тогда уже позвонит в милицию и все объяснит: муж пришел в ее отсутствие, у него внезапно начался приступ, а помочь было некому... Но сначала ей предстояло удостоверить, что он уже действительно умер.

Юрий Куприянов оставался действующим офицером Комитета государственной безопасности, поэтому хоронили подполковника, как положено, со всеми воинскими почестями.

Сергей Глазов приехал на кладбище, потому что знал Куприянова с юных лет. Он никак не мог поверить, что Юрий оказался предателем. Зато у генерала Игнатенко не было никаких сомнений на этот счет. Генерал пребывал в бешенстве. Умер не только Куприянов, но и Пшеничный, который должен был назвать все нужные имена. Так тщательно продуманная Игнатенко операция рушилась прямо на глазах.

А еще он был твердо уверен, что у Куприянова были влиятельные покровители, которые участвовали в наркотрафике. Но как теперь узнать их имена?..

Глава шестнадцатая

Безбожный переулоч

Сергей Глазов и Кристина Оазис поселились в четырнадцатизэтажном писательском доме в Безбожном переулке, рядом с проспектом Мира. Им выделили две квартиры, чтобы они не теснились.

Литературный критик Ирина Млечина, которая жила этажом ниже, неоднократно видела Глазова, вполне непримечательного господина, но, в основном, только в лифте. А вот мадам Оазис ей так ни разу не удалось не то, чтобы пригласить к себе, а хотя бы как следует разглядеть в лифте. Впрочем, она всегда стеснялась разглядывать людей.

Зато к ее сыну мадам Оазис являлась, как золотая рыбка, по первому зову. Он со смехом рассказывал:

— Нажимаю кнопку, и кто, как бы вы думали, спускается ко мне на наш этаж? Ну, конечно же, Кристина Оазис. Между прочим, вполне приятная молодая особа, и улыбается симпатично.

Кремль. Комната заседаний Политбюро

11 марта 1985 года был пасмурный и тоскливый день. На заседании политбюро академик Чазов зачитал медицинское заключение о смерти Черненко. Сразу после него, не дав никому сказать и слова, неожиданно выступил Андрей Андреевич Громыко:

— Конечно, все мы удручены уходом из жизни Константина Устиновича Черненко. Но какие бы чувства нас ни охватывали, мы должны смотреть в будущее, и ни на йоту нас не должен покидать исторический оптимизм,

вера в правоту нашей теории и практики. Скажу прямо. Когда думаешь о кандидатуре на пост генерального секретаря ЦК КПСС, то, конечно, думаешь, в первую очередь, о Михаиле Сергеевиче Горбачеве. Это был бы, на мой взгляд, абсолютно правильный выбор.

Громыко произнес настоящий панегирик будущему генсеку. Этого оказалось достаточно: в Политбюро не было принято спорить и называть другие имена.

Министра иностранных дел поддержал председатель КГБ Чебриков:

— Я, конечно, советовался с моими товарищами по работе. Ведомство у нас такое, которое хорошо должно знать не только внешнеполитические проблемы, но и проблемы внутреннего, социального характера. Так вот, с учетом этих обстоятельств чекисты поручили мне назвать кандидатуру товарища Горбачева Михаила Сергеевича на пост генерального секретаря ЦК КПСС. — Он немного помолчал, а потом многозначительно добавил: — Вы понимаете, что голос чекистов, голос нашего актива — это и голос народа.

Члены политбюро единодушно проголосовали за Михаила Сергеевича Горбачева.

МИД. Кабинет министра

По телевидению передавали последние новости:

— Андрей Андреевич Громыко избран председателем Президиума Верховного Совета СССР.

Второго июля 1985 года Громыко в последний раз побывал в своем кабинете на Смоленской площади. Он даже не собрал коллегия. Просто встал и ушел. Прощаясь, сказал своему первому заместителю Логинову:

— Я буду вас рекомендовать на свое место. Но, вы же знаете, это вопрос генерального секретаря.

Сотрудники Министерства иностранных дел сгрудились у окон, чтобы увидеть его отъезд.

Прощание

Кристина Оазис и Сергей Глазов сидели у телевизора и, не отрываясь, слушали последние новости.

— Мне кажется, самое время нам обоим уехать, — задумчиво проговорила Кристина.

Глазов скептически покачал головой, но она продолжала настаивать:

— У вас многое меняется. Громыко уже не в Министерстве иностранных дел, и ты сказал, что твой генерал ушел на пенсию. Ты лучше знаешь

вашу систему, но нравы везде одинаковы. Случись что — теперь некому будет за тебя заступиться.... Поехали! Я надеюсь, ваша страна откроется миру. Изменится отношение к людям, которые уезжают за границу.

— Что я там буду делать? — пожал плечами Сергей.

— Ты сможешь начать новую жизнь — не на пустом месте, я позабочусь об этом. Я у тебя в долгу, ты спас мне жизнь. Я не могу допустить, чтобы ты в чем-то нуждался, когда мы разойдемся.

Сергей понимал, почему она решила с ним расстаться. Кристина знала, что рядом с ней он в опасности. Боевики думают, что это он управляет ее империей и решает, на что тратить деньги.

— Но я попрошу тебя об одном, — продолжала она. — Давай постараемся не испортить то, что было между нами, не будем ничего рассказывать журналистам.

— Могу поклясться. Я не дам ни одного интервью, — совершенно серьезно ответил Глазов.

Последний день в Буэнос-Айресе

Когда Кристина Оазис хотела отвлечься от всех забот и развеяться, то прилетала в Буэнос-Айрес послушать музыку и отдохнуть. И повидать старую подругу Марину Додеро, чей муж Александр управлял здесь имуществом семьи Оазис.

С Мариной Додеро они дружили с самого детства. Ее отец, Альберто Додеро, вместе с молодым Аристотелем Оазисом когда-то занялись судебным бизнесом. Они покупали старые суда, ремонтировали и перепродавали.

На этот раз Кристина прилетела в конце октября. Казалось, в добром здравии и хорошем настроении. Она только что завершила очередной этап борьбы с весом в надежде взять в свои руки и свое тело, и свою судьбу. Сбросила четырнадцать килограммов из двадцати восьми, от которых хотела избавиться в швейцарской клинике.

Каждый ее роман развивался по одной и той же траектории — флирт, глубокая влюбленность, маниакальная страсть, острая ревность, разрыв и депрессия... Темная сторона присутствовала в ее характере и натуре. Что-то очень запутанное. Результат искривленного эмоционального взросления. В чем-то она была очень сложной, в чем-то невероятно простой, даже наивной. Сочетание этих двух крайностей ломало ее жизнь.

А ведь трагическое восприятие жизни вовсе не было ее сутью. Но под сильным внешним давлением ее слабая психическая конструкция разваливалась. Это толкало Кристину к саморазрушительным поступкам.

Она часто сознательно выбирала позицию жертвы. А потом начинала вести себя как раненое, угодившее в ловушку животное.

Всякий раз, когда брак или любовная связь рушилась, она впадала в депрессию и сразу же начинала искать нового мужчину. Новый мужчина был спасением. Но она так и не встретила того, на кого могла бы положиться. И так было с самого начала. Всю жизнь она пыталась найти настоящую любовь, но... не получалось. У нее было все, кроме счастья, которое она безуспешно искала. И все равно она еще на что-то надеялась.

А вот свое здоровье она серьезно подорвала. Таблетки для похудения наносили ущерб организму. Но ее губили не только таблетки. Она выпивала две дюжины баночек кока-колы в день. Гоняла личный самолет в Соединенные Штаты за кока-колой американского разлива. Когда ей становилось плохо, принимала транквилизаторы и сильные снотворные. Не могла отказать себе в шоколаде, черной икре или трюфелях. О ее внезапных приступах обжорства ходили легенды.

Однако она могла время от времени взять себя в руки, переставала есть и худела. Накануне приезда в Буэнос-Айрес она ела в основном салаты и заметно постройнела. И ей было ради чего жить. Она твердо взяла в руки управление отцовской империей. И хотя очередной брак с красавцем Тьерри Русселем вновь оказался неудачным, зато от этого брака у нее родилась дочь. Она была счастлива стать матерью, ведь до этого пришлось уплатить огромные деньги специалистам, так как она долго не могла забеременеть. Кристина нежно заботилась о дочери, которой уже исполнилось три года. Ее тетя, Мария Оазис, считала, что племянница вступила в лучшие годы своей жизни.

Тьерри Руссель разбил ей сердце, когда ушел от нее к любовнице. Но она оправилась и верила в новую любовь. Брат Марины, солидный и уверенный в себе аргентинский бизнесмен, представлялся ей вполне вероятным кандидатом в пятые мужья.

Накануне того рокового дня она обедала вместе с Мариной и ее братом в ресторане. Вернулась в половине второго ночи. Почему-то ей было очень одиноко. Хотела поболтать с Мариной, но та сказала, что совершенно без сил. Служанка Кристины Элени, которая еще была ее няней, принесла снотворное и, уходя, оставила дверь открытой, чтобы Кристина, если ей что-то понадобится, в любой момент могла ее позвать.

В десять утра к гостье заглянула Марина. Услышала шум бегущей воды и сказала Элени, что Кристина, вероятно, принимает ванну.

— Это невозможно! — встревожилась Элени, — она не идет в ванну, пока не выпьет чашку кофе.

Она влетела в ванную комнату и увидела Кристину лежащей в воде без сознания. Когда приехал врач, ему оставалось только диагностировать ее

смерть. Карета «Скорой помощи» отвезла тело в клинику, одну из лучших в Буэнос-Айресе.

Кристина Оазис ушла в мир иной в субботу. Ей было всего тридцать семь лет. Газеты написали, что на столике у ее постели лежали таблетки — вероятно, препараты для борьбы с весом. Все, кто знал Кристину, наотрез отвергли версию самоубийства. В те недели и дни она была в отличном настроении. Судья назвал обстоятельства ее смерти вызывающими сомнения. В ночь на воскресенье в городском морге провели вскрытие. Патологоанатом пришел к выводу, что она умерла от отека легких.

До последнего ждали, что прилетит ее бывший муж Тьерри Руссель с их дочкой Афиной. Он не прилетел. Два десятка друзей и родственников проводили ее в последний путь в воскресенье в греческой церкви, в городе, где ее отец начал путь из мойщиков посуды в миллиардеры.

Кристина Оазис оставила дочери неплохое состояние — триста миллионов долларов в банковских вкладах и в ценных бумагах и недвижимость стоимостью в сто миллионов. Ее тело отправили в Женеву, а оттуда на принадлежавший семейству Оазисов остров Скорпио, где были похоронены ее отец, умерший от пневмонии, и брат, погибший в авиакатастрофе. Устроили скромное отпевание в греческой церкви.

Пока она была жива, обсуждался каждый ее шаг. Каждая постигшая ее неудача, любая неприятность становились всеобщим достоянием. И на тот свет ее не хотели отпустить спокойно. Телекамеры были допущены даже на похороны — пусть на короткое время. Они в последний раз запечатлели Кристину Оазис в белой тунике. Ее безжизненные руки, сжимающие красную розу. Гроб, отделанный изнутри белым сатином. Она упокоилась в семейном склепе рядом с отцом и младшим братом.

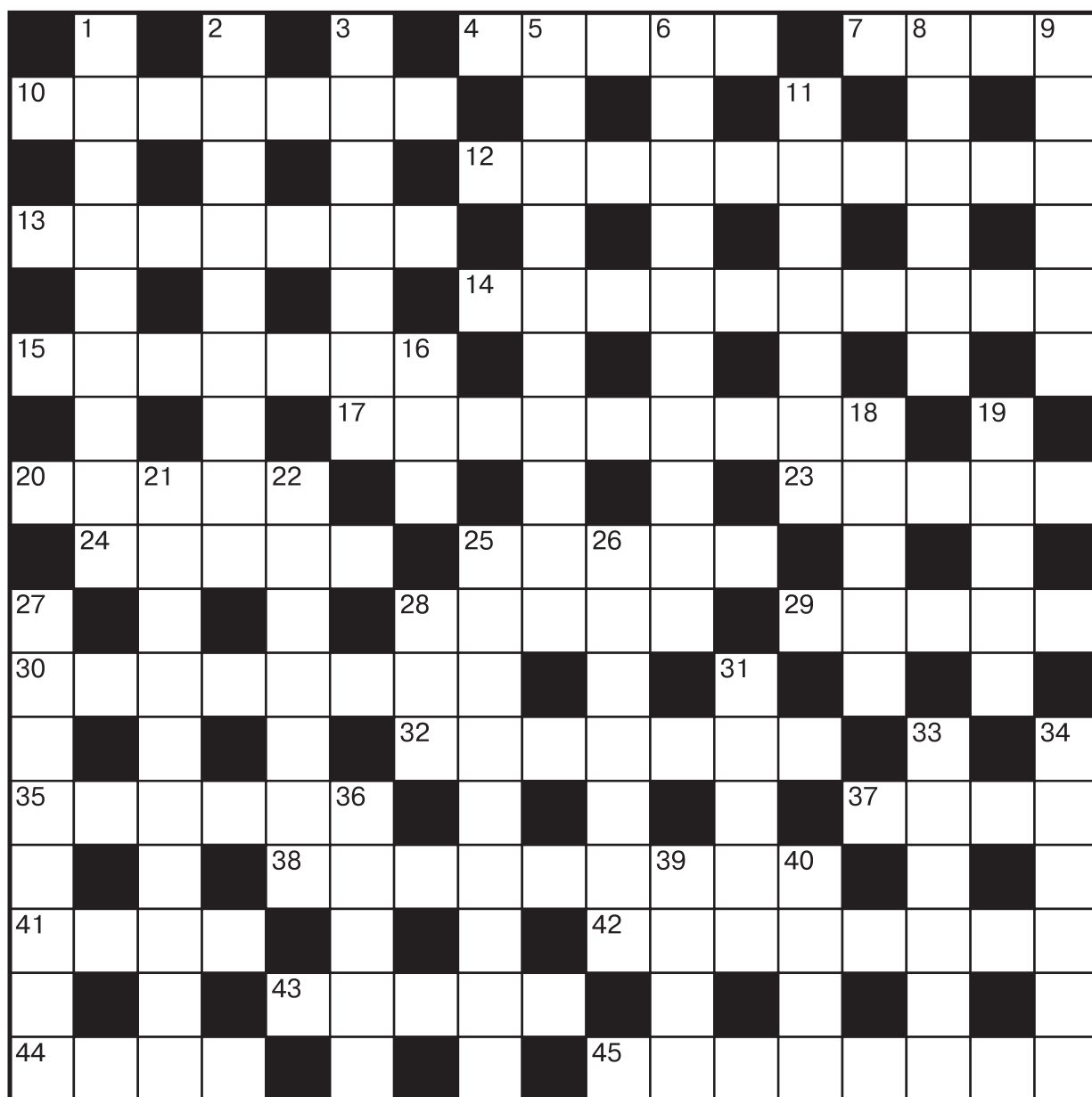
Кто-то согласился с официальной версией и считал, что Кристина Оазис умерла от отека легких. Кто-то подозревал, что она покончила с собой, — это наследственное, так же сделала ее мать Тина, наглотавшись барбитуратов. Да и саму Кристину однажды госпитализировали из-за передозировки снотворных.

И только Сергей Глазов несколько не сомневался: его бывшую жену убили. Как и остальных Оазисов — Александра, Тину, Аристотеля...

Но, храня данное Кристине обещание, Сергей не принял ни одного журналиста. Да и что, собственно, он мог им рассказать? Он, мужчина и офицер, не сумел спасти любимую женщину.

А вот она, Кристина Оазис, спасла его. Возможно, ценой своей собственной жизни. И он даже был лишен возможности сказать ей «спасибо». И признаться в том, что по-прежнему любит ее. С этим ему предстояло жить дальше. □

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** «Никто не любит ..., даже если они сделаны из золота». **7.** Возможность «поймать удачу за хвост». **10.** Кто на гадюшник работает? **12.** К кому относят героический эпос «Беовульф»? **13.** Апрельский гриб, чье поедание сравнивают с «русской рулеткой». **14.** Что оформляют над сиротой? **15.** Ска-

зочная волшебница, чьи инициалы писатель Дмитрий Емец «одолжил» у своей мамы. **17.** Склад фильмов. **20.** «Тут еще до чугулки был знатнейший ...» **23.** Кого Никита Хрущев лукаво считал альтернативой для Иосифа Сталина? **24.** Из чего состоят дожди на Титане? **25.** Какой элемент вызвал преждевременную

смерть Марии Склодовской-Кюри? **28.** Что начинено взрывчаткой в «Пародии на плохой детектив» Владимира Высоцкого? **29.** Популярный снэк, чья пачка содержит половину дневной нормы калорий ребенка. **30.** Карнавальное шоу. **32.** Что Остап Бендер «взял на память» о вдове Грицацуевой? **35.** Какой бомж под парижскими мостами ночует? **37.** Из-за какого продукта случился весь сыр-бор в сказке о волшебном орехе Кракатуке? **38.** Квакающий бэби. **41.** Людовик на испанский манер. **42.** «Красочное насекомое». **43.** Зловещий ... двери в триллере. **44.** «Средь шумных расставаний городских, гудков ... и гулов заводских». **45.** «Оптовая стрельба» у артиллеристов.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** В каком городе купили бриллиант «Орлов» для Екатерины Великой? **2.** Какой грек прославился именно в тот день, когда родился Александр Македонский? **3.** Зеленый гарнир к сосискам. **5.** Шествие фильма по мировым экранам. **6.** У кардиологов в ходу такая шутка: «Если вам помогает ...,

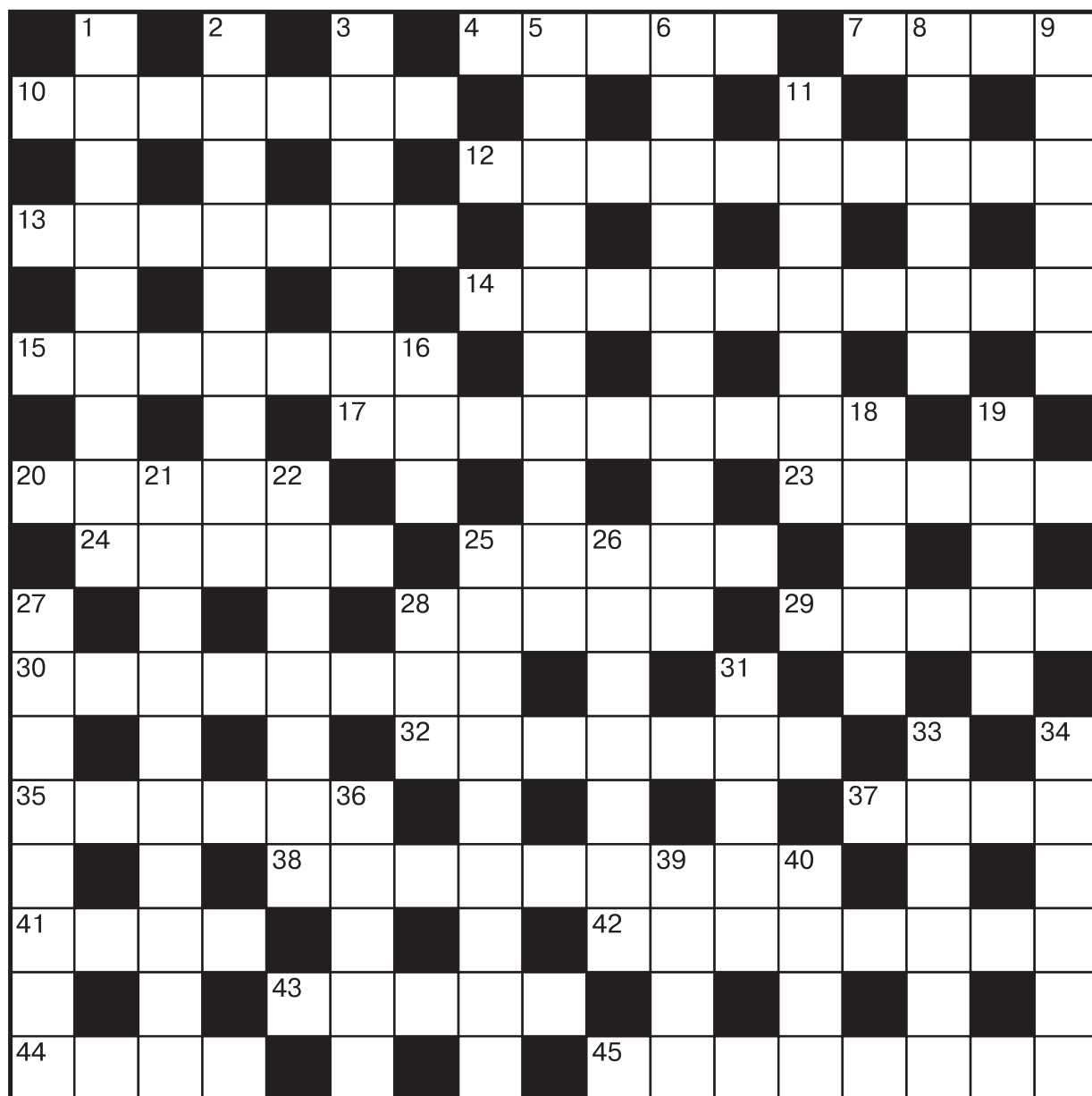
значит, сердце у вас не болит». **8.** Бланк из отдела кадров. **9.** Чем герой драмы «Сибирский цирюльник» выпорол генерала Радлова? **11.** Где рубят деревья для русской бани? **16.** О какой европейской столице Николай Гоголь говорил с религиозным трепетом? **18.** Ответный, официальный или дружественный у политиков. **19.** Какая задача стоит перед опером? **21.** Игрок в «американскую лапту». **22.** Домашняя рысь у арабов. **25.** Какой недуг усиливает «несгибаемость»? **26.** Кусочек «для ровного счета». **27.** Умение быстро «шурупить мозгами». **28.** Самый униженный голос. **31.** В чем розыгрыш может состоять из одного удара или из четырехсот? **33.** «Мало кто захотел бы становиться ей поперек дороги, ибо она была хитра, как шакал, отважна, как дикий буйвол, и бесстрашна, как раненый слон» (героиня Редьярда Киплинга). **34.** По какому спорту имеет третий разряд наш киноактер Алексей Булдаков? **36.** В какой траве на пруду мальки обычно прячутся? **39.** Что ампутировали великой Саре Бернар в 71 году? **40.** Лотерея с шарами в казино.

Ответы на кроссворд, опубликованный в №4

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Спрос. **9.** Черепок. **11.** Шпион. **12.** Тарарах. **14.** Сирия. **15.** Лицеист. **16.** Пафос. **18.** Исаев. **20.** Медовик. **23.** Робот. **25.** Таро. **28.** Кассета. **29.** Ракета. **30.** Пила. **32.** Судок. **33.** Банан. **34.** Фонвизин. **36.** Модератор. **38.** Козерог. **39.** Бурав. **40.** Каноист. **41.** Орфей. **42.** Адлер. **43.** Местком. **44.** Ясень.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Мелисса. **2.** Селигер. **3.** Тот. **5.** Псалом. **6.** Овал. **7.** Аппетит. **8.** Томск. **10.** Кабачок. **13.** Хилость. **17.** Сейсмолог. **19.** Востриков. **21.** Камин. **22.** Коран. **24.** Табун. **26.** Драфт. **27.** Скунс. **30.** Паваротти. **31.** Ладожское. **32.** Сикейрос. **35.** Менакер. **36.** Модерн. **37.** Нужда. **38.** Кавер.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Кого, согласно опросу BBC, назвали «Величайшим мыслителем тысячелетия»? **7.** Барнабас, ставший отчимом для Исаака Ньютона. **10.** «Заполярный зубр». **12.** Остров с всеячими попугайчиками, отдыхающими головой вниз. **13.** Резиденция короля Артура. **14.** Ловчий, связывающий морду зверю. **15.** «Здоровье и весе-

лье оплодотворяют друг друга» (английский классик). **17.** Какой из жанров научной фантастики близок к антиутопии? **20.** Какому художнику Анна Ахматова посвятила «Сказку о черном кольце»? **23.** Самая большая ... в мире весит почти пять тонн. **24.** Персидский купец. **25.** Из какого материала построили Ноев ковчег? **28.** «Княжеское достоинство»

прежде у татар. **29.** Кто из американских астрономов открыл в 1930 году Плутон? **30.** Кто, согласно Священному писанию, стал главным прорабом при возведении храма Соломона? **32.** Штат в тезках у одного из Великих озер. **35.** Ранний псевдоним Николая Гоголя. **37.** Первый за день намаз. **38.** Загородные пикники с танцами в Коста-Рике. **41.** Мюзик-холл, где необычайно весело отпраздновали 80-летие певца Мориса Шевалье. **42.** Монетная мелочь на воровском жаргоне в дореволюционной России. **43.** Вторая стадия пищеварения. **44.** «Отец всех металлов» у алхимиков. **45.** Из какой тропической древесины делают мебель с ванильным запахом?

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** «Двойное вино», чей ввоз из Франции в Россию когда-то строго запрещали. **2.** Чем убивает Сид из фантастического боевика «Петля времени»? **3.** Самый мощный из немецких танков времен Второй мировой войны. **5.** «Ангел-хранитель» древнего грека. **6.** Велосипед на пять ездовых. **8.** Под-

московный город с памятником первому русскому водопроводу. **9.** Любимая танцевальная одежда для Айседоры Дункан. **11.** Фруктовый тайский десерт с рисом. **16.** Основатель Ассирийского царства. **18.** «Святая» степень философского посвящения у масонов. **19.** Кто первым применил эллиптические функции в теории чисел, проложив через полтора века путь к доказательствам великой теоремы Ферма? **21.** Конный тореро. **22.** Митрополит Петроградский в друзьях Григория Распутина. **25.** Пудинг из профитролей. **26.** Священный танец Диониса. **27.** Какой композитор, не постигнув нотной грамоты, сочинил музыку для триллера «Бегущий по лезвию»? **28.** Кого из своих сыновей проклял Ной? **31.** Питерский театр оперетты, где с 1922 года выступал Леонид Утесов. **33.** «Праздник Огней» у иудеев. **34.** Шкатулка для японской чайной церемонии. **36.** Мускат из Сицилии. **39.** Ниша в винном погребе. **40.** Реакция на латексный клей у агента Ферриса из романа «Инферно».

Ответы на эрудит, опубликованный в №4

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Акыка. **9.** Бакарак. **11.** Седас. **12.** Ферекид. **14.** Залом. **15.** Ретабло. **16.** Гусев. **18.** Молох. **20.** Кембрик. **23.** Пэйнт. **25.** Нора. **28.** Гамбино. **29.** Адамян. **30.** Кугэ. **32.** Пенни. **33.** Кенар. **34.** Удильщик. **36.** Колумелла. **38.** Парагуш. **39.** Урбан. **40.** Лессепс. **41.** Дарем. **42.** Диокл. **43.** Сигилла. **44.** Сешат.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Качалов. **2.** Самотоп. **3.** Даф. **5.** Кретек. **6.** Каир. **7.** Кетамин. **8.** Салле. **10.** Керуинг. **13.** Дербина. **17.** Вербункош. **19.** «Хэняньтан». **21.** Кошун. **22.** Зауэр. **24.** Тацек. **26.** Разум. **27.** Хаким. **30.** Керенский. **31.** Галлиполи. **32.** Пикапаре. **35.** Кугелис. **36.** Кубеба. **37.** Уриил. **38.** Панки.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на 2-е полугодие 2018 года через редакцию.

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____
 Дата рождения _____ Индекс _____
 Обл./край _____ Район _____
 Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____
 Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу: 127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д.14, стр.1 или на электронную почту: sales@smena-online.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 121 рубль 00 копеек	За 1 номер — 145 рублей 20 копеек
За 6 номеров — 726 рублей 00 копеек	За 6 номеров — 871 рубль 20 копеек

Для чтения журнала в электронном виде (компьютер, iPhone, iPad и иные гаджеты).

Стоимость подписки на 3 месяца	Стоимость подписки на 6 месяцев
132 рубля 00 копеек	264 рубля 00 копеек

* Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа		Дата
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа		Дата
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

С 1 октября открыта подписка на 1-е полугодие 2018 года на журнал «Смена» во всех отделениях почтовой связи.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ ФГУП «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		Индекс П2446 — льготный (11 категорий) Индекс — П2431 — для всех подписчиков Индекс — П3292 — годовая подписка online сервис www.podpiska.pochta.ru
КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов Индекс 70820 — для остальных подписчиков Индекс 70656 — годовая подписка
КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ		Индекс 99406 — для всех подписчиков возможность оформления подписки через сайт www.vipishi.ru
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»		Индекс 88998 — для всех подписчиков

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Московский дом
книги на Новом Арбате»

Вся
пресса
в одном
месте!

ВНИМАНИЕ, ! КОНКУРС !

Дорогие читатели!

Когда в нашей жизни что-то случается неприятное, мы обычно ссылаемся на невезение, рок или судьбу и никогда не задумываемся над тем, что та же «судьба» порой посылает нам в помощь определенные знаки, которые надо только разглядеть и понять.

Нам интересно, а были ли у вас такие ситуации, когда некий «знак свыше» помог вам найти правильное решение или что-то изменить в вашей жизни в лучшую сторону. Вот мы и решили в 2018 году объявить среди наших подписчиков

новый конкурс «Знаки судьбы».

Ждем ваших интересных историй!

Тексты с пометкой «На конкурс» принимаются объемом 5–10 страниц (до 25 000 знаков) в электронном виде на адрес:

tomasmena@mail.ru до 20 ноября 2018 года.

Не забудьте указать свой возраст и профессию.

Итоги, как всегда, будут подведены в конце года и опубликованы в 1-м номере 2019-го. Лучшие истории мы опубликуем на страницах журнала и на нашем сайте, а трое победителей получат премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

